63.3(2)5
А 98

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА.

Ник. АШЕШОВ

СОФЬЯ ПЕРОВСКАЯ

МАТЕРИАЛЫ
ДЛЯ
БИОГРАФИИ и ХАРАКТЕРИСТИКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ * 1921

Включено
в
каталог
1941

ПРОВЕРЕНО
1949 г.

81077

Историко-революционная библиотека

633(2)5
А-98
Инв. 3325

Ник. АШЕШОВ

1965

92
П27

91

80

Инв. 87077

СОФЬЯ ПЕРОВСКАЯ

МАТЕРИАЛЫ

для

БИОГРАФИИ и ХАРАКТЕРИСТИКИ

ПЕРЕДВИЖНОЙ ФОНД
БИБЛИОТЕКИ
№ 920
ЦЕНТРАЛЬНОГО ДОМА
РАБОТНИКОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ

БИБЛИОТЕКА
Обл. Дома Учителя

92
П27

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ ✻ 1920

Р. В. Ц., Петроград.

Отпечатано 20.000 экз.

Первая Государственная Типография, Гатчинская, 26.

Настоящее издание, посвященное крупнейшей деятельнице партии «Народной Воли»—С. Л. Перовской, представляет собою первый опыт систематизации тех материалов, какие имеются у нас в исторической литературе относительно этой замечательной русской женщины. История революционного движения в России только после переворота 1917 года получила свободу исследования и изысканий, и понятно, что многим работам в этой области в настоящее время приходится проходить стадию первоначального накопления материалов и собирания данных, которые послужат в будущем основою для дальнейших, уже чисто научных, исследований во всей полноте историко-революционного процесса. Задача настоящей моей книжки, как и намеченных далее работ, («А. И. Желябов», «Н. Рысаков», «Дегаев»),—скромная и ограниченная—дать в популярной форме чисто хрестоматийную сводку, по возможности, всего имеющегося литературного материала, рассеянного по многочисленным источникам, собирание которых в настоящее время столь затруднительно, и тем самым облегчить читателям знакомство с революционными деятелями прошлого, по крайней мере, в тех узких пределах, какие созданы наличностью опубликованных до сих пор, преимущественно в «легальной» и «нелегальной» прессе, данных. Самостоятельные исследования—дело того, еще не близкого будущего, когда будут использованы полностью архивы старого строя.

Автор.

Февраль 1919 г.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА ПЕРОВСКАЯ.

ГЛАВА 1.

Предки Софьи Перовской.

Если цари могут иметь свое родословное древо, то почему его не могут иметь цареубийцы?

Не те цареубийцы, которые в домашнем придворном кругу расправлялись с царями, устраняя их с престола, в угоду тем или иным претендентам, в роде Алексея Орлова, покончившего с Петром III в угоду матушке Екатерине, или той придворной знати, которая убила Павла I, с благословения его сына, Александра I, не по иронии ли судьбы получившего наименование «благословенного»... А тех цареубийц, которые от имени народа и во имя его выступали тираноборцами и со светочем свободы в руках несли в них смерть властелинам, сидевшим на троне отцов своих.

Софья Львовна Перовская была цареубийцей. Она привела в исполнение смертный приговор партии «Народной Воли» над императором Александром II. Она действовала от имени народа и во имя блага его, как его понимала. Революционерка и социалистка, она тем не менее вышла не из низов, а из верхов общества, тех верхов, которые тесно и близко соприкасались с двором царя.

Если бы мы руководствовались спутанностью, перепутанностью, запутанностью и подозрительностью происхождения, какими характеризуется дом Романовых-Готторпов, то мы могли бы сказать, что Софья Перовская была из царского рода. Во всяком случае из рода, весьма высокого, аристократического, хотя основатель той фамилии, из которой она произошла, был сам низкого происхождения.

Дочь Петра Великого Елизавета, еще будучи цесаревной, пленилась красотой и прекрасным голосом молодого казачка, вывезенного из Малороссии, сына Григория Розума—Алексея, бывшего общественным пастухом. Убежав от отца, поднявшего на него топор за то, что сын-пастух осмелился заняться таким непутевым делом, как чтение книги, Алексей попал в придворные певчие и сделал головокружительную карьеру, которая увенчалась браком его с императрицей Елизаветой Петровной, совершенным в 1742 году.

По восшествии своем на престол Екатерина II хотела даровать ему титул «императорского высочества», но бывший пастух,

а теперь уже граф Алексей Разумовский благородно отказался от этой чести, изорвав все документы, касавшиеся брака...

Некоронованный царь умер бездетным и все свое колоссальное состояние, полученное им от любившей его царицы, оставил своему брату Кириллу. Сын последнего Алексей Кириллович, получивший блестящее для того времени образование за границей, бывший впоследствии попечителем Московского учебного округа, а затем министром народного просвещения, удалил из своего дома законную супругу свою, урожденную графиню В. П. Шереметеву, и сошелся «незаконно» с девицей Марией Михайловной Соболевской, от которой прижил десяток детей.

В царствование Александра I графу Алексею Кирилловичу удалось всех своих детей от Соболевской приписать к дворянству, причем им была присвоена фамилия «Перовских», по названию подмосковного имения «Перово», где Елизавета Петровна венчалась с Разумовским.

Перовские — «незаконнорожденные» сыновья Алексея Кирилловича Разумовского—сделали блестящую карьеру: Алексей Алексеевич, попечитель Харьковского учебного округа, дядя и воспитатель поэта графа Алексея Толстого, приятель Пушкина и сам писатель, известный под псевдонимом «Антония Погорельского»; Василий Алексеевич—генерал-адъютант, генерал-губернатор Оренбургской и Самарской губерний, член государственного совета, один из выдающихся деятелей Николая I, верившего настолько В. Перовскому, что выдавал ему подписанные своим именем и незаполненные текстом бланки; Лев Алексеевич—министр уделов, а затем и министр внутренних дел, получивший графский титул, переданный им по бездетности брату своему, Борису Алексеевичу, занимавшему крупные посты по военному ведомству, с 1860 г. состоявшему при великих князьях Александре Александровиче (впоследствии императоре Александре III) и Владимире Александровиче. С 1862 года он был генерал-адъютантом при Александре II, а с 1874 года членом государственного совета.

И, наконец, пятый сын (или внук царицыного мужа) Николай (он был старшим в роде Перовских) сделал менее блестящую карьеру. Он служил по ведомствам иностранных дел и финансов, а затем был Таврическим вице-губернатором, а потом Феодосийским градоначальником и Таврическим губернатором.

У него-то и родился сын Лев Николаевич, получивший затем образование в институте корпуса инженеров путей сообщения. Впоследствии он занимал должность Псковского вице-губернатора, а затем назначен был Петербургским вице-губернатором. С 1-го января 1865 г. по 22 июня 1866 года Лев Николаевич состоял в должности С.-Петер-

бургского губернатора; уволенный от этой должности, Лев Николаевич до смерти состоял членом совета министра внутренних дел. Умер он в феврале 1890 года.

Цареубийца Софья Перовская была дочерью этого действительного статского советника, бывшего Петербургского губернатора и члена совета министра внутренних дел!

Она была, таким образом, праправнучкой Алексея,—по его брату Кириллу,—Разумовского, мужа императрицы Елизаветы Петровны.

О цареубийце можно, следовательно, сказать, что среди ее предков были хотя и не царствовавшие формально, но царственные мужи.

Родословная цареубийцы, как видите, весьма пышная, знатная и богатая. Незнатные крестьянские предки фамилии, в том числе и «незаконнорожденные», были давно забыты, и Перовские считались принадлежащими, конечно, к чистой аристократии, к сливкам общества, ютившегося у императорского двора, среди тех правящих кругов и верхов, которые руководили в течение веков судьбами русского народа и великой России.

Софья Львовна Перовская могла остаться в своем исконном кругу. Она могла сделать, при своем уме и жизненных талантах, при своей красоте и ярком характере, блестящую карьеру, украсив свое имя, быть может, каким-либо громким титулом.

Но Софья Перовская не пошла проторенными путями своих отцов и дедов. Она связала свою жизнь с русской свободой, понравшейся теми кругами, к которым она принадлежала, распятой этими кругами. И Софью Перовскую за это распяли. Она окончила свою жизнь на эшафоте, от рук царского палача.

Как же это могло случиться?

ГЛАВА 2.

Движение шестидесятых годов.

Этот драматический эффект порожден русской историей, которая после севастопольского банкротства самодержавия пережила период идейной революции, охватившей все круги и все слои общества и народа.

После царствования жандарма Николая I, инквизиторски давившего русскую жизнь, самодержавие заметалось в судорогах, которые могли быть и предсмертными. Кулак, плеть и цепи не могли,—это было очевидно даже слепым,—управлять громадной страной, все больше и больше вовлекаемой в круг общеевропейских и мировых интересов. Страна росла экономически, политически и культурно, и

злая язва—крепостное право—делалась болезненной даже для носителей короны. Носители короны предпочитали, улавливая свойства и дух времени, прикончить с этой язвой собственным соизволением, чем ожидать революции, а в семье Николая I вечно реяли призраки революции после восстания 14 декабря 1825 года.

Банкротившееся самодержавие для своего спасения выбросило тяжкий груз со своего дворянского корабля—крестьянское рабство—в надежде, что дальнейший ход корабля будет уже более легким и спокойным. Но жизнь сбрасывала уже с себя инквизиторский пресс и в дальнейшем развивалась вполне самостоятельными путями.

Самодержавие предполагало, что, уничтожив крепостное право, оно тем самым расчистит себе дорогу для дальнейшего безболезненного и спокойного существования, а жизнь смела все эти предположения, как былинку, и пошла революционными семимильными шагами вперед.

Было сброшено крепостное право, и началась идейная революция, которая взбаломутила все общество сверху и до его низов и привела к величайшему идейному кризису, к гибели старых богов—владык и к полному революционному пересмотру всех предустановленных взглядов, программ и мировоззрений.

Эта идейная революция коснулась и женского вопроса. Идея женского равноправия оказалась быстрой победительницей. Завязавшаяся на этой почве борьба отцов и детей кончилась, конечно, победой последних. Женщина завоевала себе самостоятельность, не останавливаясь ни пред какими препятствиями. И если в общем женское движение имело своей целью реформу семьи и выход жен и дочерей из-под тяжелой власти и опеки родителей, то на крайнем левом фланге молодежи женщина бросилась смело и наравне с мужчиной в самый центр уже не идейного только, но и реального революционного движения.

С этого момента революционное движение и русская женщина идут вместе.

Из русского революционного движения нельзя вычеркнуть женщины. Она органически себя связала с ним. Она вошла во все его проявления. Она смело подымалась на гребни самой высокой революционной волны.

И если мы видим, что аристократическая девушка из «высоких» сфер, близких к придворной знати, бросает все свои связи, традиции, положение, внешний блеск, имя, богатство и связанные с именем и этим богатством привилегии, то в этом надлежит видеть не только природные, так сказать, прекрасные качества русской женщины вообще, но и власть идейной революции шестидесятых годов, которые перевернули вверх дном весь быт и весь идейный строй русской жизни.

ГЛАВА 3.

Детские годы С. Перовской.

Софья Перовская родилась в 1854 году, в разгар севастопольского банкротства. В 16 лет она была вся обвеяна революционным горячим дыханием шестидесятых годов.

Это горячее движение революционной эпохи тем легче могло достичь сердца Сони, что ей приходилось жить в тяжких семейных условиях, и ее детские годы были лишены во многих отношениях обычных тихих и прекрасных радостей, свойственных детству.

Отец Софьи Львовны был типичным самодуром, тяжелым, властным, недалеким. В семье он был тираном и к тому же к Соне, как к самой младшей дочери, он относился весьма дурно и явно не любил ее.

Маленькой девочке приходилось видеть и переживать вместе с матерью самые тягостные сцены семейных безобразий. Крепостник-бюрократ переносил и в семью навыки своей среды, и понятно, как больно было дочурке, любившей горячо свою мать, видеть, например, такие сцены, когда отец заставлял своего малолетнего сына бить свою же мать... Не только сам отец допускал такую расправу с женой, но и детей воспитывал он в атмосфере крепостнического насилия.

На другую натуру такая жизнь и такие условия повлияли бы разлагающе. Но у маленькой Сони была прекрасная и светлая душа. И все эти кошмары семейной жизни возбуждали в ней, с одной стороны, самую пламенную любовь к своей матери, женщине нежной, тихой, скромной и кроткой, а с другой стороны,—рождали в ребенке могучую, властную, неистребимую ненависть ко всякому насилию, к зверскому проявлению грубой мужской власти. Не даром в будущем Перовская относилась несколько холодно и сдержанно к мужчинам, как к деятелям вообще, считала женщину выше их, вообще, не любила их: так из детства ранена она была навсегда, так жизнь, отравленная постоянными семейными сценами, вытравила из ее души и чувство к отцу, и сделала ее холодной к мужской силе вообще.

До трех лет Соня жила в Петербурге под надзором няни. Мать, хотя и обожала ребенка, но могла, по условиям своей жизни, уделять ей слишком мало внимания. Затем, когда отец был назначен Псковским вице-губернатором, ребенок также жил своей жизнью, потому что мать, вследствие служебного положения своего мужа, должна была вести светскую рассеянную жизнь.

Интересно отметить «игру судьбы»: в Пскове родители Софьи Перовской и Н. В. Муравьева, выступавшего в сенате в качестве

товарища прокурора С.-Петербургской судебной палаты обвинителем по делу первомартовцев, были сослуживцами и жили близко друг от друга. Дети Перовского и Муравьева-отца встречались и виделись... Играли вместе, таким образом, палач и его будущая жертва: Муравьев ведь требовал смертной казни для товарища своих детских игр...

Дитятей Соня проявляла «мальчишеские» наклонности и кукол не любила. Резвая, веселая, она предпочитала с братьями вести серьезные игры, и ей нравилось, когда братья приучали, например, ее по-мужски защищаться от нападений. В Пскове мать вскоре бросила тот рассеянный образ жизни, который отдалял ее от детей, и Соня вполне испытала очарованья материнской любви, и связь между матерью и дочерью, которая ненавидела отца-насильника и оскорбителя,—сделалась отныне неразрывной. И в самые тяжкие моменты своей жизни Соня никогда не забывала своей матери; равным образом и мать не утратила ни на атом своей неизбывной любви к дочери, несмотря на все дальнейшие превратности ее судьбы...

Грамоте научилась Соня от няни в восемь лет и немедленно пристрастилась к чтению. Книга с тех пор сделалась ее неизменным спутником. Учебу же Соня проходила с приходящими учителями, и, конечно, французский язык играл роль первого предмета.

Но есть замечательная черта в воспитании Софьи Перовской. Веяния времени отразились и на семье Перовских, и Соня проводила детские годы без всякого религиозного воспитания и влияния. Соня прожила без уроков по закону божьему, не ходила в церковь и вообще получила, в сущности, атеистическое воспитание, хотя отец и был религиозным человеком, но, конечно, по-чиновничьи религиозным.

В гимназию Соню не отдали; быть может, этого требовал аристократизм их положения; но, к счастью, Соня не попала и в институт, тоже, вероятно, под влиянием времени, разрушавшего все предрассудки и предустановленные обычаи. Мать ее мечтала дать образование и воспитание дочери по своему плану. Но этого не удалось сделать, потому что вскоре семье пришлось испытать тяжелые дни.

Отца Сони перевели в Петербург на должность Петербургского вице-губернатора. Соне довелось тогда, в 1865 году, побывать за границей и прожить некоторое время в Женеве. Вернувшись в Петербург, Соне снова пришлось видеть, как семья окунулась в омут светской жизни. Старшая дочь подросла. Ее стали «вывозить в свет». Открытая жизнь требовала громадных средств, и отец делал долги, не задумываясь, тем более, что высокое служебное положение облегчало ему эту возможность широкого кредита. И у подрастающей

Сони, которую опять мать, при всей своей пламенной любви, должна была оставлять одну, нарастала новая ненависть—не только к насилию, воплощавшемуся в образе отца, но и ко всей этой шумной, светской, аристократической жизни, кипевшей в семье и около семьи. Ребенок связывал эту жизнь с образом мучителя-отца. И объединенные вместе, эти два впечатления вызывали одинаковое чувство ненависти. И Соня проводила эти годы опять только с одними никогда не изменявшими ей друзьями—своими книгами...

ГЛАВА 4.

Учебные годы.

Когда Соне исполнилось 12 лет, в семье ее произошел крах. Покушение Каракозова на жизнь Александра II разбило блестящую карьеру отца, повышенного тогда уже до звания Петербургского губернатора. Ему пришлось перейти в чиновное небытие, так как его упрятали в совет министра внутренних дел, находясь в котором никакой больше карьеры сделать было невозможно. Долги немедленно всплыли, и навязчивость скромных до того кредиторов сделалась невыносимой. Имение же, доставшееся от отца и находившееся в Крыму, приносило только убытки.

Тогда мать, наконец, получила возможность освободиться от ужасов своей семейной жизни и получить ту свободу, о которой она мечтала только робко в своих мечтах. Она убедила своего мужа отпустить ее с семьей в Таврическую губернию, в имение, ссылаясь на то, что в Петербурге жить сделалось не по средствам. Аргумент был более чем убедителен, и муж отпустил семью на волю, к радости его жены, справедливо полагавшей, что муж останется в Петербурге, так как он никак не мог расстаться с иллюзией вернуть себе утраченное высокое положение.

До 14 лет Соня прожила в имении, в Симферопольском уезде, в полной свободе. Она много читала, благо в имении нашлась недурная библиотека с большим выбором книг по художественной литературе, истории и естествоведению. Братья приезжали на каникулы и тоже привозили с собой книги, и уже здесь Соня познакомилась и стала зачитываться Писаревым. Жизнь с ее освободительными гимнами новых тонов пришла и сюда, в крымское имение, и пред Соней начали раскрываться новые горизонты, насыщенные духом прекрасной и светлой свободы.

А 15-ти лет ей снова пришлось переехать с матерью в Петербург. Теперь Соня и ее старшая сестра Мария ехали сюда с радостью.

Их захватили новые идеалы, так как и Мария также стала увлекаться прогрессивными идеями того времени. Сестры решили вместе продолжать учиться. Имение было продано, и пред продажей мать разрешила дочерям образовать, так сказать, свой собственный капитал, предоставив им право продать вещи и предметы обстановки дома, чтобы скопить деньги. Вероятно, здесь играло роль опасение, что отец, чтобы помешать дочерям учиться там, где они хотят, не даст им денег,—и чтобы устранить это препятствие, был найден выход в продаже вещей, что обеспечило обеим девушкам некоторую материальную независимость от отца.

В Петербург Перовские приехали в разгар прогрессивного движения вообще, женского в особенности. Семье пришлось теперь жить на скромной квартире, поселиться в которой, к общему удовольствию, отец отказался. Обстановка складывалась, таким образом, вполне благоприятно, и Соня с сестрой могли беспрепятственно осуществить свою мечту об учении.

Обе они поступили осенью 1869 года на так называемые «Аларчинские» курсы при пятой Петербургской гимназии. Сюда потянулась передовая женская молодежь, и эти курсы пользовались плохой репутацией у властей. Известная официальная «Хроника социалистического движения» генерала Шебеко говорит, что эти курсы «посещались всеми нигилистками и эмансипированными, изобиловавшими в Петербурге», и именно этим курсам «Хроника» приписывает окончательное «падение» Софьи Перовской в бездну революции. Курсы создали совершенно новую обстановку жизни Перовской. Она быстро сошлась с видными представителями тогдашней молодежи, сестрами Корниловыми, Вильберг, Лешерн-фон-Герцфельд и др., или, как говорит «Хроника», «завязала самые дурные отношения». С подругами этими Перовской довелось,—совершенно самостоятельно же,—провести летние каникулы в Лесном под Петербургом, так как мать и ее старшая сестра принуждены были сопровождать больного отца за границу. Такая случайность доставила много счастья Софье Перовской. И не даром впоследствии она вспоминала всегда восторженно этот период своей жизни.

И это вполне понятно. Не потому только чувство полного счастья охватило тогда Софью Львовну, что она внешне была совершенно свободна от всяких семейных обязательств и стеснительных условий. Важнее было то, что вместе со своими подругами она переживала медовый месяц социальных и политических увлечений, сбрасывала с себя ветхого человека и радостно приобщалась, и при том окончательно, к движению времени, носившему революционный характер уже не только в идеях, но и в практическом применении к жизни.

ГЛАВА 5.

Бегство из родительского дома.

Когда домашние вернулись из-за границы, Соне пришлось поселиться на этот раз вместе с отцом, и это было для нее совершенно непереносимой вещью. Последовательный, яркий, все доводящий до логического конца характер и ум Сони стал сказываться рано в этой натуре, богатой упорными, стальными свойствами воли, закалявшейся в испытаниях детских годов.

Как раз старый мир и новый мир России столкнулись в семье Перовских. Отец не мог переносить вида тех нигилисток, которые посещали ее дочь. Он попрежнему накладывал свою тяжелую руку на все проявления самостоятельной жизни девушки.

Но это был уже не кроткий ребенок, а молодой львенок. И когда отец стал запрещать подругам Сони приходить к ней (в особенности Вильберг с ее внешним нигилистическим обликом), то Соня решила так, как она вообще решала все крупные вопросы жизни—сразу, резко и бесповоротно. Она решила оставить отчий дом и уйти, что она и сделала осенью 1870 года.

Сестры Корниловы, вокруг которых сложился кружок, вошедший затем в кружок чайковцев (а отсюда и происхождение «Земли и Воли»), дали приют девушке, поступившей, впрочем, так, как поступали многие девушки и женщины того волновавшегося времени.

Отец—представитель старого мира—обратился к полиции с требованием вернуть неповинующуюся ему дочь. А дочь—представительница нового мира—не шла ни на какие компромиссы. Вмешательство брата Василия, которому удалось предотвратить скандал, добившись выдачи Соне отдельного вида на жительство, положило конец этой распре. Отец, однако, не пожелал больше видеть своей дочери. И Соня, чтобы видеться с нежно-любимой матерью, приходила к ней тайно, с черного хода, из опасения встречи с отцом...

Борьба кончилась. Соня победила. И охваченная движением русской мысли того времени, вращавшейся исключительно около интересов русского народа, она всецело вошла в это движение и отдалась ему со всей сосредоточенной энергией своей души. Вместе с тем, «желая способствовать развитию народа», как она показывала на предварительном следствии по делу 1-го марта, Перовская начала готовиться в народные учительницы.

ГЛАВА 6.

В начале семидесятых годов.

Вспыхнувшая после уничтожения крепостного права идейная революция объединила все прогрессивные слои нашего общества. И на барометре общественных настроений—молодежи, всегда являвшейся авангардом движения, можно проследить все фазы развития нашей социальной и политической мысли.

Освобождение крестьян повело за собой страстную тягу к освобождению человека, человеческой личности от всех внешних пут, ее тяготящих и мешающих ее развитию. Бурным натиском взбудораженной мысли личность объявлена была абсолютно свободной от всех стеснявших ее внешних факторов. Низложены были все авторитеты; все традиции объявлены были вредными. Центром общественной жизни был провозглашен и признан человек, автономная личность, которая живет и действует сообразно своему реальному мышлению.

Опрокидывая все сословные перегородки, не признавая их и отметая идею сословий, как самую зловредную и реакционную, ворвался на арену общественной жизни разночинец, интеллигентный разночинец, которому в царствование Николая I запрещены были все входы и выходы в здании общественности и которому возбранялось даже учиться в учебных заведениях.

Как реакция против такого насилия, веками давившего народ и его культурные силы, родился нигилизм, проповедывавший именно эту полную свободу автономной человеческой личности и признание ее центром жизни.

Проповедь нигилизма, нашедшая страстного пророка в лице Писарева,—а им зачитывалась Перовская уже в 14 лет,—была противовесом и бунтарским отрицанием дворянской барской культуры, которая была единственной на Руси. Культура должна быть для всех! Свобода для всех и полное презрение ко всему, встающему по пути этим принципам!

И когда социальные предрассудки и социальные ограничения были ниспровергнуты порывом бунтаря-нигилиста, критически мыслящей личности, интеллигентного разночинца, мыслящего пролетария,—тогда началась внутренняя духовно-созидательная работа, устремленная в русло идейного творчества для создания нового содержания новой русской общественной жизни.

И **народническое** учение, нашедшее в легальной прессе таких прекрасных апостолов, как Чернышевский и Добролюбов, было именно тем руслом, по которому развивается русская общественная

жизнь. Народничество становится основным фактором всех последующих течений и движений социальной и политической жизни России. Оно доходит и до наших дней,—этим выявляется его живучесть, жизненность и соответствие реальным запросам и нуждам жизни.

В семидесятых годах то же народническое движение находит своих новых апостолов в лице деятелей «Отечественных Записок», становящихся властителями дум русской молодежи и передового общества вплоть до середины восьмидесятых годов.

«Отечественные Записки» сыграли в этом отношении исключительную роль в истории русской мысли. Ее верховоды—Лавров, Михайловский, Щедрин, Елисеев—оттачивали резцами своей глубокой мысли идеи народничества, углубляли их в легальной прессе, а в нелегальной и в жизни те же идеи служили уже источником революционной действенности, практического дела, которое, по условиям русской жизни, не могло не принять, с первых же моментов своих проявлений, характера б о р ь б ы.

В литературе шла мирная борьба идей за существование и за свое оправдание. Но как только идеи уходили с теоретических высот на землю, они тотчас встречали самый суровый отпор в условиях жизни, созданных правительственной системой самодержавного управления.

И вполне понятно, что, начавшись с мирных фаз и форм, работа общественной мысли должна была сделать неизбежный скачок в область революционного действа, в сферу боевых операций против власти.

Так естественно, неизбежно и повелительно-жизненно народническое движение в литературе переходило в революционное движение в жизни.

Чтобы дорисовать цикл идей, которые тогда захватывали общество и к которым Софья Перовская относилась со всей своей последовательной страстностью, нужно, несколько забегая вперед в смысле хронологическом, обрисовать силу и значение двух факторов, которые влияли на формирование миросозерцания тогдашних деятелей жизни.

Общение с Западом в этот период жизни находило свои передаточные, оригинальные пункты в лице русской эмиграции, игравшей большую роль вообще в выработке мировоззрения активных сил русского общества.

Чрез эмиграцию и путем нелегальных сношений с за-границей определилось большое влияние у нас идей Бакунина и Лаврова.

Бакунин был легендарным героем молодежи, окруженным сиянием и блеском революционной фантастической сказки. Его революционное прошлое, его бунтарские похождения в Австрии, выдача русскому

правительству, заточение в Петропавловской и Шлиссельбургской крепости, бегство и затем участие во французском коммунарном движении, а потом решительная работа его в «Международном обществе рабочих»,—создали Бакунину исключительную славу и окружили его имя уважением и даже преклонением.

И естественно, что молодежь прислушивалась к его словам с особым напряженным вниманием и интересом. А этот анархист, бунтарь, ненавидевший идею Государства, звал русскую молодежь итти в народ!

«Что может делать,—писал Бакунин,—наш умственный пролетариат, русская честная, искренняя, до конца преданная социал-революционная молодежь?

«Она должна итти в народ несомненно, потому что нынче везде, по преимуществу же в России, вне народа, вне многомиллионных черных масс, нет более ни жизни, ни дела, ни будущности».

Но как и зачем итти в народ?

Для этого,—отвечает Бакунин,—есть единый путь— путь боевой, бунтовской». «Надо поднять все деревни. Что это возможно, доказывают нам громадные движения народные под предводительством Стеньки Разина и Пугачова. Эти движения доказывают нам, что в сознании нашего народа живет действительный идеал, к осуществлению которого он стремится».

Нужно, по словам Бакунина, уничтожить разобщенность деревенской жизни, нужно связать в одно целое эту рассыпанную храмину сел, волостей, областей и объединить все передовые элементы крестьянства. Объединить во имя необходимости социальной революции, путем всенародного восстания.

Осуществление идеала социальной революции вполне возможно, потому что, по всенародному убеждению, вся земля принадлежит народу, при том не отдельным лицам, а общине, и, наконец, потому еще, что общинная форма внутреннего самоуправления естественно враждебна государству.

Никакой, поэтому, предварительной фазы культурной работы или пропагаторской не надо. Народ готов к социальному перерождению и помимо политической свободы сразу может перейти в царство социализма.

Вторым деятелем в области идейного движения семидесятых годов был Лавров; «Историческими письмами» его тогда все зачитывались; они были евангелием молодежи. С жадностью молодежь читала лавровские статьи и в «Отечественных записках», а затем его нелегальный, издававшийся заграницей журнал «Вперед», который начал выходить с 1873 года в Цюрихе.

Лавров дает иную постановку вопроса сравнительно с Бакуниным

В статье «Наша программа» Лавров пишет:

«Социальный вопрос есть для нас первостепенный. Мы видим в нем самую важную задачу настоящего, единственную возможность лучшего будущего... Вопрос политический для нас подчинен социальному и в особенности экономическому. Государства так, как они существуют, враждебны рабочему движению, и они должны окончательно разложиться, чтобы дать место новому общественному строю, где самая широкая свобода личности не будет препятствовать солидарности между равноправными лицами и обширной кооперации для общей цели.

«...Для русского социальная почва, на которой может развиться будущность большинства русского населения в том смысле, который указан общими задачами нашего времени, есть крестьянство с общинным землевладением. Развить нашу общину в смысле общинной обработки земли и общинного пользования ее продуктами, сделать из мирской сходки основной политический элемент русского общественного строя, поглотить в общинной собственности частную, дать крестьянству образование и то понимание его общественных потребностей, без которого оно никогда не сумеет воспользоваться легальными своими правами, как бы они широки ни были, и никак не выйдет из-под эксплоатации меньшинства, даже в случае самого удачного переворота, вот специально русские цели, которым должен содействовать всякий русский, желающий прогресса своему отечеству».

Возникает, как и у Бакунина, вопрос о средствах для проведения такой программы в жизнь. Во-первых, перестройка общества должна быть совершена по Лаврову не только «для народа», но и «посредством народа». Никакие политические перевороты и заговоры недопустимы. Успех социального переворота должна подготовить интеллигенция. Она должна итти в народ, отказавшись от всякого участия в государственном строе современной России. Она должна стать в ряды страждущих и борющихся за дневное существование. Она должна отдать народу всю свою умственную подготовку и употребить ее на уяснение своим братьям-труженикам того, на что они имеют право, к чему они обязаны стремиться во имя своего человеческого достоинства.

Но для работы в народе необходима основательная подготовка, не в приобретении специальных знаний заключающаяся, а путем выработки реального мирозозерцания, критической способности мышления, без которых немыслима правильная постановка социологических вопросов, в которых заключается вся будущность человечества.

Революция является сложным историческим процессом, обусловленным совокупностью закономерно-действующих моментов

87077 3325

Поэтому опасны и вредны попытки искусственно вызвать народные восстания. Нужно готовиться и готовить русский народ к зрелой революции.

Таков был главный круг идей, вторгшихся в сознание русского общества и на него влиявших. Общественная мысль, в особенности мысль молодежи горела всеми огнями народолюбия, которое не могло не иметь бесчисленных форм для своего проявления и оправдания, в которое в бакунинском и лавровском учении находило свои крайние выражения. Это был левый фланг, и судьбы его вскоре определились.

ГЛАВА 7.

Кружок чайковцев.

Умственное движение самого начала семидесятых годов естественно повело к созданию самых многочисленных и разнообразных кружков. Это было время, так-называемых, студенческих коммун и групп самообразования. Петербург был наводнен подобного рода кружками, в которых коллективно обсуждались все волновавшие молодежь вопросы времени. Все они [illegible] вокруг основной оси времени—народничества.

Еще с весны 1869 года в Петербурге выделился (он сформировался из бывшей Вульфовой коммуны) и занял вскоре центральное место, так-называемый, кружок чайковцев.

Входивший в его состав Л. Э. Шишко [illegible] интересные и подробные данные об его жизни и работе (Сергей Михайлович Кравчинский и кружок чайковцев. Издание Расколова. Петербург 1906 г., а также собрание сочинений Л. Э. Шишко, том IV).

К началу семидесятых годов кружок чайковцев представлял собою довольно многочисленную для того времени и чрезвычайно сплоченную революционную группу.

Через сестер Корниловых, с которыми Перовская сошлась еще на Аларчинских курсах, она вошла в этот кружок.

В центральный петербургский кружок чайковцев, отличавшийся подбором замечательных людей ума, талантов и знаний, входили: Чайковский, М. и О. Натансон, Сердюков, Клеменц, Куприянов, Кравчинский, Кропоткин, сестры Корниловы, Ободовская, Г. Лопатин, Чарушин, Шишко, Тихомиров, Клячко, Лермонтов и др.

Кружок очень медленно пополнял свой состав, и его однородность определялась не столько полным сходством теоретических взглядов, сколько безусловной преданностью одной основной револю-

ционной идее, тесно переплетавшейся с моральною стороною всего движения семидесятых годов. Эта основная революционная идея заключалась в представлении о революционной деятельности, как о служении народному делу, вытекавшем из сознания огромной ответственности, лежавшей на интеллигенции по отношению к обездоленным рабочим массам.

Этические мотивы играли здесь исключительную роль. Людей объединяла тогда интенсивность субъективного настроения, а не правильность той или другой революционной доктрины. Среди чайковцев существовали большие разногласия относительно теоретических взглядов, но это не нарушало внутренней гармонии кружка.

Поэтому, когда в кружке ставилась кандидатура нового члена, то прежде всего взвешивались именно нравственные свойства человека и притом иногда довольно второстепенные на первый взгляд.

Для вступления в центральный кружок чайковцев—у кружка были также вспомогательные, примыкавшие к нему группы молодежи—требовалось согласие всех его членов. Одного отрицательного голоса было достаточно, чтобы предложенный кандидат не вошел в кружок. Так была устранена кандидатура студента Низовкина, несмотря на то, что была предложена такими выдающимися членами, как Чайковский и Чарушин,—только потому, что против нее высказалась одна А. Кувшинская, указавшая на болезненное, обидчивое самолюбие Низовкина, несогласимое, по ее мнению, с требованиями кружка. Последствия оправдали эту осторожность: Низовкин в процессе 193-х играл роль самого гнусного предателя.

Один из видных членов кружка, очень способный человек и хороший организатор, должен был выйти из состава кружка потому, что обнаружил некоторые черты характера, нарушавшие цельность представления о революционере, как личности. Этот член кружка отступил от того ригоризма в личной жизни, который составлял характерную черту того времени. Кружок ни за что не принял бы в свою среду человека, неспособного отказаться от перчаток или крахмальной сорочки, любящего выпить или легко относящегося к женщинам.

На одном из заседаний кружка С. Перовская, сама ригористка до мозга костей, строгая, упорная и последовательная, заявила о неискренности этого товарища, который старался казаться ригористом, а между тем позволял себе лишние траты на наряды. В результате и было удаление из кружка.

На почве полного внутреннего единства развивались революционные идеи кружка, причем исходной точкой при этом служил, разумеется, социализм, так как сама идея служения народу уже содержала в себе сущность социализма, как этического учения, как

*

протеста против экономического рабства, как защиты прав рабочего человека.

Тот нравственный переворот, который заставлял тогда людей отрекаться от окружающего их буржуазного мира и уходить в стан погибающих, совершался под влиянием именно социалистических идей, внесенных в русскую общественность Чернышевским и Добролюбовым, идей этического социализма.

Человек делался прежде социалистом и в силу этого становился революционером; он восставал не столько против данного политического строя, не столько в защиту своих политических прав или свободы совести, сколько во имя прав экономически и политически порабощенного русского народа; народные бедствия и крайне тяжелое обездоленное положение только что освобожденного крестьянства заслоняли тогда собою, в глазах революционеров, все другие общественные вопросы.

В этом именно смысле движение семидесятых годов и было народническим: оно непосредственно примыкало к движению 60-х годов, когда в основе всего лежала все та же неотвязная, мучительная мысль о русском мужике. Но эта мысль вместе с тем была связана неразрывно с социализмом, так как именно в социализме они видели единственно возможное разрешение вопроса. В конце-концов, революционное народничество шестидесятых и семидесятых годов представляло собою не что иное, как тот фазис в развитии социалистического движения, когда оно еще не успело расшириться до размеров массовой борьбы, а обнимало собою лишь один, так-называемые, идеологические элементы общества, движимые чувством долга по отношению к обездоленным рабочим массам.

Что касается практических методов действий, то кружку чайковцев пришлось разрабатывать их совершенно самостоятельно, за полным отсутствием практики, навыков, опытов и традиций. Пришлось проделывать свой собственный опыт, созидать оригинальные методы своими собственными руками.

И вот тут-то,—как отмечает Л. Шишко,—обнаружились любопытные свойства чайковцев: сочетание большой революционной решимости и огромного внутреннего одушевления с крайней осторожностью по отношению к каждому своему новому шагу; во всех решениях, так же как и в выборе новых членов, критика преобладала над увлечением. Тот элемент идеализации и восторженной веры в близость революции, который приписывается обыкновенно всему движению начала 70-х годов, явился не с первых шагов, а позднее, когда революционное движение среди интеллигенции приняло массовый характер и когда большая часть членов кружка была уже арестована.

Основателями кружка были М. А. Натансон и студент медико-хирургической академии В. Александров. Оба были видными деятелями тогдашнего молодого и волнующегося Петербурга. И. В. Чайковский и Сердюков были первыми из примкнувших к основателям этого кружка. Цель последнего понималась его основателями таким образом: они хотели создать среди интеллигенции и преимущественно среди лучшей части студенчества кадры революционно-социалистической или, как выражались тогда, истинно-народной партии. С этою целью первоначальными основателями кружка решено было вести систематическую пропаганду среди учащейся молодежи, устраивать кружки самообразования, землячества и так называемые коммуны, состоящие уже из более тесно связанных между собою товарищей.

С этою же целью чайковцы организовали—и притом блестяще—дело распространения книг, которые были бы проводниками близких им идей. Книги брались на комиссию или покупались с большой уступкой и затем распространялись в столицах и в провинции чрез студентов или политических ссыльных. Кружок, преследуя пропагаторские задачи, отпускал книги в кредит, но вместе с тем заботился о том, чтобы приобретаемые их кружки самообразования вырабатывали одну и ту же программу подготовки будущих революционных деятелей.

Кружок чайковцев массами распространял сочинения Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Некрасова, Бокля, Костомарова, Щапова, Сергеевича, Мордовцева, Берне, Милля, Дарвина, Дрепера, Спенсера, Лаврова, Лассаля, Маркса (первый том), романы Шпильгагена, Швайцера и Шпоке, «Историю великой французской революции» Л. Блана, «Комедию всемирной истории» Шерра, «Пролетариат во Франции» и «Об ассоциациях» Михайлова-Шеллера и др.

Кружок издавал и сам книги: «Историю 1848 года» Луи Блана, «Рабочий вопрос» Ланге, «Азбуку социальных наук» Флеровского, «Историю коммуны» Корьеза и Ланжоле, «Положение рабочего класса» Флеровского—второе издание,—и второе издание «Исторических писем» Миртова-Лаврова (эти книги, однако, погибли в цензуре). И вообще книжная деятельность чайковцев обратила на себя внимание политической полиции, которая при обысках захватывала книжные склады. Тогда же был арестован и выслан в Архангельскую губернию Натансон, а у Чайковского было произведено четыре обыска, и его дважды арестовывали.

В дальнейшем своем развитии чайковцы, по свидетельству Шишко, сделали попытку установить связи и отношения с земской средой, в виду того, что земские учреждения отдались делу народного образо-

вания, а также и кооперации. Чайковцы сделали попытку воспользоваться земскими учреждениями для своей пропаганды, но в силу тех или иных причин,—Л. Шишко, к сожалению, не говорит об этом подробно,—от этих замыслов пришлось отказаться. По-видимому, все же слишком большой радикализм чайковцев не создавал для них общего языка с земскими деятелями и общей почвы для работы, хотя чайковцы в тот период не вышли еще из рамок скорее просветительной, чем социально-революционной пропаганды.

В «Записках революционера» (издание «Знание», Петербург, 1906 г., том II, глава II) П. Кропоткин рассказывает, что он предложил кружку чайковцев заняться агитацией в пользу конституции, для чего и выработал соответствующий план действий.

«Если вы,—говорил в кружке чайковцев Кропоткин,—решите вести агитацию в пользу конституции, то сделаем так. Я отделюсь от кружка и только для видимости останусь в связи с ним через кого-нибудь одного,—например, Чайковского. Через него вы будете знать о моей деятельности, а я буду сообщать вам в общих чертах о моей. Я же поведу мою агитацию в высших и придворных кругах. Там у меня много знакомых, и там я знаю немало таких, которые недовольны уже современным порядком. Я сведу их вместе и, если удастся, объединю в какую-нибудь организацию. Впоследствии, наверное, найдется случай двинуть все это силы с целью заставить Александра II дать России конституцию. Придет время, когда все эти люди, видя, что они скомпрометированы, в своих же собственных интересах вынуждены будут сделать решительный шаг. Те из нас, которые были офицерами, могли бы вести пропаганду в армии. Но вся эта деятельность должна вестись отдельно от вашей, хотя и параллельно с ней. Я серьезно об этом думал и знаю, какие у меня связи и кому можно доверять; думаю также, что некоторые из недовольных уже и теперь смотрят на меня, как на своего рода центр, вокруг которого можно объединиться. Лично я не выбрал бы такой деятельности. Но если вы думаете, что она нужна, я отдамся ей душой и телом».

Кропоткин говорит, что сделал это предложение вопреки своим желаниям и стремлениям, и что если бы чайковцы согласились, то он пошел бы по пути, к которому не лежало его сердце, но не нашел бы личного счастья, которое встретил, пойдя по другому направлению.

«Но,—делает знаменательную оговорку князь-анархист,—шесть или семь лет спустя, когда террористы были всецело поглощены страшной борьбой с Александром II, я пожалел о том, что кто-нибудь другой не занялся в высших петербургских кругах выполнением плана, который я изложил пред кружком. Если бы почва была

подготовлена, то разветвившееся по всей империи движение, быть может, сделало бы то, что гекатомба жертв не погибла бы напрасно. Во всяком случае, рядом с подпольной деятельностью Исполнительного Комитета (партии «Народной Воли») обязательно должна была бы вестись парламентская агитация в Зимнем дворце.

Эта теория чрезвычайно характерна в устах анархиста, который сам формулировал программу чайковцев, разработав ее сообща с Бакуниным. Кропоткин стоял тогда на указанной точке зрения. Впоследствии такой крупный народоволец А. И. Желябов стоял в плоскости тех же взглядов, когда говорил о необходимости соединения всех живых сил страны для борьбы с гидрой самодержавия.

И не пришло ли еще время, мало ли убедителен был Кропоткин, который и сам внутренне колебался, слишком ли все были увлечены более традиционной идеей—социалистическим народным восстанием, в котором династия и монархия должны были погибнуть, как былинка в бурю,—факт тот, что политика тогда стояла не только не в плане действий, но была запретным плодом, была грехом против святого духа социалистического интернационального порыва и прорыва вперед.

Однако, чайковцы должны были искать какой-либо выход. Одна студенческая молодежь давала недостаточный материал для того широкого движения, которое подготовлялось. И тогда чайковцы [illegible] стали вести пропаганду в рабочих массах, перебрасывая ее из столиц и в провинцию, где уже тоже сформировались филиальные отделения кружка чайковцев (в Одессе, Москве, Киеве, Харькове, Херсоне, Вятке, Орле и некоторых других губернских городах, где были основаны небольшие революционные кружки.

* * *

В кружке чайковцев Софья Перовская, несмотря на свои молодые годы, быстро заняла видное место. Но и сам кружок имел также громаднейшее влияние на Перовскую, и это влияние сохранило свои следы на всю ее жизнь.

Хорошо знавшие этот кружок лица единодушно характеризуют его участников самыми восторженными красками. Кружок являлся крепким содружеством тесно объединившихся между собой во всех отношениях людей. Здесь господствовала интимная простота отношений, закрепленных братским уважением друг к другу. Кружок жил без писанного устава, без всякой регламентации. Поэтому все вопросы и дела решались без всякой примеси формализма, в процессе товарищеского обмена мыслей и теплого дружеского совещания.

Все знали близко друг друга, точно жили в одной семье и ее составляли. И это отсутствие секретов, эта некоторая моральная и [illegible] обнаженность не только не нарушали высокого тонуса [illegible] нравственности каждого, но, наоборот, обусловливали ее подъем [illegible] углубленное развитие. Эгоизм здесь преследовался, как [illegible] антиобщественный. Всякое уклонение от долга сурово обсуждалось, почитаясь недопустимым, аморальным.

Но в то же время здесь царил энтузиазм, рожденный верой [illegible] новое и светлое дело обновления и переустройства родины. Самоотверженность каждого члена кружка ясно доходила до [illegible] немедленно отдать за убеждения свою жизнь,—что впоследствии [illegible] доказали народовольцы.

Было много абстрактного в исповедании веры кружка. Здесь царила глубочайшая вера в науку, в силу и неотразимую победительность слова, в школу—преобразительницу людей, перерождающую их, делающую их новыми в своих глубинах. Верили здесь и в ассоциацию, как средство экономического переустройства и обновления людей. Все это стояло далеко от жизни, и жизнь [illegible] преподала самые горькие уроки, заставив поплатиться [illegible] абстракцию. Но все же эта вера была светлой, проникнутой и [illegible] гретой великим принципом любви к людям. Этот энтузиазм и эта вера бросали на весь кружок нравственно-возвышающий свет, [illegible] потому ли дальнейшие поучительные опыты, которые вызвали [illegible] в других людях взрыв отчаяния, безверие, отказ от старых богов, [illegible] среди этих деятелей вызывали только упорное желание [illegible] дальше, искать новых путей, новых вех истины.

В кружке чайковцев вместе с Софьей Перовской был и Кравчинский (Степняк), который оставил любопытную характеристику ее за этот период времени.

«В кружке,—рассказывает Кравчинский,—Перовская пользовалась большим уважением и влиянием за свою стоическую строгость [illegible] самой себе, за неутомимую энергию и в особенности за свой обширный ум. Ясный и проницательный, он обладал столь редкой [illegible] женщин философской складкой, проявляющейся в умении не только прекрасно понять данный вопрос, но и разобрать его всегда в соотношении со всеми от него проистекающими вопросами.

«Отсюда происходила у Перовской, с одной стороны, [illegible] твердость убеждений, которых не могли поколебать ни софизмы, ни преходящие впечатления дня,—что, при лихорадочной быстроте нашей политической жизни, давало повод обвинять ее даже в некотором консерватизме,—с другой, необыкновенное искусство в спорах, как теоретических, так и практических. Трудно было встретить более стойкого и искусного диалектика, чем Перовская. Рассматривая

свой предмет со всех точек зрения, она имела большое преимущество перед своими противниками, потому что обыкновенно каждый рассматривает его с одной какой нибудь стороны, указываемой личными склонностями и симпатиями.

Другим проявлением той же широты и разносторонности являлась чрезвычайная трезвость ума. Она видела все вещи в настоящем свете и в настоящую величину, и своей логикой без всякой пощады разбивала иллюзии своих более восторженных товарищей. Черпая в чувстве долга ту твердость и постоянство, которые людям более слабым даются фиктивными надеждами, она никогда не преувеличивала ничего и не придавала деятельности своей или своих товарищей большего значения, чем она имела на самом деле. Потому она всегда стремилась расширять ее, отыскивая новые пути и способы действий, вследствие чего бывала всегда одним из наиболее деятельных инициаторов во всех организациях, в которых состояла членом.

«Однако, это вечное недовольство, вечное искание чего-нибудь нового, лучшего было в ней исключительно результатом сильной критической мысли, а не пересчур пламенного воображения, делающего человека неспособным удовлетвориться какой бы то ни было реальностью, как это бывает у романтических натур. Этого романтизма, способного побудить иных людей на великие подвиги, но обыкновенно заставляющего тратить жизнь в бесплодных грезах, у Перовской не было и следа. Она была человек слишком положительный, чтобы жить в мире химер, и слишком энергичный, чтобы стоять, скрестивши руки. Она брала жизнь такою, какова она есть, стараясь сделать наибольшее возможное в данный момент. Бездеятельность была для нее величайшим мучением.»

«Однако, когда было нужно, она умела выносить годы бездеятельности».

Кропоткин, который работал вместе с Перовской в кружке чайковцев, характеризует ее, как «общую любимицу». По нравственным воззрениям она была ригористкой, но отнюдь не проповедницей. Когда она была недовольна кем-нибудь, то бросала на него строгий взгляд исподлобья, но в нем виделась открытая великодушная натура, которой все человеческое было доступно. Только по одному пункту она была непреклонна. «Бабник»—выпалила она однажды, говоря о ком-то, и выражение, с которым она произнесла это слово, не отрываясь от работы, на-веки врезалось в память Кропоткина.

Перовская была «народницей до глубины души и в то же время революционеркой и бойцом чистейшего закала. Ей не было надобности украшать работников и крестьян вымышленными добродетелями, чтобы полюбить их и чтобы работать на них. Она брала их такими, как они есть. Однажды она сказала Кропоткину:—«Мы

[illegible] хотели большее дело. Быть может, двум поколениям придется лечь на нем. Но сделать его надо».

Как характеризует кружок чайковцев другой его участник, Лев Тихомиров, в первоначальной своей организации, члены кружка были в своих средствах мирнейшими из мирных людей. Они слишком ненавидели насилие, чтобы не отворачиваться от него даже для достижения своих целей. Они слишком верили в силу истины для того, чтобы считать нужным насилие, когда казалось, что только стоит сказать людям: «братья, любите друг друга», стоит открыть им все сокровища науки, и [illegible] рухнет само собой, быть может, не задавивши ни одного человека. Для молодежи того времени единственно реальными понятиями была любовь, самоотвержение, нравственное возрождение. Но бунт, кровь, революция — все это были звуки.

Но это была только первая фаза. Суровая жизнь [illegible] эти иллюзии и [illegible] деятельность с ее реальной [illegible]. И мало-по-малу кружок [illegible] втягивался жизнью в тот водоворот, в котором [illegible] — первого шага [illegible] — невозможно было обойтись и где на суровые репрессии [illegible], если не тем же, то аналогичными — всеми [illegible].

Цензурные тиски [illegible] чайковцев [illegible] печати. И они совершили первые [illegible] с границей [illegible].

Началось движение по спирали нелегальщины, и, в конечном счете, уже теперь вырисовываются далекие контуры террора. Хотя нужно отметить, что после Каракозовского выстрела, идея которого [illegible], мысль о цареубийстве [illegible] не находит однако, много сторонников [1].

[1] В [illegible] Кропоткин, [illegible], добавляет: «Такова логическая ирония истории,—та самая молодежь, которую Александр II [illegible] охраняла его в 1871—1878 годах. Самые [illegible] программы кружков [illegible] на царя. Отдельные личности и кружки [illegible] Каракозова. Но организованные кружки [illegible] были против этого и настойчиво отговаривали товарищей. Из [illegible] губерний приехал однажды в Петербург молодой человек с твердым намерением убить Александра II. Узнав об этом, некоторые чайковцы долго убеждали его не делать этого, и так как они не могли переубедить его, то заявили, что помешают ему силою. Зная, как слабо охранялся в ту пору Зимний дворец, я могу утвердительно сказать, что чайковцы тогда спасли Александра II. Так тверда была тогда молодежь против той самой войны, в которую она бросилась потом с самоотвержением, когда чаша ее страданий переполнилась».

Во всяком случае глава кружка «вспышкопускателей», проповедовавших организацию отдельных народных бунтов (Каблиц, писавший впоследствии под псевдонимом «Юзова» мирнейшие публицистические и фанатические статьи), уже носился с проектом применения метода Вильгельма Телля.

В самом начале работы Перовской в кружке царило, однако, мирное настроение среди пропагандистов, для которых образование и знание были символом веры, а знание — высшим евангельским учением. И в самом же начале своей деятельности Софье Перовской пришлось уже изведать всю силу самодержавного гнета, лежавшего на всей стране в полноте такой же силы, с какой отцовское самодержавие царило в семье Перовских.

ГЛАВА 8.

Дело Н. П. Гончарова.

В мае месяце 1871-го года в Петербурге появились печатные прокламации под заглавием «Виселица», которые, между прочим, рассылались почтою и в провинцию. Прокламаций под таким общим заглавием вышло четыре с обозначением — «периодический листок». Номера были помечены числами от 13 апреля по 14 мая 1871-го года.

Листки эти чрезвычайно характерны для того времени, и в особенности интересно то, что произведенное расследование могло выяснить прикосновенность к делу создания и распространения прокламаций только одного лица.

В первом номере «Виселицы» выражается уверенность, что начавшаяся в Париже революция (Коммуна) распространится повсюду и таким образом проникнет в Россию и что появление этой революции должны возвестить сильные людей и кипучею страстью молодые русские люди, которые разобьют власть и во всем сравняют людей.

Во второй прокламации трактуется о классическом образовании и поносится его идейный защитник Катков, которого именуют в «Виселице» рабом и подлецом, погубившим десятки тысяч людей. Воззвание выражает надежду, что Катков будет убит и тогда это убийство будет «началом грядущих событий».

В третьем номере «Виселицы», в статье «Чего мы хотим», говорится о том, что прежде всего нужна кровавая расправа с неравенством и потом победа русской революции, — остальное совершится само собой. Для этого надо пользоваться тем, что есть, и

готовиться к революции, от которой погибнет старый мир. Прокламация заканчивается проклятием этому миру слез и несчастий и братским приветом русским революционерам.

В последнем номере «Виселицы» содержится обращение ко всем честным людям, которые должны откликнуться на зов погибающего Парижа и продолжить начатое им дело революции. Прокламация оканчивалась словами: «Выступайте на борьбу с окружающими разбойниками... К оружью! К оружью!».

При полицейском расследовании подозрение в составлении и печатании «Виселицы» пало на бывшего студента технологического института дворянина Николая Петровича Гончарова, который после ареста признал, что печатал прокламации у себя дома, домашним же образом, на самодельном станке. По показанию Гончарова, всего он приготовил таким образом только 40 экземпляров прокламаций.

Преданный суду судебной палаты с сословными представителями Гончаров был приговорен к шестилетним каторжным работам.

Дознание по этому делу натолкнулось, между прочим, и на кружок или на часть кружка и чайковцев. Но тут же и оборвалось, так как дальнейших нитей в руках полиции не оказалось.

Мы публикуем впервые следующую, в связи с делом Гончарова, официальную справку о Перовской из дела второго уголовного отделения департамента министерства юстиции от 12 марта 1881 г. за № 701:

«Дочь действительного статского советника София Львова Перовская в 1871 году привлечена была к производившемуся в С.-Петербурге дознанию о сыне подполковника Николае Гончарове, обвинявшемся в составлении и распространении революционного воззвания под заглавием «Виселица». Дознанием этим, между прочим, выяснено, что Гончаров находился в близких сношениях с некоторыми лицами, составившими тайный кружок, к числу членов которого принадлежала Софья Перовская, Шлейснер, в квартире которой последняя проживала, и привлекавшиеся впоследствии по дознаниям по обвинению в государственных преступлениях студенты Натансон, Чудновский и Чайковский. Вследствие сего Перовская заподозрена была в принадлежности к преступному сообществу; но дальнейшим дознанием обнаружено, что упомянутый кружок не преследовал политических целей, а устроен был лишь с благотворительною целью и что все действия членов кружка ограничивались составлением проекта устава. По высочайшему повелению, последовавшему в том же 1871 году, в разрешение настоящего дела, Софья Перовская освобождена от дальнейшей по сему ответственности.

«Из имеющегося в деле по сему делу показания Перовской видно: в августе 1871 г. ей было 18 лет, имеет сестру Марию и двух братьев, Василия и Николая; отец ее, Лев Николаевич, служит членом совета министерства внутренних дел; мать ее урожденная Веселовская; воспитывалась Софья Перовская дома при отце и стала жить на отдельной квартире с начала 1871 г.; из лиц, с которыми она проживала вместе, Перовская указала лишь на знакомую свою Шлиттер (О. Натансон), с которою провела лето 1871 г.».

Таково было первое боевое крещение, полученное С. Перовской. Как видно из официальной справки, кружок чайковцев в данном случае не пострадал, а привлеченные ловко выпутались из дела, с которому они, повидимому, и действительно не имели никакого отношения.

Но для такой натуры, как Перовская, эта первая встреча с представителями старой власти не могла не иметь острого и большого значения. Восемнадцатилетняя девушка, живя вне семьи-тюрьмы, почувствовала на себе в усиленной степени воздействие той же тюрьмы. И, быть может, и на этот раз образы отца-насильника и жандармов-жандармов опять слились в одно целое и сделались предметом еще более острой и углубленной ненависти. Не даром Перовская, в своих показаниях по делу 1-го марта, определенно говорит, что она «примкнула к революционному движению с 1872 года».

Так началось формирование чисто революционных настроений в душе девушки, «мирнейшей из мирных людей»...

А пока Перовская, подготовившись к экзамену на звание народной учительницы, выдержала в 1872 г. этот экзамен, но диплом, вероятно, в связи с делом Гончарова, выдан ей не был.

ГЛАВА 9.

Рабочие и народ.

Кружок чайковцев от просветительно-пропагаторской деятельности путем распространения книг преимущественно среди учащейся молодежи как Петербурга, так и университетских и вообще крупных городов переходит к пропаганде среди рабочих. И здесь выясняется, по свидетельству Кравчинского, большая роль С. Перовской. По его словам, переход чайковцев в 1871—1872 годах к пропаганде рабочих был в значительной степени результатом настойчивости и воздействия именно Софьи Перовской. Когда же этот переход был осуществлен и дело пропаганды на столичных фабриках приняло не-

обыкновенно широкие для того времени размеры и увлекло весь кружок, Перовская была из первых, настаивавших на необходимости следующего шага—перехода из городов в деревни, так как она понимала, что в России может иметь будущность только такая партия, которая сумеет сблизиться с крестьянством.

Но в данном случае, по-видимому, Кравчинский преувеличил роль восемнадцатилетней девушки в кружке, в котором были люди гораздо сильнее ее умственно и идейно. Идея пропаганды среди рабочих и народа сама собой вытекала из тех элементов народничества, которые [illegible] даже в легальной [illegible] не [illegible] в каждом кружке эта идея обсуждалась [illegible]. Идея носилась в воздухе и осуществлялась [illegible] с шестидесятых годов. Она [illegible] из [illegible] народолюбческого [illegible] в литературе и в жизни. Революционные прокламации 1861—1863 годов [illegible] о [illegible] земли [illegible] народу. В [illegible] и Воля» (первой) [illegible] пропаганду [illegible] в народе [illegible] просветительное, организовать [illegible] движение, [illegible] могло бы помериться силами с самодержавием. [illegible] движение шестидесятых годов [illegible] для своих целей [illegible] явление того [illegible].

[illegible] в провинции, независимо от петербургских [illegible] аналогичная работа: [illegible] в Саратове в 1863—1864 г.г. [illegible] пропаганда среди местных рабочих [illegible] кружок [illegible] которого стоял студент А. Ф. [illegible]. [illegible] Перовская [illegible] социалистическую пропаганду среди рабочих масс. Таким образом, [illegible] с крестьянскими и рабочими [illegible] движения шестидесятых годов, также [illegible] его характер, а потому и [illegible].

Дело по отношению к народу не было пустым словом. И если Перовская могла к чему приложить свои силы в этой области, то, быть может, больше личным примером, чем теоретической проповедью. Она пошла в рабочую среду для пропаганды, она же поехала с тою же целью и в деревню. Но это так было не редко в то время, несмотря на то, что стихийное массовое движение в народ еще не начиналось, что вряд ли в этом отношении Перовская могла сыграть какую-либо роль, определяющую линию поведения всего кружка чайковцев. Тем более, что Перовская всю зиму с 1872 г. на 1873 г. прожила в Едимонове, Тверской губернии.

Летом 1872 г. Перовская поехала на Волгу—и именно затем, чтобы быть и жить среди того народа, о котором в кружках шли

до сих пор только теоретические речи. Надо поближе увидеть и узнать этого сфинкса, о котором в книгах и журналах говорилось столько прекрасного и на котором строились целые учения политической школы.

В Ставропольском уезде Самарской губернии Перовская провела лето этого 1872 года в качестве оспопрививательницы. Здесь она прошла, можно сказать, суровую крестьянскую школу. Вела она жизнь деятельную и неутомимую. Пешком исходила все окрестные села и деревни, везде прививала оспу, естественно, конечно, разъясняя крестьянам всю необходимость и пользу этой меры. О городских своих удобствах и вообще о культурной обстановке она совершенно забыла. Ночевала она в первой попавшейся избе, ела ту же крестьянскую грубую пищу, ничем не брезгая. Спала на полу на подушке, сделанной из соломы. И вообще, по наблюдениям знавшим Перовскую, она в этот период была вся охвачена «рахметовщиной». Герой романа Чернышевского «Что делать» Рахметов произвел тогда сильнейшее впечатление на молодежь, и его методу физического приучения себя ко всяким телесным тяготам и к изнурению,— к этому телесному аскетизму, соединенному с высокой нравственной чистотой,— подражали в массе случаев.

Кстати здесь отметим, что долго спустя, еще в 1875 году эта «рахметовщина» крепко сидела в Перовской. Посетившая случайно в одном из сел Симбирской губернии Перовскую, где она практиковала в качестве докторской ученицы в больнице, О. Мафнери-Кутузова рассказывает, что она нашла ее в своеобразной квартире. Перовская жила в маленькой каморке и спала на голых досках. Перовская предложила и своей гостье такое неприятное ложе, но гостья не могла заснуть и, повидимому, пришла в такой ужас от столь прокрустовых опытов, что рано утром, не будя хозяйки, чуть свет, встала и тихо ушла, немедленно приказав возникшие везти ее дальше («Былое», I, 1907).

В Самарской губернии Перовская занималась не только оспопрививанием, но и работала в школе, подготовлявшей сельских учительниц, причем производила на всех большое впечатление своей серьезностью и умом.

Повидимому, Перовская переживала в это время период внутреннего закала, выработки в себе не только знаний и формирования убеждений, но и создания в себе крепкой воли, железной выносливости, морального самоусовершенствования, следовательно, той предварительной подготовки, которая тогда считалась необходимой для мыслящей личности, для свободного нового человека новой молодой России.

Из Самарской губернии Перовская переехала в Тверскую, в Корчевский уезд, в знаменитое село Едимково, где была в течение

1872—1873 академического года помощницей учительницы народной школы. Здесь же работала ее соратница по кружку, Ободовская. Весною 1873 г. Перовская выдержала в Твери экзамен на звание народной учительницы и получила диплом. Вернувшись в Петербург летом 1873 г., она отдалась работе по кружку чайковцев, которые в это-то именно время особенно серьезно и занялись пропагандой среди рабочих.

ГЛАВА 10.

Замечательный ученик-рабочий.

К весне 1873 г. кружок чайковцев сплотился еще больше и насчитывал у себя уже 24 человека. Начинался новый период, когда кружок принялся за беспензурное издательство, входил в сношения с эмигрантами и вообще с за-границей, составлял брошюры для народа и отправлял их для отпечатания за рубеж.

У кружка была уже своя типография в Швейцарии. Этой типографией заведывал сначала Александров, а потом Л. Гольденберг. И в ней-то и были напечатаны революционные народные брошюры, доставленные затем благополучно в Россию.

Осенью 1873 г. в видах удобства пропаганды и быстроты печатания нелегальных брошюр, решено было перенести типографию в Россию, и Куприянов, ездивший за границу с этой целью (а также и для переговоров с Лавровым относительно изданий журнала «Вперед»), привез хороший станок, который и сохранял в лечебнице доктора Веймара, сосланного потом на каторгу и умершего на Каре в 1886 г. Этим станком кружку не удалось воспользоваться.

Всеми делами подобного рода заведывала конспиративная комиссия, куда входила и Софья Перовская. На ее же обязанности лежали и сношения с арестованными, сидевшими в Третьем Отделении. Тогда там находились Сердюков и Лермонтов. Повязавшись простым платочком, Перовская ходила в назначенное место на свидание с жандармом, который принимал для передачи письма с воли и от заключенных на волю.

Кружок помогал также переправляться за границу тем политическим, которые решались оставить отечество...

Пропаганда среди рабочих велась в нескольких направлениях. Одни члены кружка поступали на фабрики и заводы. Другие устраивали у себя школы для обучения рабочих и довольно оригинально собирали туда учеников: знакомились с рабочими по трактирам и, сойдясь немного, тотчас же предлагали им свои услуги в качестве бесплатных учителей грамоты. Выделился в этом ка-

правлении особенно чайковец Синегуб, который считался прекраснейшим учителем для рабочих. Третьи открывали самостоятельные мастерские—слесарные, сапожные и т. д.

«Пропаганда» начиналась с обучения грамоте неграмотных, для грамотных преподавались уроки форсированного развития. Когда почва распознавалась и ученики оказывались подходящими, им давалась нелегальная литература.

Организация рабочей пропаганды раскинулась по всему Петербургу. На Выборгской стороне, за Невской и Московской заставами и на Васильевском острове находились штаб-квартиры пропагандистов.

Софья Перовская летом 1873 г. поселилась на Саратовской улице, вблизи ткацких фабрик, расположенных по Сампсониевскому проспекту, и жила здесь вместе с Шишко, который и вел главным образом пропаганду. Перовская в общем занималась, и видимому, ею немного. Об одном из ее опытов мы расскажем ниже. Кроме квартиры на Саратовской, Перовская ведала и общекружковой квартирой в Казарменном переулке, где комнату снимал также Шишко. Кропоткин описывает Софью Перовскую на этих квартирах, как играющую роль хозяйки.

В повязанной платком мещанке, в ситцевом платье, в мужских сапогах, таскавшей воду из Невы, никто не узнал бы барышни, которая недавно блистала в аристократических петербургских салонах. Каждый из нас (чайковцев),—рассказывает Кропоткин—входя в дом, который она выгалась содержать в чистоте, улыбался ей особенно дружески; мы улыбались даже тогда, когда она донимала нас за грязь, которую мы натаскивали нашими мужицкими сапогами и полушубками. Перовская пыталась тогда придать своему невинному, очень умному личику самое ворчливое выражение, какое только могла, за что мы и прозвали ее «Захаром».

Вскоре расставшись с ней навсегда, Кропоткин отмечает ее главнейшие душевные черты—«сознательное мужество, открытый здравый ум и любящую душу».

Вообще в кружке чайковцев Перовская была на видном месте. «Руководящая роль,—пишет один из главных чайковцев,—принадлежала Чайковскому, Чарушину, Куприянову и Перовской: на них более всего падали общие функции кружка, и они более всего охраняли его конспиративные интересы».

Пришлось однако Перовской заняться и непосредственно пропагандой среди рабочих, и ичем ее учеником оказался человек, у которого впоследствии создалась громкое революционное имя, прогремевшее на всю Россию.

Синегуб с осени 1873 г. вел пропаганду за Невской заставой, где и жил. Сюда же пригласил он и Перовскую, в виду того,

что число рабочих росло с каждым днем. Кстати понадобилось устроить и другого замечательного пропагандиста, Дмитрия Рогачева, который работал в это время в качестве простого рабочего на Путиловском заводе и приходил к Синегубу ночевать. Синегуб предложил Перовской поселиться вместе с Рогачевым под видом его жены.

Синегуб («Былое», IX, 1906) рассказывает в своих воспоминаниях, что однажды к нему на квартиру явились трое незнакомых рабочих-ткачей с суконной фабрики Торнтона. Они объяснили свое посещение тем, что, узнав о даровом обучении рабочих, они пришли просить обучать и их—и хотя они-де уже читать умеют и даже писать, хоть и небойко, но хотели бы еще поучиться наук: «географии» и «геометрии». Это были—знаменитый впоследствии Петр Алексеев, особенно жаждавший познать «геометрию», Иван Смирнов и Александров. Все трое произвели очень хорошее впечатление.

«Я предложил Соне Перовской,—говорит Синегуб,—взяться за обучение Петра Алексеева с товарищами и для удобства переселиться за Невскую заставу в ту квартиру, которая была рядом с моей, в которой я раньше жил и которая пустовала, после того как я занял соседнюю, более обширную квартиру. В этой моей новой квартире жила раньше рабочая маленькая артель, из которой остался жить с нами только один, тупой и добродушный гигант с худой болезненной женой и маленьким, лет пяти-шести сынишкой Антошкой, худеньким, вшивеньким нашим баловнем. Мы по просьбе этой семьи уступили им часть квартиры, в которой была русская печь, а сами заняли две комнаты, образованные перегородками, плохо отопленные железными печами.

«Перовская, фигурируя по документу, как жена Рогачева, переселилась за Невскую заставу и стала заниматься с Петром Алексеевым и его товарищами. Но заниматься с ними ей пришлось недолго, так как начался разгром кружка чайковцев».

Перовская была, таким образом, первой учительницей Петра Алексеева, члена «Всероссийской социально-революционной организации», преданной суду и известной по «процессу пятидесяти» (в феврале 1877 г.). Петр Алексеев, простой ткач, выделился вскоре после занятий с революционерами своими ценными качествами крупного и стойкого борца с твердой, закаленной волей. На суде он произнес свою знаменитую речь, которая вскоре была напечатана и сыграла громадную роль в последующей пропаганде и агитации.

Речь эта произвела сильнейшее впечатление на суде—первая речь рабочего-революционера!.. Знаменитый адвокат Спасович назвал Петра Алексеева, после этой речи, «народным трибуном». Князь Горчаков упрекал министра юстиции графа Палена за то, что тот допустил публичность этого процесса, показавшего, что революцион-

ную борьбу с правительством ведут не «мальчишки», а крупные, умные и талантливые представители различных сословий, в том числе и рабочего.

Насколько ученик Перовской казался опасным правительству, видно из того, что циркуляром, разосланным министерству внутренних дел уже в октябре 1891 г., т.-е. спустя 14 лет после процесса (циркуляр был вызван ошибочными известиями о бегстве Алексеева, который на самом деле был убит в Сибири якутами с целью грабежа), этому рабочему была дана такая характеристика:

«...На суде Алексеев произнес речь весьма возмутительного содержания, которая впоследствии была литографирована и напечатана за границей и даже до сего времени вращается в революционной среде, служа излюбленным орудием пропаганды.

«При этом следует заметить,— продолжает циркуляр,— что Алексеев, происходя из простого звания, обладая природным умом и блестящим даром слова, представляет собою законченный тип революционера-рабочего, закоренелого и стойкого в своих убеждениях, и едва ли после побега удовольствуется пассивной ролью, а, напротив, воспользуется обаянием своего имени в революционной среде и, несомненно, перейдет к активной деятельности, которая может оказаться, в особенности же в пределах империи, весьма вредной для общественного порядка и безопасности».

Таков был ученик Перовской...

Успех Синегубовской пропаганды за Невской заставой сделался и причиной гибели кружка невских пропагандистов во главе с самим Синегубом и явился началом провала и всех чайковцев вообще.

Практически задачи пропаганды среди рабочих сводились к определенной цели создать кадры революционеров-рабочих и передать дело рабочим в их руки. Сама собою обрисовалась перспектива объединения всех рабочих революционных групп данного города в одну организацию, от которой пошла бы уже новая работа в двух направлениях. С одной стороны, рабочие, как связанные с деревней неразрывными узами, могли бы явиться проводниками революционных идей в крестьянских массах, а, с другой стороны, рабочие могли бы выдвинуть из своей среды боевую организацию для революционного движения в самом Петербурге.

Синегуб составил группу из особо избранных им рабочих и убедил их поселиться вместе артелью на отдельной квартире. Рабочие согласились, и Синегуб частенько заходил в эту организованную группу, где велись пылкие и горячие беседы в условиях тогдашнего времени, конечно, без принятия особенных мер предосторожности.

Один из рабочих, сыщик-доброволец, нанял комнату рядом с этой артельной квартирой и прекрасно устроился для подслушива-

*

ния революционных разговоров. В результате — донос, арест Синегуба, всей рабочей группы, а 5 января 1874 г. и Софьи Перовской. Вторично пришлось испытать ей то же знакомое насилие. Ее посадили в Петропавловскую крепость за то, что она, как говорит официальная «Хроника социалистического движения» генерала Шебеко, «являлась перед рабочими в качестве пророка новых идей». Однако никаких улик против Перовской не оказалось, и через несколько месяцев заключения, летом 1874 г., она была освобождена на поруки своему отцу. Отец решил отправить свою «блудную» дочь в Крым, в имение, вместе с матерью.

ГЛАВА 11.

Бакунинская программа.

Массовое стихийное движение в народ в этот момент только-только начиналось. Осень 1873 г. шла на подготовку к движению, на окончательную выработку программы и тактики. Кружок Чайковского, который до сих пор стоял в голове движения среди массы других кружков, начинает немного отходить на задний план, и в политической жизни северной столицы рельефно обозначаются еще три кружка — Лермонтова, Ковалика и Каблица.

Первые два, выросшие из чайковцев, приняли определенно бакунинскую окраску. Оба основателя кружков ездили за границу к Бакунину и, так сказать, получили от него надлежащие инструкции. Бакунин взял на себя руководство в России анархической партией, которую решено было основать, но тайно, негласно, оставаясь за кулисами. Лермонтов же и Ковалик могли действовать только от своего имени. Идея общей анархической организации, с другой стороны, также должна была оставаться тайной для членов кружка, осуществляться же в жизни она должна была в реальных путях, путем сегментов главарей кружков или авторитетных в них лиц.

Такой метод действий подсказывался, между прочим, и настроением молодежи, из которой естественно вербовался контингент членов организаций, так как в молодежи этой был сильно развит индивидуализм и боязнь генеральства. Конечно, первые фазы политического движения естественно должны были сопровождаться у нас именно такими чертами, ибо они соответствовали нашему национальному характеру вообще, склонному к некоторой неорганизованности, к широкому размаху, при котором трудно ужиться выдержке, си-

схеме и последовательности, требуемым надлежаще сложившейся и оформившейся организацией, в особенности партийной.

В кружок Каблица (Юлова) входили, как указано выше, «вспышкопускатели», которые возводили в степень высоких политических актов даже мелкие крестьянские бунты, как предварительную школу для общего восстания.

Однако и чайковцы не остались вне течения, которое сложилось под влиянием Бакунина и которое не могло не делать своих завоеваний под гнетом правительственной системы и репрессий, умножавшихся с каждым днем. Наконец, и некоторая расплывчатость и неопределенность программы самих чайковцев требовала все же выработки какой-либо ясной, систематической линии, без бросанья в стороны и распыления в чисто просветительной культуртрегерской работе.

Наиболее влиятельными в кружке чайковцев были анархически настроенные Кропоткин, а затем и Чарушин. Кропоткин, съездив заграницу, вернулся оттуда убежденным анархистом. Но занятый пропагандой, в кружке чайковцев он мало старался о привитии им своих воззрений. Осенью 1873 г. он, однако, в виду общего возбуждения и обсуждения очередных тактических и программных вопросов, внес на обсуждение чайковцев свою записку, озаглавленную «Должны ли мы заниматься рассмотрением идеала будущего строя?»

Эту записку Кропоткина обвинительный акт по делу 193-х цитирует, как характерную и определяющую политическую физиономию всего того массового хождения в народ, которое с бурной силой разыгралось именно с весны 1874 года.

Разрешение вопроса об идеале будущего строя Кропоткин предоставляет самому народу, так как ни одной существующей формы государственной жизни нельзя признать пригодной и приемлемой.

«Переходя затем к вопросу о том, каким образом народ может осуществить свой идеал, автор записки находит, что единственным для сего путем представляется насильственный социальный переворот, который не ограничился бы только изменением государственности, но и уничтожил бы весь существующий социальный и экономический строй народной жизни: все мирные пути прогресса отвергаются в записке и признаются даже вредными. Для подготовления социальной революции в России необходимо образовать революционную организацию, основными положениями которой должны служить: полнейшее равенство всех ее членов, отсутствие всякого подчинения всех одному или нескольким лицам, отрицание обмана и насилия во всяких отношениях и в то же время признание обмана и насилия вполне разумными и необходимыми средствами в отношении членов организации к правительственной власти и представителям капитала.

«Подготовительная деятельность революционной организации должна быть направлена, главным образом, на увеличение числа единомышленников в среде крестьянства и городских рабочих посредством деятельной пропаганды своих воззрений и усиления недовольства против правительства. Участие в революционной организации учащейся молодежи отвергается запиской. В организацию должны быть принимаемы только те представители этой молодежи, которые, бросив науку, отправятся в народ для пропаганды, отрешившись от всей своей прежней жизни не только в принципе, но и во внешней форме, оставив все свои привычки и поставив себя в положение рабочего. Для подготовления таких деятелей агитаторы должны поселиться между крестьянами и вести оседлую пропаганду посредством сближения с народом.

«Для приведения в известность результатов пропаганды и выработки дальнейших мер в записке рекомендуется устройство периодических съездов агитаторов, а затем автор записки обращает особенное внимание на подготовку революционных деятелей из городских рабочих, которые, возвращаясь на родину, могут распространять между крестьянами социальные идеи, усвоенные от агитаторов.

«Кроме устной пропаганды, признанной наиболее целесообразной, автор допускает и пропаганду литературную, в видах которой организация должна озаботиться изготовлением и распространением в народе книг, вроде рассказов о сильных и выдающихся личностях из народа, картин безысходности современного социального строя и т. д.

«Стачки рабочих и устройство артелей не одобряются авторами, так как означенные меры, в свою очередь, служат средством к скоплению капиталов и в результате оказывают вредное влияние на народ.

«Местные волнения между рабочими и крестьянами и сопротивление властям признаются имеющими для народа «воспитательное» значение в смысле революционном, почему, не советуя агитаторам возбуждать подобные явления, дабы не отвлекать ими народа от стремления к достижению главной цели—всеобщего восстания во имя коренного переворота, автор находит тем не менее полезным не препятствовать их развитию, если только они вызываются естественным путем.

«В заключение автор определяет отношение русской революционной организации к Международной ассоциации рабочих и к русским эмигрантам, причем, заявляя полное сочувствие к деятельности секций федералистов и преимущественно ее русских представителей (следовательно, Бакунина), вместе с тем отказывается от полной солидарности со всеми партиями эмигрантов, признавая, что русская

народная революционная партия должна самобытно развиться среди русского народа».

Кружок чайковцев принял эту программу. Перовская участвовала в этих собраниях: они начались осенью, а ее арестовали в январе, и она, по-видимому, воспринимала эту программу, которая отразилась значительно на хождении в народ, придав ей именно тот характер, который был предметом забот Кропоткина и ее «отца» — Бакунина.

Конечно, все движение народохождения, в котором участвовало несколько тысяч молодых людей, нельзя свести к этим анархическим вехам, указующим верный путь. В стихийном и массовом движении в народ была обширнейшая градация, большая амплитуда колебаний справа налево. Но необходимо признать, что именно бакунинский анархизм пролил свой яркий свет на все это движение, придал ему своеобразный характер, который в самых любопытных чертах выявляет психологию русского революционного движения и русских его деятелей.

Но нужно признать, что и этот анархизм имел свои специальные особенности: он двигал мысль в сторону политической борьбы, вопреки самой себе. Практически он ставил всех своих сторонников в положение борющихся за право свободной проповеди, свободы слова, свободы убеждений — за эти краеугольные камни современных конституций. Допуская же тактику отдельных бунтов, как восстаний против правительственной власти, он шел еще дальше в этих путях и ставил борющихся лицом к лицу с самодержавием и повелительно звал именно на политические с ним схватки.

В последующем ходе развития политических воззрений Софьи Перовской, которая, конечно, была захвачена этим новым потоком идей, преобразовавшим кружок чайковцев, — этап этот должен быть признан особенно важным.

ГЛАВА 12.

К процессу 193-х.

Осень и зима 1873 г. не давали еще ярких выходов революционного движения — такие выходы появились лишь весною и летом следующего года, когда Перовской естественно пришлось на время выбыть из строя.

Но именно осенью и весной 1874 г. окончательно сформулировалось и окристаллизовалась это новое народническое движение, которое прочным фундаментом залегло в душу Перовской.

Чрезвычайно любопытно отметить, что тяга к народу,—по крайней мере, в пределах кружка чайковцев, чутко отражавшего все течения столичных революционных кружков и кругов,—тяга к народу впервые была замечена как раз в среде рабочих-революционеров. Это именно они первые потянулись в деревню и живым своим примером поставили теоретический вопрос на реальную почву. Один из распропагандированных чайковцами рабочих, талантливый Григорий Крылов, умерший в тверской тюрьме в 1876 г., летом 1873 г. пошел под видом офени в окрестные под Петербургом деревни, а потом уехал с той же пропагаторской целью в свою родную Тверскую губернию. За ним потянулись и другие рабочие, и положено было начало тому делу, которое является одним из примечательных в истории русского революционного движения.

Первым из чайковцев бросился в народ Кравчинский, который уехал в Тверскую губернию для пропаганды. Насколько идея такой пропаганды в народе была еще неясна самим же чайковцам, указывает тот характерный факт, что сам Н. В. Чайковский только пожал плечами, узнав о решении Кравчинского, а вообще Чайковский в тот момент был против хождения в народ...

Но для Перовской вопрос уже решался категорически в положительную сторону, и, как мы увидим ниже, она впитала в себя соки этого свежего народнического движения органически и неизбывно.

Преждевременный арест помешал ей развернуть свои силы в этом направлении, но идейно, в политическом строении ее мировоззрения, это направление было прочным и устойчивым.

Самое дело, по которому она была арестована, в сущности с точки зрения самих же жандармов, «ничего не стоило». Против Перовской никаких прямых улик относительно пропаганды среди рабочих не было, и ее дело могло быть или прекращено или совершенно изолировано от грандиозного производства предварительного следствия «о преступной пропаганде» в империи.

Перовская была арестована после Синегуба и Тихомирова, взятых зимой 1873 г., а первые данные, послужившие исходным пунктом для грандиозного процесса 193-х, были получены лишь в мае месяце 1874 г. и при том в городе Саратове, где была открыта с революционными целями башмачная мастерская финляндского подданного Пекопена.

Дело Синегуба предполагалось к рассмотрению отдельно, но расследование преступной пропаганды в империи с каждым днем и часом осложнялось, умножалось, захватывало все больший и больший круг причастных и виновных лиц, и вместе с тем росли и множились новые улики против арестованных зимой 1873 г. лиц.

Предварительное следствие натолкнулось и в деле Перовской на новые данные, и Перовская была привлечена и к этому делу. Данные эти собраны в обвинительном акте, но сами по себе были настолько не убедительны, что прокурору пришлось отказаться от обвинения Перовской.

Вот что говорит обвинительный акт по делу 193-х о Перовской, преимущественно со слов студента Низовкина, который предательски рассказал властям решительно все, что он знал...

Следствие установило, что Перовская принадлежала к кружку чайковцев и что она была знакома с Натансоном,—уже сосланным в Архангельскую губернию,—что подтверждено было и перепиской Натансона. Перовская переписывалась также с пропагандисткой в Самарской губернии Сахаровой. Посещала она квартиры Синегуба и Шишко, где читался журнал «Вперед». За Невской заставой жила в одной квартире с Рогачевым, что обвинительный акт квалифицирует, как довольно тяжелое преступление, потому что квартира Синегуба была «центром революционной пропаганды среди рабочих». Но, кроме этого, обвинительный акт констатирует, что Перовская вела пропаганду среди рабочих на Выборгской стороне, а затем снимала квартиру в Казарменном переулке, где и поселилась вместе с Шишко в целях ведения пропаганды среди рабочих.

По обыску у Перовской, произведенному 5 января 1874 года, вскоре, следовательно, после того, как она была выпущена на поруки, у нее, при аналогичном тогда у сестер Корниловых, были найдены только тетради с бухгалтерскими надписями и заглавиями нелегальных стихотворений.

Обвинительный акт, приведя эти данные, заканчивает: «Перовская, не отвергая своего знакомства с Чайковским, Рогачевым, Синегубом и Ободовской, а также и то, что Шишко жил в ее квартире в Казарменном переулке, виновною себя не признала».

Обвинительной власти, таким образом, удалось собрать весьма ничтожные крупицы из жизни Перовской, причем этот процесс собирания улик длился несколько лет—с момента первого привлечения Перовской до судебного приговора прошло около пяти лет! Усиленная деятельность судебно-следственной власти не дала никаких конкретных материалов о Перовской, хотя в общем надо признать, что большинство привлеченных к делу о революционной пропаганде в империи, в силу отсутствия всякого опыта, держало себя самым революционным образом. Независимо от того, что среди привлеченных оказались предатели и болтуны-откровенники, у многих привлеченных найдено было слишком много письменных документов—письма, адреса, шифры. Шифрованье писем было самым принятым, и свободное чтение таких писем сделалось даже специальностью

этого из товарищей прокуроров, который изумительно быстро расшифровал все тайны скрытой корреспонденции. Благодаря обилию письменных документов, прокурору Саратовской судебной палаты Жареву, получившему за свои «заслуги» по этому делу звание сенатора, удалось в обвинительном акте нарисовать довольно полную картину не деятельности привлеченных к ответственности, в общем все же оставшейся весьма и весьма неясной обвинительной власти, а их взаимных связей, знакомств и отношений.

Арестом в январе 1874 г. и привлечением Перовской по делу о революционной пропаганде кончается первый период работы и революционной деятельности Перовской.

К сожалению, об этом, как и последующем периоде в жизни Перовской, имеется слишком мало материалов, чтобы судить в полноте обо всех фазах развития будущей крупнейшей народовольцы. Повидимому, хотя Перовская считалась в кружках того времени одной из выдающихся женщин, что подтверждается и несколько панегирической характеристикой Кравчинского, относящейся к этому моменту, ее чисто пропагаторская и агитаторская деятельность не была очень яркой, бьющей в глаза, приметной на большом расстоянии. Перовская держалась в кружках скромно, отходя на задний план.

«В беседах с рабочими на собраниях, происходивших в Казарменном переулке,—говорит обвинительный акт,—Чарушин, Клеменц, Куприянов и Шишко высказывали, что рабочим следует избавиться от притеснений правительства и что для этого необходимо уничтожить путем восстания верховную власть и правительство, после чего земля будет в распоряжении крестьян, а фабрики—в руках рабочих. Присутствовавшая на этих сходках Перовская, как видно из показаний рабочих, деятельного участия в них не принимала».

Этот небольшой штрих все же рисует нам Перовскую совсем не в таком резком облике, как говорит Кравчинский. Показания свидетелей вряд ли щадили Перовскую, так как вообще эти свидетели не стеснялись говорить ни о ком. Нужно предположить, таким образом, что Перовская не доставляла лидерство в пропаганде другим, а сама отходила в тень и не только на собраниях в Казарменном переулке, но и на Выборгской стороне, где тоже премьерами в пропаганде были Чарушин, Клеменц, Шишко и Куприянов.

Видимо, Перовская больше училась, чем активно действовала, наблюдала, чем вмешивалась, изучала, чем руководила. Это так понятно в тактике восемнадцатилетней девушки, несмотря на свои крупные дарования, все же не имевшей самого нужного—опыта. Зато Перовская премьерствовала во всех других сторонах работы кружка чайковцев.

Но хорошо это время, конечно, оставило значительные следы на Перовской. Общая работа зажигала, воспламеняла, приближала к поставленным далеким задачам. А. Лукашевич («Былое», III, 1907), приезжавший в Петербург в 1873 году и бывавший в кружке чайковцев, в таких словах характеризует свои от него впечатления:

«Скоро я близко сошелся с кружком, и огромный интерес этих оживленных спорных вечеров почти все остальное в моей петербургской жизни. Чаще других я встречался с Куприяновым, Д. А. Клеменцом, А. И. Обедовской (Сидоровой), С. С. Синегубом, Перовской и Л. Э. Шишко. В это время у них была уже в полном ходу пропаганда среди рабочих в нескольких петербургских фабрично-заводских районах. Кому удалось близко наблюдать работу этих самоотверженных деятелей, полных непреклонной энергии, но в то же время идеально простых, прекрасных, искренних товарищей, тот всю жизнь будет вспоминать потом зрелище яркого света, зажженного в лице чайковцев протестующею русской мыслью, как раз после эпохи полного застоя в русской общественной жизни, наступившего после 1863 и 1866 г.г.», — после такого периода, когда, «немногие существовавшие революционные группы чувствовали себя ...совершенно оторванными от общества», «отщепенцами», и когда, как сказал Л. Э. Шишко в тех же своих «Воспоминаниях и заметках», эти революционные группы «таили исключительно в себе самих семена всех последующих общественных потрясений». Надобне полагать,—скажу я от себя,—что семена эти к 1873 году уже пустили корни, дали хорошие здоровые ростки. На близко стоявших к чайковцам их деятельность влияла всего сильнее непосредственно, как пример. Не раз, приходя в одну из их квартир и подолгу просиживая там, я видал пропагандистов-лекторов, после экскурсии в какую-нибудь рабочую артель, и бывал свидетелем того воодушевления, с каким они сообщали товарищам о новых успехах этого дела и о том, какими дельными пропагандистами становятся в свою очередь заводские и фабричные рабочие более старой вербовки»...

ГЛАВА 13.

В Крыму.

Разгром чайковцев и всех других революционных организаций повел к чрезвычайному умножению правительственных репрессий. Если революционеры проявили при первом своем массовом выступлении весьма наивную конспиративность, то и полицейский сыск

оказался самым примитивным. Разведочный и наблюдательный политический аппарат, поэтому, стал реформироваться, полиция подтягивалась, а следовательно, нейтрализовала, и работать, поэтому, в прежнем направлении при прежних методах было более чем затруднительно. С другой стороны, нужно принять во внимание и естественную правительственную реакцию после этого крестового социалистического похода в народ.

Немного утешительных результатов принесло хождение в народ. О. В. Аптекман; непосредственный и страстный участник движения, в своей поучительной книге—«Из истории революционного народничества—«Земля и Воля» 70-х годов»—очень ярко выделяет свои реальные впечатления из той массы фактов, какими обычно загромождается всякое новое течение.

И подводя критические итоги своей и других пропагаторской деятельности, О. Аптекман приходит к таким нерадостным заключениям:

«Я увидел, что мало-по-малу, почти незаметно для меня самого, пропаганда в массе социализма стала отодвигаться на задний план и как, наоборот, насущные злободневные вопросы крестьянства выдвигались все более и более на авансцену.

«Я стал припоминать, как холодно относился народ к социализму и, наоборот, с какой горячностью и страстностью дебатировались те вопросы, которые касались его неотложных нужд и потребностей, которые не выходили из обычного круга его представлений и понятий о лучшей крестьянской жизни, о лучшей доле. Завеса стала спадать с моих глаз.

«Если не считать единичных удачных случаев пропаганды, то в общем результат ее неудачен. Единственное, что можно сказать с некоторой уверенностью,—это то, что пропаганда в значительной мере обострила в народе то брожение умов, которое еще раньше, вследствие других влияний, началось в нем.

«...Для меня стало ясно, что на пропаганде социализма в народе мы далеко не уедем, что буду ли я один, или нас будут работать десятки, сотни и тысячи пропагандистов,—все равно мы сим не победим народа, с мест не сдвинем его... Наша неудача лежит не в нас самих, не в наших неумении и невыдержанности, т.-е. не в индивидуальных наших качествах. Наоборот. Между нами были пропагандисты талантливые, умные и производили они впечатление несомненно глубокое. Но что говорили пропагандисты народу? Какие их речи приходились им больше по душе и раскрывали ее, душу-то народную?

«Не социализм, не анархия, конечно, а самые животрепещущие вопросы его повседневной серой жизни: безземелье и тягота подат-

лей были всегдашними предметами постоянных и нередко задушевных бесед. Здесь пропагандист был неуязвим: знание, которым он обладал, давало ему возможность обобщить данные частные факты и осветить их более ясным светом.

«...Но стоило такому же пропагандисту перейти на почву социализма, как все совершенно изменилось.

«Не то, чтобы его не хотели слушать («пошто не послухать?»)— а слушали, как обыкновенно слушают занятную сказку: «не любо не слушай, а лгать не мешай». Пропагандисты тогда же почувствовали, что тут кроется что-то неладное, но торопливость, с какой велась пропаганда, не позволяла вдуматься в глубокое значение этого факта, проанализировать его с необходимой серьезностью».

Два года потребовалось для того, чтобы все данные опыта были утилизированы и послужили материалом для новой революционной постройки, для создания устава общества «Земли и Воли». А пока тянулось время мучительных переживаний анализа и самоанализа, горьких разочарований, раздумья, безверья и новых надежд.

Перовская уехала летом 1874 года в Крым в Симферопольский уезд в имение отца, но здесь беспокойной натуре в условиях полного покоя делать было нечего. Тянуло к работе, тянуло к народу. По всем воспоминаниям о Перовской, она рисуется, как удивительно сердечный и отзывчивый человек по отношению ко всякому людскому горю, ко всякой немощи и страданию. Она была изумительной сестрой милосердия при ухаживании за больными. Есть масса фактов, рисующих в этом отношении Перовскую в удивительном свете. Больные к ней привязывались, не отпускали ее от себя, требовали ее. И сама Перовская точно выполняла при них священную миссию: не отходила, принимала бездну самых нежных забот и внимательности и отдавала свою душу.

Быть может, ее истинным призванием было—сделаться врачем и отдать всю себя людскому горю при болезнях. Не даром она так готовится к медицине и старается приобрести себе в этой области возможно больше знаний и практики.

Летом 1874 года—власти не считали нужным применять к ней суровые меры предупреждения и оставили ее на свободе, на поруках— Перовская уехала в Тверскую губернию, к одному знакомому врачу и здесь чисто практически изучала уход за больными. Простая сиделка, она здесь поражала своим отношением к больным, своим аскетическим, можно сказать, выполнением своих обязанностей. Но она отлично сознавала, что при таких условиях ее усилия, в сущности, затрачиваются непроизводительно, так как отсутствие систематических научных знаний не дает ей возможности развернуть все силы ума и сердца.

И она возвращается в Симферополь с тем, чтобы поступить здесь в фельдшерскую школу и запастись настоящими знаниями. «Потеряв возможность,—говорит она в своих показаниях,—быть дальше народной учительницей, я начала изучать фельдшерство». Конечно, и в школе Перовская вскоре заявила себя исключительными способностями, и врачи часто предоставляли ей, еще школьной ученице, практику [1]). Школу Перовская окончила блестяще.

Опять-таки и за этот период времени у нас слишком мало материалов, чтобы проследить жизнь Перовской и очертить ее деятельность. Мы имеем вышеприведенное сведение О. Кафиери-Кутузовой о работе Перовской в Симбирской губернии в 1875 году в качестве «докторской ученицы». С. Иванова («Былое», III, 1906) встретила лето 1875 года Перовскую в Москве в сообществе Армфельд, осужденной затем по делу Дебагория-Мокриевича и др. на каторгу, и Батюшковой, осужденной по процессу 50-ти. Ясно, что Перовская и в это время не прекращала своих деятельных связей с революционерами.

В своих показаниях по делу 1-го марта Перовская, обо многом умалчивавшая, об этом периоде говорит следующее: «в 1874 г. поступила в Симферопольскую земскую больницу, где и служила вплоть до вызова на суд в 1877 году в августе месяце». В своей защитительной речи по делу 1-го марта защитник Перовской присяжный поверенный Е. И. Кедрин указывал на то, что в Симферополе она заведывала двумя бараками Красного Креста.

ГЛАВА 14.

Процесс 193-х.

Осенью 1877 года, в октябре, начался, наконец, знаменитый процесс 193-х пропаган истов, преданных суду особого присутствия правительствующего сената за революционную пропаганду.

---

[1]) В Симферополе большое содействие оказывал С. Перовской председатель местной губернской земской управы В. К. Винберг. Жандармы не оставили его в покое. В официальной справке о нем говорится:

«В 1881 г. В. К. Винберг был заподозрен в сочувствии революционерам, причем дознанием, произведенным Таврическим жандармским управлением, обнаружено было, что как в Симферопольской губернской управе, так и в Симферопольском обществе взаимного кредита, председателями которых В. К. Винберг состоял, разновременно служили не только лица неблагонадежные, но и политические преступники, как София Перовская, Теллалов и др., причем В. К. оказывал им материальную помощь, а некоторые из политических преступников и неблагонадежных ушли в имение Винберга на южном берегу Крыма и были воспитателями его дочерей». В 1881 г. Винберг был выслан из Крыма.

Необычайное напряжение создалось во всех революционных и даже общественных кругах Петербурга того времени. Процесса ждали. Правительство решило дать на нем бой прогрессивному обществу и сделать движение направо, развернув в полноте те ужасы нечаевского социализма, какими он грозил потрясти все основы России.

К бою готовились обе стороны, и сражения начали разыгрываться в первый же день суда, когда Чернявский заявил, до общего соглашения всех обвиняемых, что подсудимые не относятся к особому присутствию сената, как к суду, за что первоприсутствующий и распорядился вывести его из зала заседания. Тогда большинство подсудимых поднялось с мест, и раздались со всех сторон крики: «всех уводите: мы все не признаем суда!». Были даже восклицания: «к чорту суд!». И подсудимые массой направились к выходу. Тогда первоприсутствующий закрыл заседание.

Софья Перовская оставалась на свободе и, поэтому, участвовать в сговоре обвиняемых не могла, но естественно, что так подсказал ей метод «наступательных действий». А впереди предстояли большие политические скандалы, в которых правительство сразу же было выбито из своих, казавшихся ему крепкими, позиций, и отсюда-те начались его поражения.

В заседании 24 октября первоприсутствующий объявил, что все подсудимые за недостатком помещения разделяются на 17 групп и судебное следствие будет вестись о каждой из них отдельно; дела же по обвинениям трех подсудимых в произнесении дерзостных слов против государя императора, а двух—в богохулении, «во избежание могущего произойти соблазна», будут рассматриваться при закрытых дверях.

Негодованию всех революционеров не было предела. Еще в первом заседании они через защитников ходатайствовали о том, чтобы в виду недостаточности помещения заседание было перенесено в другой зал, так как в настоящее время публике нет места,—нет места, следовательно, и гласности.

Решено было протестовать, и за протест высказалось более половины обвиняемых, сидевших в доме предварительного заключения. Протест должен был заключаться в заявлении, что обвиняемые такого суда не признают, что разделение на группы нарушает права подсудимых и защиты, так как лишает права знать все, что происходит на суде. Решено было не итти всей группе в суд, а делегировать туда одного представителя от первой группы и поручить ему сделать соответствующее заявление. Выбор пал на Сивегуба.

Тюремные власти, видя, что подсудимые не желают итти в суд, растерялись, но в конце-концов получили предписание из суда доставить туда их силою. И вот в суд вводят силою первую группу, куда

вошли исключительно чайковцы. Вошла в первую группу и Перовская, которая, как указано, была на свободе и о сговоре не знала. А ей пришлось давать свои ответы суду первой (после предателя студента Шировкина). И на вопрос о виновности Перовская ответила, что она не желает давать показаний и отказывается от участия в суде. Вслед за ней большинство остальных подсудимых делают такие же заявления, прибавляя, что все они доставлены вопреки их воле, насильственно в суд.

Тем не менее и на другой день в следующее заседание подсудимых опять привели силою в суд, и снова начались скандальные столкновения, в которых председательствующему пришлось вынести очень много неприятного для себя и для суда. Феликс Волховский произнес ядовитую речь-протест, и когда он намекнул намеками того, что суд является ширмой в руках правительства, то председательствующий распорядился нем членно его вывести. Тогда все остальные участники первой группы встали в знак протеста и потребовали, чтобы и их удалили из зала заседания, что и было сделано. В числе других ушла из зала и Перовская.

Судившаяся вместе с Перовскою С. Иванова передает такие впечатления о встрече своей с Перовской на суде («Былое», III, 1906):

«Зала суда в этот день представляла собою невиданное зрелище: несколько подсудимых, которые считались «опасными», сидели на возвышенном месте, которое тут же было названо «Голгофой»,—остальные подсудимые разместились по всей зале. Большинство из них провели в одиночном заключении от трех до четырех лет, и каждый был ошеломлен в буквальном смысле, попав в такое большое общество; правда, сидевшие в «Предварилке» имели между собой сообщения и даже за последнее время могли говорить друг с другом, крича в окна и беседуя в «клубах», но это все-таки не то, что видеть людей перед собою и говорить с ними самым обыкновенным способом, как говорят все люди «на воле».

«Каждый искал в толпе своих знакомых и старался не вертеться как можно больше. С незнакомыми надо было перезнакомиться и узнать, кто эти товарищи по скамье подсудимых. Общее дело «о пропаганде в 36 губерниях» было сшито мастерской рукой прокурора Желиховского; несмотря на это, многие из подсудимых не только не были знакомы между собою, но даже ровно ничего не знали друг о друге. Разумеется, это не относилось к тем, которые составляли отдельные кружки и группы.

«Были и такие группы, которые имели между собою связь и даже имели общих руководителей; но в общем, все-таки, была масса незнакомых между собой людей, которых прокурору необходимо было выставить, как «преступное сообщество».

«В зале стоял невообразимый гул от разговоров, несмотря на звонки председателя, призывавшего к порядку.

«Среди множества незнакомых лиц я увидела ту девочку-подростка, с которой встречалась в Москве. Каково же было мое удивление, когда я узнала, что это была Софья Львовна Перовская,—та самая, о которой я много слышала, как об одном из видных деятелей кружка чайковцев.

«Я знала, что кружок чайковцев организовал петербургских рабочих и Перовская в этом деле играла не последнюю роль. Она была арестована вместе с другими пропагандистами, но против нее не было серьезных улик, и обвинения, по счастливой случайности, были так слабы, что даже прокурор Желиховский счел возможным не только освободить ее на поруки, но даже не арестовывать ее снова перед судом, как это было сделано с другими подсудимыми, бывшими на поруках. Таким образом она могла являться на суд в качестве подсудимой, живя на воле. Это не помешало ей, однако, присоединиться к тем из товарищей, которые назывались протестантами,—они отказались от суда и не пожелали принимать в нем никакого участия. Так как я была тоже «протестанткой», то в зале суда мне не пришлось присутствовать долго, и Софью Львовну я снова увидела только по окончании суда».

В течение всего процесса квартира С. Перовской служила клубом для находившихся на свободе подсудимых и вообще для революционеров — народников. С. Перовская в это время жила с женой Синегуба (Лариса Чемоданова). Здесь уже кипели новые веяния и течения политической мысли, и реяли те идеи, которые привели к распаду «Земли и Воли» и порождению народовольчества.

Обвинение против Перовской было сшито столь белыми нитками, что прокурорскому надзору пришлось отказаться от него, и Софья Перовская была в числе 90 обвиняемых, совершенно оправданных. Зато тяжкие наказания были наложены на Мышкина, ведшего себя на суде с необычайной красотой своей наступательной тактики и произнесшего знаменитую речь, облетевшую затем всю Россию, Войнаральского, Ковалика, Рогачева и других в числе 28 лиц, приговоренных к каторжным работам на разные сроки от 10 лет. И хотя суд постановил ходатайствовать пред царем о смягчении такого наказания всей этой группе, кроме Мышкина, тем не менее, по доносам шефа жандармов Мезенцова и министра юстиции графа Палена, которые негодовали на «мягкий» приговор суда, ходатайство перед царем не было уважено; было засчитано лишь в срок каторги время, проведенное ими в одиночном заключении. Но еще до приговора, в ноябре месяце, группа подсудимых, которых власть считала особенно

опасными, была переведена из дома предварительного заключения в Петропавловскую крепость.

ГЛАВА 15.

После Большого процесса. Новая революционная организация Земля и Воля. Планы Перовской.

Большинство женщин по Большому процессу были оправданы, и в доме предварительного заключения оставалось всего шесть человек. Режим по отношению к ним был установлен на редкость мягкий, невозможный впоследствии. Осужденным и ожидавшим высылки женщинам была предоставлена полнейшая свобода. Они могли сидеть в одиночных камерах или же в одной общей и, во всяком случае, обедали все вместе. И в то же время самым широким образом были разрешены свидания с ними не только родным и близким, но и просто знакомым людям.

В тюрьме, поэтому, на женской половине воцарилось оживление. Оно усилилось, когда посетителей допустили даже в камеры. Здесь образовался, таким образом, политический клуб, и тюрьма была хорошо осведомлена о том, что творится на воле. Но кроме новостей посетители или, вернее, посетительницы приносили сюда и самую разнообразную пищу, книги, газеты, лакомства, словом, окружали осужденных самым теплым уходом и вниманием,—в особенности оправданные по процессу женщины.

У Перовской было нежное сердце, и заключенные были для нее вдвое дороги и по сочувствию к человеку страдающему, и по долгу своему к заключенному товарищу,—а товарищем Перовская была чудесным. Кроме женщин она посещала и Льва Тихомирова под видом невесты его... На мужской половине царил такой же свободный режим, свидания давались в камерах, по нескольку часов и без свидетелей.

Когда обнаружилось, что царь ходатайство суда о помиловании не удовлетворил, что было весьма редким случаем в практике суда, начались репрессии. Группа видных революционеров — Мышкин, Рогачев, Ковалик, Войнаральский и Муравский, а затем и Сажин — были отправлены в Харьковскую централку, о которой давно уже шла злая молва... Первые четыре, по личному распоряжению Александра II, должны были весь десятигодичный срок каторги отбывать в центральной тюрьме в оковах.

Известие об отправлении товарищей в Харьков принесла на женскую половину тюрьмы впервые С. Перовская, и эта новость

произвела на всех, естественно, самое удручающее впечатление. С. Иванова рассказывает, что она видела, как у Перовской, передававшей об этом событии, подергивались губы и подбородок и какие она делала усилия, чтобы скрыть слезы.

Однако, не даром Перовская так тяжко восприняла весть о репрессиях правительства по отношению к своим товарищам. Скрытная и молчаливая, она затаила в себе горе, но горячо работала мысль над тем, что нельзя так оставить дела и бросить товарищей в минуты страшной их невзгоды.

И Перовская отдалась со всей силой своей страстной ненависти к насилию планам освобождения своих товарищей.

Исключительное поведение Мышкина на суде, его грозная обвинительная речь по адресу суда, содержавшая в себе неслыханные резкости (он закончил речь такими словами: «теперь я могу, я имею полное право сказать, что это не суд, а простая комедия, или нечто худшее, более отвратительное, более позорное, чем дом терпимости: там женщина из-за нужды торгует своим телом, а здесь сенаторы из подлости, из холопства, из-за чинов и крупных окладов торгуют всем, что есть наиболее дорогого для человечества»),— все это создало ему не только необыкновенную популярность среди революционеров, но и в самых широких кругах учащейся молодежи и петербургского общества.

Мысль о необходимости освободить его вспыхнула во многих головах, носилась, можно сказать, в воздухе, привлекала многих. Но наиболее глубоко она могла запасть только в таком сердце, как у Перовской.

Она со всем своим пылом начала обсуждать и разрабатывать, при помощи землевольцев, планы освобождения Мышкина во время перевозки его из Петербурга в Харьков. Были сделаны все необходимые предварительные приготовления. Установлена была слежка за дорогой из Петропавловской крепости на Николаевский вокзал. На этом вокзале было организовано дежурство, чтобы проследить момент отправки Мышкина из Петербурга. Сформированы были боевые отряды, чтобы отбить Мышкина в пути. Однако власти были на-чеку, носившаяся в воздухе идея освобождения Мышкина достигла и власть имущих, и жандармы обманули следивших весьма простым приемом: в то время, как дежурившие революционеры следили за пассажирскими поездами, отходившими по Николаевской железной дороге, жандармы увезли Мышкина в товарном поезде. Об этом революционеры узнали уже тогда, когда Мышкин был в Харькове.

Трудно описать,—говорит Кравчинский,—что сделалось с Перовской после этой неудачи. Попавшегося ей на глаза в этот день

участника плана освобождения она разругала самым несправедливым образом и после этого ходила злой-презлой, что не мешало однако ей в это же время ласково и внимательно ухаживать за одной знакомой, тяжко больной.

Понятно, почему так мучилась Перовская этой неудачей. Ее близкие, вроде Кравчинского, знали, что осужденные были не только представителями дорогих ей идей.—они были друзьями, в которых она вкладывала лучшую часть себя самой, друзьями, какие бывают только в революционных кружках, поглощающих человека целиком со всеми его чувствами и симпатиями, страстями и помышлениями, где чувство дружбы, являясь живым воплощением не только нежности сердца, но и высших идейных начал, достигает такой силы и глубины, что далеко оставляет за собою узы самого близкого родства.

Не удалось освобождение Мышкина, надо попытаться организовать спасение остальных товарищей, тяжко пострадавших по процессу 193-х. На очередь был поставлен вопрос об освобождении остальных четырех каторжан, отправляемых в Харьковскую центральную тюрьму. Опять было налажено дело при участии Перовской, которая приехала в Харьков специально с этой целью.

Понятно, что этот большой, сложный и крайне трудный план требовал организации, которая опиралась бы на революционные группы, прочные и практически опытные.

За время невольного отсутствия Перовской из Петербурга здесь, конечно, не прекращалось организаторское течение среди революционных кругов. Потребность объединения после страшного краха 1874 года, вырвавшего армию молодых революционеров в несколько тысяч человек, становилась настоятельной и неотложной. В 1875 году налицо были остатки кружка чайковцев и некоторых других кружков с революционным тяготением. Тот же неутомимый, энергичный и никогда не терявший веры М. Натансон принимается за собирание революционной земли и стягивает понемногу к оставшемуся ядру наличные и действенные силы. Образуется организация, которая заявляет себя и некоторыми практическими мероприятиями. Так, она устраивает блестящий побег Кропоткину из военного госпиталя (об этом см. в ярко талантливых страницах воспоминаний самого беглеца Кропоткина) и участвует в демонстрации на похоронах студента Чернышева, умершего в тюрьме.

К этой ячейке примыкают другие петербургские и московские кружки, затем с ними входят в сношение харьково-ростовские кружки, среди которых выделился своей боевой активностью Валериан Осинский, и налаживается новая революционная группа, являющаяся естественным продолжением кружка чайковцев, но уже

в новых фазах и формах, с новым содержанием, подсказываемым жизнью.

Бакунинский дух не оставил и этой организации. Его основоположения были приняты и здесь. Революционно-народнический кружок (иронически сначала его именовали «троглодитами»), который преобразовался затем в «Землю и Волю», признавал, что только экономическая революция снизу, при посредстве самого народа, может привести к окончательному разрушению современного общественного строя и к осуществлению более справедливой, согласной с народными идеалами, общественной организации. Операционным базисом революционной деятельности должны быть народные массы.

Раз существуют в обществе глубокие социальные противоречия, они неизбежно должны разрешиться революцией. Революция может пойти стихийным путем, и тогда она неизбежно окончится поражением. Необходимо внести сознательность и планомерность в массовое движение, и, следовательно, создание боевых организаций, которые овладевали бы народным движением и вводили его в русло планомерности, сознательности и целесообразности, является первейшей задачей революционной организации. Концентрируя в себе и вокруг себя все материальные и духовные орудия борьбы, эти боевые организации должны или вызвать всеобщее восстание, или, в случае самопроизвольного его зарождения, утилизировать его во имя общего блага.

В отличие от опыта 1874 года, когда хождение в народ не дало никаких результатов, новая революционная организация признала необходимым не «стадную», а «тучную пропаганду, которая практиковалась народниками при массовом движении в деревни, а установление прочной оседлой связи революционеров в деревне. Поэтому отдел основного кружка «Земли и Воли» — деревенщина — должен был заняться организацией поселков, т.-е. поселений в деревне одиночек или групп революционеров для постоянного проживания среди крестьян и для пропаганды среди них путем постоянного систематического на них воздействия.

Большим новшеством и в известном отношении шагом вперед является образование при основном кружке «дезорганизаторской группы», которая практически является, в сущности, зародышем будущего Исполнительного Комитета партии «Народной Воли». Эта дезорганизаторская группа носит уже террористический характер. В задачи ее входило ослабление и разложение правительственного аппарата применением целого ряда разнообразных действий и средств. Между прочим, в отступление от всей предшествовавшей тактики члены дезорганизаторской группы должны были завязывать сноше-

ния с разнообразными лицами правительственных сфер, чтобы при помощи их получить возможность занимать важные для революционеров должности.

В особые задачи дезорганизаторской группы входило освобождение из-под ареста товарищей и защита от правительственного произвола, а также и самозащита в случае измены того или иного лица (т.-е. убийство такого изменника). По уставу дезорганизаторской группе были предоставлены широкие полномочия и значительные материальные средства.

В основной кружок, в руках которого сосредоточивались все корни и нити этой революционной организации, входили М. и О. Натансон, Оболешев, Адриан Михайлов, Лизогуб, В. Осинский, Квятковский, Г. Плеханов, Баранников, Тютчев, Антекман. Во главе стоял, конечно, М. А. Натансон.

Организация была закончена к концу 1876 года и к весне 1877 года уже действовала, энергично принявшись, между прочим, за устройство поселений для агитации среди народных масс и их организации. Явились поселения в Саратовской, Самарской, Нижегородской и Астраханской губерниях, на Кубани и на Дону. Но орган партии Земля и Воля вышел только 1-го января 1878 года.

Уже тогда в недрах самой организации возникли течения на почве разногласий по вопросу о политической борьбе. Пылкий и восторженный Валериан Осинский внес совершенно определенное предложение о необходимости внести политический элемент и усилить дезорганизаторскую деятельность общества. Предложение было отвергнуто [1]).

Но жизнь оказывается сильнее. Южане во главе с В. Осинским не желают примириться с отсутствием надлежащей политической борьбы. Киев становится ареной террористических актов после того, как раздался выстрел Веры Засулич в генерала Трепова, а в Одессе Ковальский с товарищами встретил отчаянным вооруженным сопротивлением полицию, явившуюся к нему с обыском. В Киеве был ранен товарищ прокурора Котляревский (Осинским) и убит жандармский офицер барон Гейкинг (Шонке). В. Осинский, в виду того, что дезорганизаторская группа Земли и Воли

[1]) Одновременно с В. Осинским в Петербург прибыл делегат от киевской группы конституционалистов с предложением землевольцам совместно издавать революционный орган. Это предложение было отвергнуто. В. Осинский внес тогда другое предложение напечатать в землевольческой типографии прокламацию киевских конституционалистов к обществу, ссылаясь на необходимость реализации свободы слова. Предложение это было отвергнуто, прения и решено было прокламацию издать с оговоркой, что она не выражает взглядов «Земли и Воли».

становится прочно на ноги и даже обособляется от самого общества, выпускает прокламации от имени «Исполнительного Комитета», который начинает развертывать свои силы.

В 1878 году в «Землю и Волю» вступает и Перовская. Вступает не с особенным удовольствием, быть может, потому, что она была относительно традиций консерватором, и новое революционное сообщество несколько пугало ее. Но во всяком случае она в своей деятельности по попытке освобождения харьковских товарищей опирается исключительно на «Землю и Волю».

ГЛАВА 16.

Попытка освобождения Войнаральского.

Это один из самых красочных эпизодов в истории революционной борьбы. Он должен был произвести весьма сильное впечатление на правительство, хотя финал его был весьма неудачным для революционеров. Но в данном случае важно было то, что против правительственных властей выступали не смелые одиночки, вооруженные кинжалом-мстителем или револьвером, а учинила нападение на представителей власти целая вооруженная группа среди белого дня, около одного из центральных городов южной России.

Душою этого дела была Перовская. Она приехала в Харьков и вся отдалась смелому замыслу, который ей казался категорическим требованием долга.

В заграничной краснокрестной биографии Перовской одна из приятельниц ее рассказывает об этом харьковском периоде жизни революционерки:

«О Перовской я услыхала в первый раз в июне 1878 г. от лиц, подготовлявших освобождение Войнаральского. Судя по тому, как эти лица отзывались о ней и как ждали ее приезда в Харьков, я тогда же заключила, что к Перовской относятся в этом кружке с глубоким уважением и какой-то особенной нежностью.

Приехала она в Харьков позже всех остальных участников освобождения, — так, за неделю до катастрофы, — потому, мне кажется, что на ее обязанности лежало следить за отправкой осужденных из Петербурга, и вообще — не терять их из виду. Во время освобождения Перовская исполняла роль простой горничной на одной из квартир участников. Она и вообще, — как я после узнала, — брала всего охотнее на такие роли, где нужно было разыгрывать простого человека; роль же барыни ей, вероятно, была не по нутру, и я сомневаюсь даже, чтобы она могла ее выполнить так же без-

укоризненно хорошо, как свои обыкновенные роли. В качестве простой горничной во время попытки освобождения. Перовская являлась всюду, где нужно было следить и выслеживать. Особенно внимательно наблюдала она за вокзалом, где в это время был усилен полицейский персонал, вследствие ожидавшегося прибытия поезда с осужденными.

Попытка освобождения Войнаральского была предпринята, кроме Перовской, Александром Михайловым, Квятковским, Баранниковым и др. В № 4-м «Земли и Воли», от 20 февраля 1879 года, очень живо и жизненно рассказано про все это неудавшееся предприятие. Мы используем этот рассказ, но в значительном сокращении, потому что в оригинале он чрезвычайно обширен.

... Мы немедленно решили попытаться освободить хоть одного из осужденных. Через несколько дней двое из нас, поручив оставшимся в Петербурге и Москве товарищам своевременно известить об отправке осужденных по назначению, были уже в Харькове. Здесь, соединившись с несколькими южными революционерами, мы сейчас же приступили к необходимым приготовлениям. Шестеро из нас должны были принять участие в нападении на стражу, сопровождавшую арестантов; остальные наблюдать за местным тюремным замком и вокзалом и исполнять второстепенные частности дела.

В глухой местности Харькова, в небольшом переулке, мы подыскали так-называемую центральную квартиру для хранения оружия и костюмов, для устройства собраний и получения необходимых известий... В то же время мы наняли в более чистой части города другую квартиру, которую назвали конспиративною, так как ее никто не должен был знать, кроме участвующих в нападении. В этой квартире предполагалось скрыть освобожденного, а в случае надобности укрыться и самим.

Трое товарищей, которые должны были заведывать лошадьми, наняли квартиру на одном из постоялых дворов, где и поселились под видом провинциального управляющего помещичьим имением, его конторщика и кучера.

...Мы занялись приобретением всего необходимого для предприятия. Достали полный костюм жандармского офицера, купили на начинавшейся ярмарке 4 порядочных лошади, бричку и приступили к исследованию окрестностей Харькова.

...«Петербургские товарищи сообщили нам, что на товарном поезде с величайшей таинственностью и под огромным конвоем жандармов отправлены по Николаевской железной дороге четверо политических преступников. Новое извещение из Москвы подтвердило и дополнило нам, что товарный поезд, на котором на-

ходятся Ковалик, Войнаральский, Рогачев и Муравский, в сопровождении 8 жандармов и жандармского офицера Лесника, в 9 час. вечера двинулся из Москвы и придет в Харьков не ранее 12 час. ночи.

В назначенный час, ожидая, что осужденных могут, подобно Мышкину, высадить на товарной станции,—в уединенном месте,—и перевезти в городской тюремный замок на лошадях, мы, для наблюдения за движением поездов по Курско-Харьковской жел. дор. отрядили двух товарищей. Недалеко от города, вооружившись на всякий случай револьверами, они залегли за насыпью, близ полотна железной дороги...

Приезд товарищей, наконец, был выслежен. Так как в Харьковской губернии две центральных тюрьмы, в которые из этого города ведут две разных дороги, то заговорщики решили, что товарищей повезут во всяком случае в ту из них, в которой обычно помещались политические преступники.

Вооружившись кинжалами и револьверами большого калибра, захватив небольшие запасных зарядов, мы отправились из Харькова, по направлению к Чугуеву. Четверо из нас ехали в бричке, один в форме жандармского офицера, другой в виде армейского поручика, двое—как кучер и денщик и двое других верхами .

Оказалось, однако, что троих из осужденных—Ковалика, Рогачева и Муравского - провезли другой дорогой. Заговорщикам пришлось переодеться в обыкновенный костюм и вернуться в город.

Так как оставшегося Войнаральского должны были везти, по расчетам, на другой день, то с утра было установлено дежурство: один верховой наблюдал за тюремным замком, другой около конторы вольнонаемных почт, а бричка расположилась на перекрестке двух вышеупомянутых дорог, чтобы можно было, смотря по сигналу, ехать по любой из них.

Через полтора часа верховой дал сигнал, что везут по дороге в уголовный централ. Согласно плана, бричка поехала по змеевской дороге. В бричке находилось уже только трое: один в форме армейского поручика, двое в обыкновенном платье.

Через несколько минут из города показалась тройка с жандармами. Бричка быстро проехала вперед, на небольшом расстоянии перед тройкой. Заговорщики для уверенности в действиях ждали еще одного верхового, но случилось так, что обе группы уже приближались к селу, а действовать надо было, конечно, от него подальше.

Мы начали осаживать лошадей и остановились, свернув немного с дороги.

«Двое наших быстро выскочили из брички. Одетый офицером выступив на дорогу, крикнул жандармам:

«— Стой!

«Ямщик осадил лошадей, но они с разбега пробежали еще некоторое пространство.

«— Куда едешь?—спросил наш офицер (Баранников), подойдя к кибитке.

«— В Новоборисоглебск,—отвечал сидевший против Войнаральского жандарм, делая под козырек.

«Наш второй товарищ выстрелил в него, но промахнулся.

«— Что тут? Что это?—крикнул в испуге сидевший по другую сторону Войнаральского жандарм, но пуля нашего офицера свалила его на дно повозки...

«Испуганные лошади жандармов дернули и помчались. Произошло смятение. Мы пустились в погоню, кто на лошадях, кто, не успев вскочить на бричку, пешком. Промахнувшийся товарищ сделал еще два выстрела, но безуспешно. Верховой, находившийся немного впереди, желая убить коренную лошадь, повернул назад, но его собственная лошадь, испугавшись выстрелов, заартачилась. Стрелять в упор не было никакой возможности. Справившись, наконец, с ней и догнав жандармов, он на всем скаку выпустил в жандармских лошадей все шесть выстрелов своего револьвера. Большая часть их, судя по брызгам крови, попала. Но израненные лошади помчались еще быстрее мимо бежавших в сторону прохожих, мимо хохлов, косарей, оставивших работу и, опершись о косы, с удивлением смотревших на происходящее...

«Но расстояние между нами и жандармами все увеличивалось. Наш кучер напрягал последние усилия, чтобы догнать их, но его не особенно хорошие лошади, видимо, уступали по быстроте почтовым лошадям жандармов.

«Ожидая, что Войнаральский выскочит из кибитки [1]), мы гнались почти до самого селения. Наконец, убедившись в бесполезности дальнейшей погони, решили вернуться в Харьков».

Опоздавший верховой несколько заблудился и приехал позднее, услышав выстрел. Мимо него промчалась тройка с жандармом, который в него целился из револьвера: бричка же была слишком далеко. Пришлось и ему возвращаться в город...

Заговорщики решили немедленно же уехать из Харькова. Впоследствии они узнали, что раненый жандарм умер. Пали и лошади, раненые выстрелами...

---

[1]) Войнаральский не мог выскочить, потому что второй жандарм острием своей шашки пригвоздил звено кандалов Войнаральского ко дну повозки.

Потом только заговорщики сознали свою ошибку: они начали стрельбу, не вырвав у ямщика вожжей или не подрезав постромок. Во всяком случае они выполнили все, что могли. Если бы они продолжали свою бесплодную погоню за жандармами на скверных лошадях, то они попались бы другой тройке, которая везла шесть жандармов, возвращавшихся из белгородской тюрьмы после доставки туда арестантов.

Но Перовская,—рассказывает Кравчинский,—была беспощадна. Она осыпала жестокими упреками и без того убитых товарищей, называя это дело «постыдным и позорным для революции». Никаких оправданий не хотела она признавать и повторяла: «зачем давали промахи? зачем не гнались дальше?»...

Между тем шесть возвращавшихся жандармов по горячим следам успели проследить беглецов-заговорщиков, и положение становилось опасным.

С места схватки, участники освобождения направились прямо на вокзал, чтоб сейчас же уехать из Харькова и предупредить оставшихся в квартире сделать то же самое. Перед отходом поезда на вокзале появились уже жандармы и полиция с намерением арестовать участников нападения, если узнают их по каким-либо признакам. Более всего подвергались риску быть арестованными А. Д. Михайлов, М. Н., Софья Львовна Перовская и Фомин, потому что первый играл роль помещика, приехавшего на ярмарку, М. Н.—его жены, Софья Львовна—горничной, а Фомин—кучера; всех их, конечно, знал в лицо дворник, который был уже на вокзале. М. Н. кое-как принарядилась в дамской комнате и вышла на платформу под вуалью, в сопровождении какого-то генерала, с которым успела завязать заранее знакомство тут же на вокзале. Исполнив все это, любезный кавалер пришел за М. Н. и провел ее в вагон. Проехав несколько станций с этим генералом, М. Н., не доезжая до Орла, встала под каким-то предлогом на какой-то станции, поручив своему любезному спутнику доставить по данному адресу ее багаж в Орел. В доставленном генералом в Орел багаже были револьверы и кинжалы, именно те, что М. Н. и А. Д. считали всего необходимее забрать из харьковской квартиры. А. Д. как-то счастливо, уже на ходу, вскочил в один из вагонов этого же поезда и тоже благополучно унес ноги. Из 4-х лиц, заведомо известных дворнику постоялого двора, где шли приготовления к освобождению, только один Фомин был арестован на вокзале.

Перовская же, как всегда, спокойная и храбрая, отказалась от немедленного бегства.

ГЛАВА 17.

Поездка в Крым. Арест. Бегство в пути. В Петербурге.

Через три недели Перовская решила повидаться с матерью и отправилась в Крым в ее именье. Но здесь ее поджидала новая неприятность. Сейчас же по приезде она была арестована.

Как выше уже упомянуто, шеф жандармов Мезенцов ругал и негодовал по поводу слишком мягкого приговора по делу 193-х. Помимо того, что ходатайство суда о смягчении участи подсудимых не было удовлетворено, был принят ряд чрезвычайных репрессий. Из 90 оправданных приговором сената 80 были арестованы и в административном порядке разосланы по различным более или менее отдаленным местам.

Софью Перовскую предназначили к высылке в Новгород, Олонецкой губернии. В сопровождении двух жандармов она отправилась с благодатного юга на север.

Но мысли в тигровую пасть ей, конечно, менее всего хотелось. Горькой отравой омрачалось сознание только что изведанной неудачи — да и не одной, а двух: в Петербурге и Харькове. Образы товарищей, томящихся в централке в оковах, не выходили из головы. Огненно-пламенная речь Мышкина, которую Перовская слышала в суде, до сих пор жжет мозг. А руки бессильны. Из хищных лап не вырвать жертвы.

Но держать все же надо. Неудача раз, неудача — два, но энергия и вера в правоту дела должны взять верх над пессимизмом. Слишком ненавистно насильническое самодержавие, чтобы уступать так легко ему свои позиции. Нужно все построить наново. Влежить новые силы и создать новое предприятие, в котором все должно быть заранее предусмотрено ради торжества и победы над жандармерией.

Перовскую везут на север два жандарма. Мучительно долго и невообразимо скучно тянется дорога. Еле ползет поезд, но быстрее работает мысль, не знающая отдыха и покоя.

Конечно, надо бежать и бежать немедленно. Но как раз на беду все попадаются приличные добродушные жандармы. И деликатная Перовская решает, что нельзя подводить славных парней, по добродушию своему и незлобивости не замечающих, какого опасного человека они везут, и предоставляющих ей полную свободу, насколько это было можно при движении по все одной дороге.

На севере двое жандармов, сменивших прежних, оказались из матерых волков. Перовская вздохнула легче. Теперь она уже не будет стесняться. И никакой деликатности быть не может.

Поезд вступает уже в пределы Новгородской губернии, и Петербург—близко. Одна ночь сзды разделяет ее от северной столицы, где у нее столько дела и столько друзей. Следовательно, надо действовать. На станции Чудово пересадка. Момент удобный пришел.

Наступили сумерки, сгустились затем ночные тени. Два жандарма расположились в дамской комнате станции, где Перовской пришлось поместиться в ожидании другого поезда. Дремота одолевает жандармов, и они начинают «клевать носом». Один ложится у дверей, другой у окна. Но оба дремлют чутко. Часто просыпаются, оглядываются и посматривают на свою пленницу.

А пленница лежит на диване и следит в свою очередь за жандармами. Чем глубже ночь, тем реже просыпаются жандармы. Звонки и шум проходящих поездов уже перестали беспокоить их: привыкли. Тогда бесшумно соскальзывает Перовская со своего дивана. На нем она оставляет свою верхнюю одежду и придает ей форму лежащей фигуры человека. И осторожно подходит к дверям, сбросив обувь и накинув на голову платок.

Перовская давно заметила, что выходная дверь из дамской комнаты отворяется наружу, следовательно, бегство значительно облегчается. И, действительно, ей удается бесшумно открыть дверь и, как тень, она выскальзывает из вокзала.

Быстро проходит она по пустынной платформе и никто не замечает ее. Пробирается затем по путям и располагается в кустах, решив смело, что она будет ожидать петербургского поезда здесь же в Чудове. Это было опасно, но Перовская знала, что смелым Бог владеет и что счастье—за смелым.

Жандармы крепко спали, а уже через час к Чудову подходил поезд из Петербург. Дорого обошелся этот час Перовской. Каждую секунду ждала она, что вот-вот проснутся ее церберы, и тогда все кончено,—уже не вырвешься от них.

Но все шло благополучно. Чтобы не оставлять следов, Перовская не покупает билета в кассе, а садится в поезд «зайцем».

В вагоне все идет хорошо. Но Перовская безбилетная, и ей грозит опасность со стороны другого аргуса — кондуктора. Но, как это часто бывало с Перовской, ее выручает уменье мгновенно опроститься, принять вид самой немудрящей бабенки. Кондуктор требует билета, Перовская притворяется бестолковой, ничего не понимающей деревенщиной, и все кончается благополучно: «глупой бабе» дают билет, и она свободно приезжает в Петербург ранним утром, когда ее жандармы, вероятно, еще сладко спали.

С этого момента Перовская переходит на нелегальное положение и живет до конца дней своих по подложным паспортам.

Не было конца удивлению ее друзей в Петербурге, которые немедленно забили тревогу и указывали ей на опасность оставаться в северной столице. Но Перовская весело рассказывает, как она ловко провела жандармов, и заразительно хохочет. И чувствует, что опять у нее полна жизни внутренняя энергия, и опять она готова работать, не покладая рук.

Собираются все больше старые друзья. Приходит и Кравчинский, старый товарищ Перовской по кружку чайковцев. Он относится к Соне» с особенным чувством восторга, плохо скрываемого, и глубокого уважения, соединенных с самым простым товариществом.

Кравчинский высоко ценит Перовскую и говорит своим общим друзьям:

«Это замечательная женщина: ей суждено совершить что-нибудь очень крупное».

Беседа естественно переходит на последние харьковские события, и Перовской приходится излагать печальную повесть о том, как неудачна была их попытка освободить товарищей во время перевозки их в Харьковскую центральную тюрьму.

А Кравчинский в это время вынимает из кармана и показывает Перовской составленную им брошюру «Заживо погребенные», в которой описывается положение политических «преступников», попавших именно в Харьковский централ. Брошюра составлена на основании материалов, присланных самими же сидящими Кравчинскому. Он взволнованно читает свое произведение, и более чем кто-либо из присутствующих страдает, слушая эту каторжную повесть,— Перовская. Она ведь только что из Харькова и была слишком близка к страдающим товарищам, и ничего не могла сделать!

Недавно радостное и оживленное лицо Перовской, повествовавшей о своем бегстве, туманится еще больше: ей-то удалось вырваться на свободу, а вот товарищей преследовала трагическая неудача. И в тот же момент ее охватывает еще сильнее, еще резче и решительнее мысль немедленно ехать опять в Харьков и продолжить дело, неудачно начатое, но уже с тем, чтобы довести его благополучно до конца и освободить пленников русского правительства.

Она немедленно же сообщает свои соображения и планы своим друзьям. Ей указывают на трудность предприятия. Но Перовская, горячась вся внутренне, но снаружи такая сдержанная и точно холодная, настаивает на своем. Она идет дальше. Теперь речь уже не об освобождении того-то или того-то из сидящих товарищей. Теперь дело осложнилось, и необходимо освободить их всех!

Всех!.. Безумно дерзкое и невыполнимое предприятие! Друзья указывают на все трудности его, но Перовская неумолима. Она сейчас же, немедленно, сию минуту едет на поезд.

Ее уговаривают, однако, остаться на несколько дней в Петербурге. Есть ведь неотложные партийные дела. И Перовская остается.

Она работает, помогая новой сложившейся организации «Земли и Воли», с которой она уже была связана только что проведенным, хотя и неудачно, харьковским мероприятием. Перовская старается увеличить силы новой организации и убеждает некоторых друзей войти в нее, что ей и удается. По этому поводу она вступает и в переписку с «женихом» своим, Львом Тихомировым, который жил в это время в Ставрополе, отдыхая от революционных дел. Тихомиров, ценивший тоже очень высоко Перовскую, вступил в «Землю и Волю» и занял в ней место Кравчинского.

Наконец-то дела закончены. С «Землей и Волей» опять установлены прочные отношения в деле, задуманном Перовской в Харькове. Гарантировано ей то, о чем она просила. Пора ехать.

Накануне отъезда друзья своеобразно чествуют ее. Это чествование можно бы назвать «банкетом храбрых». Одиннадцать ее товарищей, все из людей на чрезвычайной примете у полиции и ею усердно разыскиваемых, решают пойти в театр. Избирают оперу и идут слушать «Пророка» Мейербера. Садятся все в литерную ложу и наслаждаются как чудной музыкой, так и в антрактах веселым, холодным и бодрым сознанием бравирующей опасности. Весело болтают на тему, что дорого бы дало правительство, чтобы захватить всех их скопом в театре. Но тогда в простоте нравов сыщики еще не догадывались о возможности хождения в театр...

На другой день Перовская уехала в Харьков. Самое главное орудие—деньги были обеспечены. Теперь предстоит только собрать людей, и дело закипит.

ГЛАВА 18.

В Харькове. План массового освобождения заключенных политических из централа.

В Харькове Перовскую искали после попытки освободить Войнаральского. Но Перовская всегда относилась к опасности с мудростью закаленного воина. Она начинает работать. И первые шаги идут удачно. Подыскиваются годные люди, устанавливается непрерывное наблюдение за каторжной тюрьмой. Чтобы увеличить контингент лиц, из которых можно было бы вербовать нужные силы, Перовская поступает с фальшивым паспортом на акушерские курсы и заводит здесь большие связи и знакомства. Денег ей шлют в изобилии из Петербурга. Но все же чувствуется недостаток в людях. Их Перовской нужно много—очень много, соответственно ее гран-

дюжному плану массового освобождения всех политических из центральной каторжной тюрьмы. Но людей-то Петербург и не может дать. Письма Перовской в Петербург дышат верой и убеждением в том, что ей удастся одержать блестящую победу. А так как людей-то нет или очень мало, то вся тяжесть работы падает на ее молодые плечи, очень выносливые.

Устанавливаются и сношения с заключенными, и тогда последним приходится чувствовать всю нежность и внимательность к ним любящей руки Перовской.

Люди, просидевшие в централке по нескольку лет без всякого общения с внешним миром, вдруг получили возможность переписываться, иметь книги, еду и зимнюю одежду, в которой всегда чувствовался большой недостаток. Точно заботливая горем мать, заботившаяся о своем больном ребенке, бегает Перовская по магазинам и выбирает долго и внимательно какие-нибудь чулки или фуфайку, вкладывая в это дело выбора какую-то особенную строгость, точно от этого зависело все.

Тот же самый нежный материнский капризъ обнаруживала она и относительно выбора продуктов питания для заключенных: Перовская старалась послать то, что было редкостью в тюремном обиходе, но что, с точки зрения здоровья, было в особенности необходимо в предупреждение обычных тюремных заболеваний. И Перовская покупала массами и посылала в тюрьму сельдей, лимоны, сыру, яблок...

Среди этих забот Перовская вела усиленную пропаганду и создала в Харькове революционный кружок, который просуществовал два года. На собраниях этого кружка перебывали, кроме Перовской, и Желябов, Теллалов, Гольденберг и др.

Но как кипуче ни развивалась энергия Перовской, самое главное ее харьковское задание — освобождение всей массы заключенных — не двигалось вперед. Петербург перестал ее поддерживать.

Разгоравшаяся борьба «Земли и Воли» с правительством отнимала у петербуржцев слишком много времени, и сами они нуждались в притоке свежих сил. Вскоре после мезенцовского дела разразился погром над деятелями «Земли и Воли». Многочисленные аресты вырвали из среды активных революционных работников такие силы, как О. Натансон [1]), Адриана Михайлова, Сабурова, Буланова, Малиновскую, Коленкину и др. (судились в мае 1880 г. по так-называемому процессу доктора Веймара). Самой столичной организации приходилось обращаться в провинцию за помощью. Но провинция,

[1]) Душа землевольческой организации М. А. Натансон был арестован еще в июне 1877 года.

еще не вступившая в новую фазу, отказывалась помогать Петербургу, ссылаясь и на обилие дела на местах, и на то, что «дезорганизаторская» борьба в провинции не встречает сочувствия и признается даже вредной.

Харьковская подруга Перовской так описывает состояние ее в момент получения роковых вестей из Петербурга о разгроме землевольцев (заграничная краснокрестная биография Перовской):

«Я жила с Перовской в одной комнате, когда получилось известие, что в Петербурге многие из членов «Земли и Воли» арестованы.

«Трудно изобразить, какое горе причинило ей это известие. Как человек чрезвычайно скрытный, она ни перед кем не изливала его и казалась даже спокойной и не особенно убитой, но зато по ночам, когда она была уверена, что я сплю и никто не услышит ее, она давала волю своему горю. Помню, как Перовская провела первые 3 ночи, после получения известия. Что это были за ночи!.. Я вынуждена была притворяться спящей, из боязни своим присутствием или участием только стеснить ее, но как сжималось мое сердце при этих постоянно раздававшихся тихих рыданиях...

«Я тогда еще не знала, как этот погром может отразиться на плане освобождения, и думала, что Перовская так убивается только потому, что эти люди ей особенно близки. Впоследствии я лишь поняла, что с их арестом у нее явилось сомнение в возможности осуществить свой план. Расстаться с этим планом ей было невыносимо тяжело, но все же пришлось, так как за первыми арестами последовали другие, и попытка освобождения не могла состояться».

ГЛАВА 19.

Кризис революционных организаций.

В ноябре 1879 года Перовская после харьковского провала всех ее планов вернулась в Петербург и здесь попала в полосу совершенно новых политических течений, исподволь образовавшихся под влиянием всего предшествовавшего опыта борьбы с правительственной властью.

В недрах «Земли и Воли» нарождалось новое террористическое течение. В сущности оно было уже не новым. Выстрел Каракозова, попытки покушения в Николаеве, где Виттенберг и Логовенко готовили мину, чтобы подложить ее в день приезда Александра II под пристань, наконец, выстрел Соловьева,—все это были прецеденты, которые неминуемо толкали революционные организации на путь

борьбы вооруженной рукой с самодержавием, не шедшим ни на какие уступки.

Соловьевское покушение было первым эпизодом, который чрезвычайно резко поставил пред землевольцами вопрос об основном, так сказать, терроре, о битье по цели в центр.

А. Соловьев приехал в Петербург с твердым намерением убить Александра II. Он хотел заручиться все же санкцией партии «Земли и Воли», и вопрос о предстоящем покушении перешел на обсуждение «большого совета» «Земли и Воли». Интересно, что одновременно с Соловьевым приехал в Петербург с таким же намерением цареубийства Гольденберг, убивший в Харькове генерал-губернатора князя Кропоткина (двоюродного брата анархиста). В Петербурге же был и Кобылянский, который также выразил твердое желание покончить с императором. Все эти три претендента на роль исполнителей смертного приговора над императором сошлись вместе, и было устроено совещание их с землевольцами, сочувствовавшими идее цареубийства. Решено было, что Гольденберг (впоследствии предатель) и Кобылянский должны быть отстранены от своих планов, потому что первый — еврей, а второй — поляк. Соловьеву же было обещано полное содействие.

В «большом же совете» «Земли и Воли» к плану отнеслись в большинстве отрицательно. Прения были бурны до такой степени, что послышались угрозы помешать силою плану и даже прибегнуть к убийству. Но часть землевольцев все же помогала Соловьеву, и Александр Михайлов сам выслеживал царя...

Раскол в недрах партии назрел. Идеи цареубийства делали завоевания. А когда после Соловьевского покушения военные суды над революционерами начинают неистовствовать, смертные приговоры сыплются десятками и приводятся в исполнение, то становится ясным, что идеи дезорганизаторской группы должны сделаться превалирующими и побеждающими.

Группа землевольцев, сторонников террора, находила, что при данных условиях вести социалистическую пропаганду совершенно невозможно, что отсутствие элементарных политических гарантий сводит всю преподавательную и пропагандную вместе с тем работу революционных партий на нет, делает ее никчемной. Упираясь постоянно в стену отсутствия политической свободы, революционеры неизбежно должны были отказаться от надежды немедленного социального переворота, после которого начнется перестройство жизни на началах упразднения собственности. Старые идеалы начали выцветать. Они были высоки, но слишком далеко находились от земли. А практическое дело требовало земной работы, земных людей и земных взглядов.

С другой стороны, правительственные репрессии умножались и учащались. Правительство встало на путь кровавых расправ. Месть сделалась одним из главных руководителей и побудителей в борьбе с революционерами. Весь правительственный аппарат точно вдохновился ненавистью к революционерам, ненавистью дикой, злобной, слепой, не разбирающей средств во имя низменной цели самосохранения. Надо было давать отпор самодержавию.

Горячие южане нетерпеливо толкали на путь террора. В Киеве блестящий революционер Валериан Осинский уже действовал во главе «Исполнительного Комитета». И призыв северных землевольцев к южанам столковаться окончательно о терроре на специальном съезде нашел в последних горячий отклик. Впрочем, северяне, стоявшие за раскол партии, предрешили уже вопрос о терроре и когда, например, Желябова приглашали на Липецкий съезд, то вопрос ставился так—согласен ли Желябов принять участие в цареубийстве?

Фроленко, ехавший из Одессы, где он приглашал Желябова на съезд, заехал на обратном пути в Харьков, где жила Перовская. Но ее он не пригласил на съезд, за что впоследствии часто Перовская упрекала Фроленку, так как он, проживая в Харькове, часто видел ее, мог к ней присмотреться и знать лучше ее отношения к партийным разногласиям и к новым течениям.

Фроленко («Былое», I, 1907) рассказывает, что он не мог пригласить Перовскую в Липецк.

«Липецкий съезд,—говорит он,—держался в тайне от непосвященных членов «Земли и Воли». Поэтому, приглашая туда, надо было иметь в виду не только получение согласия, но и то, чтоб человек, отказавшись, не стал бы разглашать и не поднял бы тревоги. А между тем, еще не задолго до моей поездки в Питер, в одном разговоре Перовская являлась не только завзятой народницей, но еще и русачкой. Все русское—народ. Волга, Жегулевские на нее горы, русские песни,—все это она ставила выше, красивее малороссийских и не раз вступала в горячие споры, отстаивая свои симпатии. Землевольческие народники как раз и действовали в ее излюбленных местах. Но будь на ее плечах дела с централкой, она, вероятно, и сама была бы там. К тому же всем известно было, что она почему-то не долюбливала так-называемых «троглодитов», и это сохранилось у нее и тогда, когда уцелевшая их часть стала землевольческой. А ими-то и устраивался Липецкий съезд. Все это и было причиной, почему я не пригласил Перовскую».

Липецкий и Воронежский съезды состоялись летом 1879 года, вслед за ними раскол партии совершился и формально, хотя фактически он существовал уже на деле, и Софье Перовской пришлось пережить из-за этого много душевной борьбы и душевной тревоги

Биограф С. Перовской (заграничное издание Красного Креста) так рассказывает об этом периоде в жизни Перовской:

«Распадение организации «Земли и Воли» на две группы в сущности произошло задолго до формального санкционирования. Каждая группа после Воронежского съезда действовала уже почти вполне независимо: привлекала к себе новых членов из лиц, не входящих в организацию «Земли и Воли», обсуждала условия соглашений и тех уступок, какие можно сделать, чтобы избежать разрыва, и заранее готовилась к своим практическим задачам на случай разрыва.

«По поводу всего этого у так-называемых «деревенщиков» (будущих чернопередельцев) происходили сходки за Петербургом, в которых участвовала также и Софья Львовна. Большинство не видело возможности притти к каким-нибудь соглашениям с террористами. Введение политического элемента в программу и сосредоточение главных сил партии на борьбе с правительством вызывали протест со стороны «деревенщиков»—разрыв был неизбежен.

«Но С. Перовской, как и многим другим, ужасно не хотелось его. Она доказывала, какой вред произойдет от распадения организации «Земли и Воли», и скорее молила, чем аргументировала, как его избежать. Она лично почти не видела существенных разногласий между обеими фракциями и находила, что расхождение происходит больше от недоразумений, которые можно уладить взаимными объяснениями.

«Она соглашалась с деревенщиками, что не следует оставлять деятельность в народе, хотя и на время, как это предлагали террористы (будущие народовольцы), но, рядом с этим, находила необходимым убийство Александра II, на что в то время было устремлено все внимание последних.

«Относительно этого пункта она несколько расходилась с деревенщиками, которые признавали полезность этого факта лишь в связи с деятельностью в народе. Они смотрели на убийство царя, как на агитационный факт, могущий послужить сигналом к крупным массовым движениям. Поэтому момент совершения убийства Александра II они ставили в зависимость от результатов предварительной организационной работы в народе, иначе факт этот, думали они, или останется совсем без влияния на народ, или он вызовет стихийные движения, которые, при отсутствии революционных организаций, могут скорее принести вред, чем пользу.

«Но террористы решительно не хотели подчинять время совершения этого факта деятельности в народе, находя эти соображения не вполне верными и не всегда удобоисполнимыми, поэтому они стояли за выполнение своего намерения, как только представится к тому возможность.

«Перовская соглашалась с деревенщиками, что убийство царя будет иметь гораздо больше значения, если оно совершится при параллельной деятельности в народе, при существовании серьезных сношений с ним и крупных организаций; но всего этого в то время почти совсем не было, поэтому она находила полезным совершение убийства Александра II ради одной уже мести за ужасные преследования и казни социалистов, и так как приведение этого плана в исполнение само собою откладывалось на несколько месяцев, в продолжение которых деревенщики, как ей казалось, могли еще кое-что успеть сделать в народе, то она и считала деятельность обеих фракций одна другую дополняющей; но, пока деревенщикам удастся завязать серьезные сношения с народом, она решилась помогать террористам в их планах взрыва царя.

«Вот почему, при состоявшемся (в начале августа 1879 г.) формальном распадении «Земли и Воли» на «Народную Волю» и «Черный Передел», Софья Львовна не пристала ни к одной из этих двух групп целиком, но тем не менее помогала каждой. Так, перед отъездом в Москву (в дом Сухорукова), она передала чернопередельцам кое-какие имевшиеся у нее связи в провинции, познакомила их с некоторыми лицами, располагавшими материальными средствами и сочувствовавшими деятельности в народе, и отдала им имевшуюся у нее небольшую сумму для их предприятий.

«Возвратившись после 19 ноября в Петербург, Софья Львовна тотчас же постаралась повидаться с нами. Почти с первых же слов она прямо заявила нам, что готова пристать к чернопередельцам, если у них имеется теперь или в скором времени крупное организационное предприятие в народе.

«Мы подробно изложили ей настоящее положение дел: мы рассказали ей, как велики теперь внешние политические препятствия для серьезной деятельности в народе, как ничтожны там связи («зацепки») чернопередельцев, в каком незавидном положении находятся все, желающие действовать в деревне, и как мало сил и средств для возможной даже в этом направлении деятельности. Наша твердая уверенность, что серьезное революционное дело немыслимо в данное время в народе, произвела на Софью Львовну очень тяжелое впечатление.

«Так остается пристать к народовольцам»,—не то спрашивала, не то решала она.

«Зная, что она не разделяет целиком воззрений «Народной Воли», что она мало верит в возможность добиться политической свободы силами партии, что она смотрит на террористические акты больше как на месть правительству, мы старались отклонить ее намерение, доказывая, что лучше уже выждать некоторое время, а пока воз-

можна будет деятельность в народе, мы предлагали ей уехать за границу.

«Нет, нет,—решительно заявила она,—я останусь здесь погибать вместе с борющимися товарищами...».

«Трудно выразить, как тяжело нам было сознавать, что она остается для верной и скорой гибели, но никакими доводами мы не в силах были разубедить ее.

«На второй день после этой беседы Желябов с необычайной радостью сообщил нам, что София Львовна уже формально вступила в организацию «Народной Воли».

ГЛАВА [illegible]

В стане террористов. Желябов и Перовская.

Жребий был брошен. Софья Перовская перешла в стан террористов, которые прославили своей героической борьбой имя «Народной Воли». Тяжело было ей сделать этот переход. Слишком яркая и ярая народница она была. И слишком сжилась со всеми светлыми и свежими впечатлениями своей юности, чтобы быстро расстаться с прежними богами.

Тот этический социализм, который охватил всю свою жизнь Софья Перовская, был ее первой и единой любовью. И она осталась ей верна до конца. Жизнь учинила испытание юношеским верованиям, прогнала их через мучительную реторту, завела их под своим прессом. И если люди не ушли вперед, переменили свои догматы на более жизненные, то Перовская была слишком стальной, прямой и непосредственно-твердой, чтобы легко уступить прозе свою первую поэзию.

«Народная Воля» ставила на первый план другие задачи, чем прежнее народничество, даже обновленное в «Земле и Воле». Политическая программа восторжествовала. Захват власти сделался важнейшим пунктом народовольческих стремлений. Народовольцы торжественно провозгласили категорическую необходимость отдать народную волю в Учредительном Собрании. Программа Исполнительного Комитета говорила и о конституционных свободах и гарантиях, т.-е. о том, о чем первое поколение боевых русских социалистов и слушать не хотело. А народ отходил на задний план, точно старые раны его были уже все уврачеваны и исцелены все его давние недуги.

Народовольцы действовали во имя народа, но уже не через него, не посредством него. Слишком ушли они с головой и со своими

сердцами в борьбу один на один с самодержавием, и разве в такие моменты можно было говорить о работе среди народа, т.-е. опять-таки о том, мыслью о чем жила все время Перовская?

Эти переживания Перовской носили, поистине, драматический характер. В. Н. Фигнер подчеркивает, как трудно было ей и ее другу Перовской оторваться от русской деревни, убогой и невежественной .. «Нас призывали,—говорит она («Былое», № 10—11, 1918 г.) к участию в политической борьбе звали в город, а мы чувствовали, что деревня нуждается в нас, что без нас—темнее там. Разум говорит, что надо встать на тот же путь, на котором уже стояли наши товарищи, политические террористы, упоенные борьбой и одушевленные успехом. Но чувство говорило другое, настроение у нас было иное, оно влекло в мир обездоленных. Конечно, мы не отдавали себе отчета, но впоследствии это настроение было правильно определено, как стремление к чистой жизни, к личной святости. Однако, если на Воронежском съезде о нас товарищи, смеясь, говорили, что мы «шли между двух стульев», то после некоторого раздумья мы победили свое чувство, свое настроение и, отказавшись от морального удовлетворения, которое давала жизнь среди народа, твердо стали рядом с товарищами, политическое чутье которых опередило нас».

«И,— делает затем важное замечание В. Н. Фигнер,— с тех пор во всех террористических актах Исполнительного Комитета партии «Народной Воли» Перовская занимает первое место».

Это верно. Перовская занимает первое место. Но если приподнять несколько завесу над скрытой и скрытной душой Перовской, то это первенство Перовской приобретает именно указанный выше драматический характер. Перовская никого не пускала в свою душу— все знали ее замкнутый и нелюдимый в этом отношении характер. Понятно, поэтому, что в воспоминаниях о ней мы не найдем следов этих драматических коллизий. Только немногие мимолетные, косвенные указания говорят нам про то, что, уже уйдя совершенно в террористическую борьбу, которую Перовская совершенно отрицала еще в 1878 году (она присоединилась к письму к Кравчинскому Сигурда, протестовавшего против плана убийства Мезенцова), она всеми фибрами своего существа рвалась к прошлому, к народу, к Аркадии этического социализма...

М. Р. Попов («Былое», VIII, 1906) рассказывает, что в феврале месяце 1880 года он получил письмо от Барановникова, в котором последний писал, что устал от напряженной террористической борьбы и что он желает только одного — поскорее покончить с начатым делом —убийство Александра II — и затем приняться за осуществление воронежских поселений. «В таком же роде,—прибавляет М. Р. Попов,—было и письмо Перовской ко мне».

С. Л. Перовская, таким образом, уже в феврале 1880 года тосковала о поселениях в народе. А между тем к этому времени Перовская успела уже участвовать в одном замысле Исполнительного Комитета—в покушении на взрыв царского поезда под Москвой 19 ноября 1879 года. Главнейшая и напряженнейшая работа ее была вся впереди, и тем не менее Перовская уже устала и тоскует. Устала и тоскует, потому что душа ее «не на месте», потому что пошла она в террор не с таким беззаветным сердцем, с каким шла к народу.

О. В. Аптекман («Из истории революционного народничества» — «Земля и Воля» 70-х годов. Изд. «Донской Речи») рассказывает совершенно тожественный факт из вереницы печальных настроений Перовской в этом направлении.

С. Перовская пришла к рассказчику приблизительно в то же время, когда она писала М. Р. Попову, т.-е. в январе 1880 года.

«Наша беседа была из невеселых,—говорит О. В. Аптекман.—Софья была грустна, а у меня на сердце тоже кошки скребли. Прощаясь со мной, Софья обратилась ко мне со следующими словами:

«—Есть ли что-нибудь у вас в народе, Осип?

«Мы стояли на пороге. Я ей ответил, что сейчас у нас (т.-е. у чернопередельцев, оставшихся верными старой землевольческой программе) ничего нет.

«—А вы меня возьмете, если у вас будет что-нибудь?

«Я только взглянул на нее, но ничего не ответил».

Эти два эпизода, относящиеся к тому же к одному и тому же периоду времени в жизни Перовской, рисуют нам в траурных красках ее внутренние переживания.

Что же заставило Перовскую итти в террор, раз в душе ее все еще зрели сомнения, раз она рвалась обратно к народу после того, как выполнила, и притом героически, свою роль террористки в московском подкопе, при покушении 19 ноября 1879 года?

Изложенная выше беглая история политических течений с шестидесятых годов дает ключ к уразумению ответа на этот вопрос, но не исчерпывает всей психологической загадки.

Во всяком случае, беззаветно отдаваясь делу, за которое она бралась, Перовская в террористической фракции считала себя все же в гостях. Есть все основания предполагать, что на нее оказал громадное влияние А. И. Желябов, с которым Перовская познакомилась еще до Воронежского съезда, повидимому, в Харькове, где она основала революционный кружок.

Желябов произвел на нее неотразимое впечатление. Уже на Воронежском съезде В. Н. Фигнер заметила, что, говоря положительно и расхваливая самым решительным образом того или иного

партийного деятеля, Перовская о Желябове говорила с прямым восхищением.

Желябов долго убеждал Перовскую вступить на путь террористической борьбы, но встречал упорное сопротивление закаленной народницы.

— Ничего не поделаешь с этой бабой,—не раз восклицал Желябов после споров с Перовской.

Споры продолжались однако. Перовская склонялась. И была побеждена. И биографы Перовской отмечают, с какой радостью Желябов сообщил всем заинтересованным лицам о том, что Перовская вошла в новую террористическую партию.

Здесь привходит важный психологический фактор: Перовская полюбила Желябова.

Это была любовь исключительная.

Перовская вынесла из своего детства, как отмечено выше, большую нелюбовь к сильному полу. Она, можно сказать, была мужененавистница. Считала женщин, во всяком случае, выше мужчин в нравственном отношении и с особой ненавистью презирала «бабников». Не только в силу ригоризма и аскетизма, не только в силу возвышенных взглядов на человеческую личность, вынесенных ею из прекрасной дали, не только в силу высокого морального чутья и щепетильно-ревнивого отношения к достоинству женщины, так недавно, у нее же на глазах, в семье третировавшейся, как рабыня,— но и в силу тяжких воспоминаний о насильнике-отце, крепостнике, издевавшемся над женщинами...

Жизнь Перовской сложилась так, что ее сердце было забронировано от страстных увлечений, свойственных вообще людям. Ей было некогда заниматься такими «пустяками». А темперамент, если бы он был даже ярко выраженным, должен был спать под прессом ригоризма, высокой личной чистоты и постоянной победы идеи и духа над материальными и физическими зовами человеческого существа.

Но когда приходит двенадцатый час и для такой забронированной души, и сердце тает несмотря на замораживание его суровостью долга, служением исключительно возвышенному идеалу, тогда природа получает полноту реванша, и сердце отдается порывам чувства с повышенной углубленностью.

Перовская полюбила поздно, ей уже пошел 26-ой год, тем сильнее была эта любовь и тем всестороннее она захватила ее. Понятно, что при таких условиях и при условиях полной духовной близости и общности социально-политических стремлений, влияние сильного, яркого, красивого и пламенного Желябова на Перовскую было весьма большим, вероятно, исключительно большим.

Конечно, Перовская была не из тех натур, которые не пошли бы в огонь при виде того, как товарищи ее гибли, и гибли на глазах. Ее страстные домогательства освободить товарищей из Харьковской каторжной тюрьмы ясно указывают, что именно товарищеское чувство было развито в Перовской особенно утонченно. Знавшие Перовскую утверждали, что ее террористические верования вытекали больше из чувства мести к поработителям и царским палачам, чем из других мотивов. (Оценка Л.Г. Дейча в книге «К 25-летию 1881—1906 г.г. Дело 1 марта 1881 года». Петербург. 1906 г. Изд. «Свободный Труд»), хотя сама С. Л. (см. ниже, стр. 88) категорически отрицала мотив мести.

Но все же, вероятно, только слово Желябова было последним, которое легло уже на душу крепко-на-крепко и сделалось неизгладимым.

Но откуда же тогда эти сомнения? Эти воспоминания о народе и эта тяга к деревенским поселениям, к работе среди убогого, темного и жалкого народа, с которым она познакомилась воочию еще восемнадцатилетней девушкой?

Оттуда же. От Желябова. Когда Желябов соглашался на акт цареубийства и поэтому был приглашен на Липецкий съезд сторонников террора, то он сделал весьма существенную оговорку. Он допускал только единичный акт цареубийства. Далее он считал себя свободным. Другими словами, летом 1879 года Желябов не возводил еще террора в систему, не верил в него непреложно, как в чудо, воскрешающее расслабленного.

В биографии Желябова («А. И. Желябов». Ник. Анешова. Петербург, 1919 г.) собраны данные и соображения, доказывающие, что у Желябова не было строгой стройности террористических воззрений, что он был гораздо шире всех своих товарищей по политическим воззрениям, что он стоял ближе к современным сторонникам политических блоков. Желябов мечтал о всеобщем движении, об объединении всех живых общественных сил. И Желябов, поэтому, как предполагает биограф, в конце-концов, когда террор предстал пред ним в своих отрицательных полюсах во всей жестокости правды, когда пришлось признать, что террористы «проедают свой капитал», в конце-концов Желябов сам пошел навстречу смерти, когда был арестован. Он написал 2 марта 1881 года заявление прокурору палаты, в котором признал свою прикосновенность к событию 1 марта 1881 года, когда об этом жандармские и судебные власти не имели прямого подозрения. Это было настоящим самоубийством...

Никаких материалов в воспоминаниях о Перовской мы не находим в этом направлении. Но мы принуждены остановиться на этой гипотезе, чтобы понять всю сложность душевных переживаний большой и крупнейшей русской революционерки.

ГЛАВА 21.

19 ноября 1879 года. Покушение на Александра II под Москвой.

Это было первое дело Софьи Перовской по поручению Исполнительного Комитета партии «Народной Воли», в который потом вошла и она. Но это было не первое дело в серии выполнявшихся планов партии по отношению к императору Александру II.

26 августа 1879 года в Петербурге в Лесном Исполнительным Комитетом партии «Народной Воли» был вынесен смертный приговор императору Александру II. С этого момента начинается настоящая охота за императором. Его подстерегает смерть везде и всюду. Террористы следуют за ним по пятам. Организация прилагает неимоверные усилия для того, чтобы сразу выполнить свое задание и выполнить свою непременную обязанность. Энергия партии напружинилась до последней степени,—не даром ее хватило только немного больше, чем на год.

Софья Перовская принимает участие в знаменитом московском покушении, о котором Гольденберг впоследствии поведал все подробности властям.

Поручение от Исполнительного Комитета подготовить почву для возможного покушения под Москвой—покушение готовилось под Одессой, а затем почти одновременно с московским и под Александровском, Екатеринославской губернии,—получил Ал. Михайлов. Он осмотрел Николаевскую и Московско-Курскую железные дороги, чтобы выбрать место, удобное для покушения, и остановился на плане выполнения его под Москвой, на третьей версте от станции «Москва» Московско-Курской железной дороги.

Исполнительный Комитет одобрил выбор, и затем был приобретен в облюбованном месте дом у мещанина Кононова.

Дом купил Сухоруков—Лев Гартман (впоследствии бежавший за границу), приехавший на место вместе со своей женой, в роли которой выступила Перовская (под именем Марины Семеновой). В работах по проведению подкопа участвовали, кроме того, Ал. Михайлов, Арончик, Гр. Исаев, Гольденберг, Баранников, Ширяев и Галина Черняевская, державшая в Москве конспиративную квартиру на случай необходимости скрыть участников подкопа.

Подземный ход, вырытый от дома к полотну железной дороги, был длиною в 47 метров и по бокам был обшит досками. Этот подкоп кончался миной, заложенной на глубине пяти метров под рельсами. Работа была чрезвычайно трудная. Сверлильную машину, например, приобрели только в самое последнее время, когда люди

дошли уже до полного изнеможения. Вначале же работа производилась просто лопатами. А между тем вследствие непрерывных дождей минная галлерея была всегда наполовину залита водой, которая просачивалась через верх и собиралась на дне. Приходилось копать, стоя на коленях в воде, а иногда лежа в пронизывающей до костей ледяной грязи. При этом ни у кого не было непромокаемого костюма для предохранения от заболеваний. При том не было и надлежащих инструментов, необходимых для саперных работ, — действовали только с путевым обыкновенным компасом.

И тем не менее инженеры-эксперты при судебном разбирательстве признали подкоп устроенным совершенно правильно.

Роль хозяйки дома выпала на долю С. Перовской. Она захотела этого сама, с бою отнявши эту роль у Якимовой. В таких ролях Перовская была неподражаема. Окрестное население, темное, невежественное, преимущественно из раскольников-старообрядцев, считало и семью Сухоруковых тоже раскольничьей и удивлялось только тому, что Марина Семеновна закупала слишком много провизии, уж никак не для двух человек (все работавшие по подкопу, конечно, скрывались). Удивлялись они и тому, что иногда ночью слышался шум извозчичьих пролеток и голоса темных народа. Но, считая семью Сухоруковых раскольничьей, молчали они, предполагая, что здесь происходит нечто тайное по раскольничьим делам, о чем нужно хранить секрет.

Ловкость и умелость Перовской избавляли заговорщиков от многих опасностей. А бывали минуты весьма скверные и жуткие.

Однажды купец-сосед зашел к Сухорукову по делу о закладе дома. Хозяина не оказалось на ту пору. Перовской очень не хотелось допустить нежданного посетителя до осмотра дома, и во всяком случае нужно было оттянуть время, чтобы дать товарищам возможность убрать все подозрительное.

Она внимательно выслушала купца и переспросила. Тот повторил. Перовская с самым наивным видом опять переспрашивает. Купец старается объяснить как можно вразумительнее, но бестолковая хозяйка с недоумением отвечает:

— Уж я не знаю. Уже как скажет Михайло Иваныч.

Купец опять силится объяснить. А Перовская все твердит:

— Да вот Михайло Иваныч прийдет. Я уж не знаю.

Долго шли у них эти объяснения. Несколько товарищей, спрятанных в каморке за тонкой перегородкой и смотревших сквозь щели на всю эту сцену, просто душились от подавленного смеха: до такой степени естественно играла она роль жены-мещанки. Даже ручки на животике сложила по-мещански.

Купец махнул, наконец, рукой:

— Нет, уж, матушка, я уж лучше после зайду!

Он, действительно, махнул рукой и ушел, к великому удовольствию Перовской.

В другой раз, где-то в двух шагах, случился пожар. Сбежались соседи выносить вещи. Разумеется, войди они в дом, все бы погибло. А между тем какая возможность не пустить? Однако, Перовская нашлась: она схватила икону, выбежала на двор и со словами: «не трогайте, не трогайте, Божья воля», стала против огня и прогоняла зрителей, пока не был потушен пожар, не впустив никого в дом под предлогом, что от Божьей кары следует защищаться молитвой.

Работы шли к концу. Взрыв должен был быть произведен при посредстве спирали Румкорфа, помещенной в ящике, который был поставлен в верхнем этаже дома, и гальванической батареи, которая находилась во дворе в сарае, где был прилажен колокольчик, сообщающийся с подкопом. В одной из стен этого строения находилось отверстие, служившее для наблюдения за железной дорогой.

В мину было заложено полтора пуда динамиту, приготовленного Ширяевым. Ширяев же и должен был сомкнуть цепь по сигналу, дать который взялась Перовская. В показаниях по первомартовскому делу Перовская утверждала, что в момент взрыва она находилась дома с целью отвлечь подозрения полиции, если бы она явилась к ним в это время. В сарае же в момент взрыва для соединения батареи было другое лицо, имени которого Перовская не назвала.

Однако В. И. Фигнер иначе изображает это дело, которое, естественно, Перовская пыталась запутать в своих показаниях. Сомкнуть ток должен был все-таки Ширяев, а Перовская, действительно, оставалась дома для того, чтобы дать сигнал.

Картина была такая.

О том, что царь едет, имеются достоверные сведения. Перовская во время даст сигнал, Ширяев сомкнет ток, и крушение поезда совершится...

Весь горящий огнями поезд мчится. Перовская, всегда бдительная, всегда готовая, дает сигнал. Но Ширяев,—растерялся ли, был ли недостаточно внимателен и расторопен, — сомкнул провода лишь тогда, когда вслед за ярким поездом последовал другой со свитскими служащими, в составе 12 вагонов. Последовал взрыв, обошедшийся без человеческих жертв, но развороти вший полотно дороги.

Император Александр II проехал благополучно в Москву.

Работавшие по подкопу решили не сдаваться живыми, если они будут, в силу тех или иных причин, застигнуты полицией.

На Перовскую в таком случае была возложена обязанность выстрелить из заряженного револьвера в бутылку нитроглицерина, при взрыве которого все погибли бы. Перовская безбоязненно взяла на себя это поручение. Она была из тех, кто чувствовал настоящую жизнь в безумстве храбрых...

Как всегда решительно и холодно, смелая Перовская после взрыва замешалась в толпу железнодорожных рабочих, окруживших место взрыва. А вечером спокойно села в поезд, чтобы ехать в Петербург.

В пути ей грозила большая опасность. О взрыве уже знали и открыто говорили о роли революционеров. В том же вагоне, куда села Перовская, сел и сосед по дому Сухорукова, тоже купец, который хорошо знал Перовскую. К счастью, купец не заметил «Марины Семеновны»...

Приехав в Петербург, Перовская отправилась на одну из конспиративных квартир партии «Народной Воли». Здесь она была сдержанна, пока не ушли мужчины. Когда остались одни женщины (Любатович, Гельфман), она взволнованно стала рассказывать торопливо, прерывающимся голосом, стоя с намыленными руками пред умывальником, как она, для того, чтобы дать своевременно сигнал к взрыву, находилась в мелкой роще и оттуда наблюдала царский поезд. Но ее слова, динамита оказалось слишком мало, так как часть его отвезли на юг.

Когда она говорила все это,—пишет А. Любатович,—ее лицо дышало глубоким страданием, и она вся дрожала то ли от холода... то ли от тяжелого чувства неудачи и долго сдерживаемого волнения.

Александр II избежал в этому моменту трех опасностей: в Одессе, около Александровска, Екатеринославской губернии, и под Москвой.

Исполнительный Комитет не падает, однако, духом и продолжает работу в иссякшем направлении.

ГЛАВА 22.

Приготовление к цареубийству в городе Одессе весною 1880 года.

С величайшей настойчивостью Исполнительный Комитет продолжает свое дело. Система покушений по линии с юга на север (Одесса, Александровск, Москва) не удалась. Тогда у партии явилась возможность попытаться исполнить свой приговор от 26 августа 1879 года в самом центре царского жилища, в Зимнем дворце в

Петербурге. Известно покушение на жизнь императора Александра II, выполненное 5 февраля 1880 года рабочим Халтуриным, с талантливостью большого конспиратора пробравшегося во дворец под именем простого столяра. Три пуда динамита, заложенные в мину, представлявшую собою простой сундук, разрушили часть здания, и хотя взрыв был рассчитан верно, все же эффекта никакого не последовало.

Сношениями с Халтуриным заведывал сначала Александр Квятковский, а затем, после его ареста, Желябов. А так как в это время Желябов сошелся близко с Перовской, то, конечно, и Перовская, как член Исполнительного Комитета, была посвящена во все детали заговора.

Вскоре после Халтуринского дела Перовская получила поручение от Исполнительного Комитета поехать в Одессу и там организовать покушение на Александра II, так как император, по полученным первоначально сведениям, из Крыма должен был ехать в Россию через Одессу.

Об этом эпизоде имеется обстоятельный рассказ В. Н. Фигнер, которая жила в это время в Одессе, тщетно разыскиваемая полицией. С другой стороны, благодаря предательству рабочего Меркулова, участвовавшего в одесском предприятии, а затем все рассказавшего полиции, имеются данные и официального, так сказать, свойства, не расходящиеся, однако, между собой.

Весною, в марте или апреле 1880 года, в Одессу приехали Саблин, впоследствии застрелившийся в Петербурге на знаменитой конспиративной квартире на Тележной улице в связи с 1 марта 1881 года, и С. Л. Перовская. Оба они явились к В. Н. Фигнер, которая состояла уже в партии «Народной Воли», и заявили ей, что по поручению Исполнительного Комитета они должны заняться устройством в Одессе минного подкопа на случай проезда через город императора Александра II.

В. Н. Фигнер в это время была занята подготовлением к другому террористическому акту,—к убийству правителя дел канцелярии генерал-губернатора Тотлебена—Панютина, его злого гения. Панютин должен был быть убитым кинжалом. Для убийцы была приготовлена лошадь, чтобы он мог в момент опасности спастись.

В. Н. Фигнер пришлось оставить это дело, несмотря на то, что Панютин возбудил всеобщую ненависть в Одессе и всякое покушение на него было бы чрезвычайно популярным.

Исполняя приказание Исполнительного Комитета, В. Н. Фигнер принялась за организацию нового замысла и предприятия.

План был выработан, нашлись и люди. Из Петербурга были командированы «Народной Волей»—Гр. Исаев, мастер по пригото-

влению динамита, второй после Кибальчича «техник» партии, и Якимова («Баска»), впоследствии вместе с Богдановичем-Кобозевым открывшая сырную лавку в Петербурге на Малой Садовой. В Одессе эти пятеро лиц выработали план, который впоследствии и был повторен на Малой Садовой, при устройстве там подкопа с целью взрыва мины.

Решено было на одной из улиц следования императора с пристани на вокзал железной дороги, а именно на Итальянской улице (теперь она именуется Пушкинской), нанять лавку и отсюда вести подкоп. Перовская не привезла с собой денег, рассчитывая на месте выяснить смету и тогда уже потребовать денег из Петербурга. Но деньги нашлись у В. Н. Фигнер, которая умела всегда выручать партию из самых разнообразных затруднений. И всего понадобилась одна тысяча рублей для осуществления самого сложного и трудного плана!

Перовская привезла с собой в Одессу письмо от Желябова или Колодкевича к рабочему Меркулову. Этого Меркулова В. Н. Фигнер знала и раньше, и он учил ее резьбе. К делу был привлечен Меркулов, а затем и Лев Златопольский.

Вся эта группа принялась за работу. Лавка была снята Саблиным и Перовской под фамилией супругов Прохоровских, и в ней открыта была бакалейная торговля. Немедленно же начались работы по проведению подземной галлереи. Приходилось спешить. Был уже апрель месяц, а государь должен был проехать на север в мае.

Подкоп пришлось вести не из жилых комнат, а из самой лавочки, так что днем, когда в ней бывали покупатели, работать было нельзя, и поэтому выемка земли производилась ночью. Необычайные трудности представляла собою эта работа. Сначала работали буравом, но в глинистой почве он двигался медленно и требовал слишком больших физических усилий. В конце-концов бурав пошел кверху, к мостовой... А тут случилось и еще несчастье.

У «техника» Гр. Исаева, во время производства работ, взрывом оторвало три пальца, и ему пришлось лечь в больницу. Опасаясь, что шум взрыва был услышан в доме, где жил Исаев, заговорщики должны были немедленно очистить его квартиру, унося оттуда динамит, гремучую ртуть, проволоку и прочее.

Хотя заговорщики лишились крупной рабочей силы, тем не менее они отклонили предложение В. Н. Фигнер привлечь к работам местные силы и продолжали работу сами, уже в-ручную. Землю складывали в жилых комнатах. Но и здесь возникло осложнение. Так как существовало вполне основательное предположение, что полиция непременно будет осматривать дома по пути следования государя, то пришлось экстренно выносить землю из помещения.

Тут все работали до упаду сил. По окончании работ всю добытую землю уносили в корзинах, пакетах, узлах и свертках и приносили ее в квартиру к В. П. Фигнер, которая, пользуясь отсутствием домашних и отослав прислугу, опорожняла все эти вместилища для земли...

Между тем Исполнительный Комитет «Народной Воли» известил одесских заговорщиков о том, что начатые работы нужно бросить: царь решил не ехать в Крым. Тогда террористы предложили Исполнительному Комитету продолжать свою работу с тем, чтобы использовать мину против генерал-губернатора Тотлебена. Народовольцы решили тогда всеми силами бороться против генерал-губернаторов и добиться уничтожения этого институга, бывшего самым ярким выражением политики отчаяния.

Исполнительный Комитет нашел, однако, этот способ устранения генерал-губернаторов неудобным и предложил «изъять из обращения» Тотлебена другими средствами; тогда решено было пустить в ход метательный снаряд, по изобретения Кибальчича, бомбами кого-то был убит Александр II, еще не было, а у одесситов в распоряжении были только динамит и плохие запалы.

Тотлебен был переведен из Одессы, и вся группа ликвидировала свою деятельность. Лавка была закрыта. Подземная галлерея была заполнена вынутой из нее землей. Саблин и Перовская уехали в Петербург.

ГЛАВА 23.

Пред решительным боем.

После покушения Халтурина в Зимнем дворце наступает период некоторого революционного затишья. Правда, судебные репрессии не прекращаются. По официальному подсчету «Хроники социалистического движения в России», за этот год прошел 21 политический процесс, которые кончались, конечно, беспощадно-суровыми приговорами.

Однако правительство было более чем встревожено. Система террора начала оказывать свое эффектное воздействие. Высокие сферы омрачились, и здесь стал серьезно обсуждаться вопрос о выходе из создавшегося положения.

Уже 8 февраля, три дня спустя после Халтуринского покушения, Александр II в совещании четырех министров и шефа жандармов заявил им, что «дела не могут идти в том же направлении, что безуспешность мер против мятежа происходит, главным образом, от отсутствия единства правительственной власти и что он

рения вверить эту власть в руки одного начальника—графа Лорис-Меликова». Поэтому министры приглашались безотлагательно выработать проект нового учреждения, которое вверялось этому новому сановнику, облеченному для успеха борьбы самыми широкими полномочиями.

12 февраля 1880 года был опубликован указ правительствующему сенату об учреждении «Верховной распорядительной комиссии для поддержания государственного порядка и общественного спокойствия». Учреждение это, по словам правительственного акта, явилось результатом твердого решения императора положить конец беспрестанно возобновлявшимся за последнее время попыткам со стороны смелых злоумышленников, которые поставили себе целью ниспровержение государственного и общественного строя в стране.

В августе эта комиссия была уже упразднена, Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии, в виде уступки общественному мнению, было формально уничтожено, а на самом деле просто перименовано в департамент полиции, специально для политической борьбы учрежденный. Граф Лорис-Меликов был назначен министром внутренних дел с расширенными правами по политической борьбе.

Верховная распорядительная комиссия проявила некоторый новый политический курс, ослабляя, где не чуялось ей никакой политической опасности, прежние, сплошь и рядом бессмысленные репрессии. Комиссия вернула многих политических высланных и освободила арестованных; печать получила некоторые облегчения цензурного гнета; освежен был режим министерства народного просвещения, откуда был удален завзятый реакционер граф Д. А. Толстой...

А тайно от общества в это время разрабатывался проект суррогата представительных учреждений, известного под именем «конституции графа Лорис-Меликова». Эта конституция, теперь известная в полноте, явилась жалкой пародией на западно-европейские представительные учреждения. Император Александр II вообще был неумолимым противником каких бы то ни было конституционных начал. Он ревниво оберегал права и преимущества своей неограниченной самодержавной власти и не допускал в этом отношении никаких компромиссов. Граф Лорис-Меликов, быть может, втайне мечтавший о конституции, хотя бы «куцой», как говорилось тогда в известной эпиграмме поэта Минаева, приспособлялся к прихотям и велениям своего государя и выработал довольно убогую реформу, суть которой сводилась к тому, что для предварительного пред внесением в государственный совет рассмотрения законопроектов учреждалась комиссия с участием представителей земств и городов.

На это еще согласился Александр II, но он с негодованием отверг предложение одной из записок графа Лорис-Меликова ввести в состав государственного совета выборных от земства членов...

Все эти реформы возбудили большое либеральное волнение в русском обществе. Чаяниям и надеждам не было конца. Слухи о конституции были радужны и преувеличены. Получившая относительно-минимальную свободу печать естественно поддерживала этот горевший в обществе огонь жажды реформ и внутреннего мира.

Но партия «Народной Воли» — сама создавшаяся из компромисса между принципами социалистической и все-таки политической борьбой «Земли и Воли» и практикой жизни — не могла уже итти дальше по пути компромисса. Она оценивала правильно политику графа Лорис-Меликова, «диктатуру сердца» которого казалась ей лицемерием, ловушкой и обманом, ради укрепления расшатанного революционерами самодержавия.

Тем не менее, не считая взрывами мин под Каменным мостом, совершенной Желябовым и др., партия бездействовала. Она копила силы, а, с другой стороны, выжидала. Быть может, в этом выжидательном положении надо видеть следы влияния осторожного политика Желябова, который на террор смотрел, как на весьма обоюдоострое средство. Быть может, именно Желябов ждал момента, когда царское правительство покажет всю наготу своих самодержавных замыслов под маской якобы конституционных веяний.

Как бы то ни было, чисто террористическая работа партии «Народной Воли» приостановилась. Но жизнь в партии кипела. И Перовской пришлось работать с поразительной выносливостью и энергией. Деятельность ее была чрезвычайно многосторонней и разнообразной. Можно сказать, что она вместила в себе всю душу Исполнительного Комитета первого состава, который впоследствии назывался «великим». Душу, полную неукротимого гнева против насилия и жажды подготовить окончательно и победно финал, к которому стремился Исполнительный Комитет...

С раннего утра и до поздней ночи хлопочет, действует, работает и агитирует Перовская. Она ведет пропаганду среди молодежи и в рабочей среде, где она пользовалась большой популярностью. Она работает в военной организации, часто бывая у Суханова. Она принимает участие во всей издательской деятельности «Народной Воли», в том числе и в издании рабочей народовольческой газеты. Она ведет сношения с заключенным в Петропавловской крепости Нечаевым. Она имеет сношения с заключенными по петербургским тюрьмам товарищами и всячески им помогает. Об этом периоде вре-

мени Кравчинский пишет в несколько восторженном и приподнятом тоне в «Подпольной России»:

«Она принимает деятельное участие почти во всех вышедших наружу политических и во многих других, оставшихся неизвестными, и она была самым полезным человеком во всех организационных работах, потому что при своем холодном, проницательном уме умела предвидеть, оценивать и взвешивать самые ничтожные мелочи, от которых часто зависит успех или неуспех предприятий наиболее грандиозных. Она же была членом кружка, руководившего в течение двух лет рабочим делом в Петербурге. Не довольствуясь собственной личной деятельностью, она организовала многочисленные группы для тех же функций. Она заводила обширные связи с молодежью и целые годы своей заговорщической работы наибольшую часть времени посвящала деятельности именно в этой среде, откуда революция и черпает свои главные силы.

«Перовская горячо любила эту среду, и едва ли можно указать в партии человека, деятельность которого здесь была бы до такой степени плодотворна. Она завоевывала себе все симпатии молодежи своей простотой, отсутствием какого бы то ни было желания рисоваться и импонировать своим именем; она очаровывала ее своим умом, покоряла непреодолимо-убедительной речью и, главное, умела одушевлять, увлечь собственной заразительной преданностью делу, сквозившей из всего ее существа. Любовь и энтузиазм к ней во всех кружках, где ей приходилось действовать достаточно долго,— в Харькове, Петербурге, Симферополе,—переходили в настоящий культ. Влияние ее на молодые души было неизгладимо именно потому, что она своей личностью действовала на самые глубокие нравственные стороны человеческой натуры.

«Вследствие такой долгой жизни в революционном мире она научилась отлично узнавать и выбирать людей и умела управлять ими, как немногие. Вообще, мало кто ввел в революционную партию такую массу свежих, здоровых и надежных сил, как С. Перовская.

«Однако, этими частными трудами не исчерпываются услуги, оказанные Перовской революционному делу. Рядом с ними следует поставить массу мелких, неуловимых ежедневных, можно сказать, ежечасных услуг, которые ускользают и от историка, и от биографа.

«По натуре своей она принадлежала к числу тех людей, приобретение которых всего драгоценнее для каких бы то ни было организаций, и Желябов, знавший толк в людях, недаром был в «необычайной радости», когда сообщал своим противникам—чернопередельцам о том, что Софья Львовна формально присоединилась, наконец, к организации «Народной Воли».

«Различны и многообразны типы людей, которых должна иметь в своих недрах живая, воинствующая революционная партия, чтобы быстро и неуклонно шествовать по своему тернистому пути. Ей нужны мыслители, которые умели бы угадать потребности минуты, понять негодность старых путей и во время указать новые; ей нужны поэты и пророки, которые в трудные годины испытаний и сомнений сумели бы влить в души товарищей свою вдохновенную веру в будущее партии и в самих себя; ей нужны воины, которые рвались бы к бою из любви к бою, нейтрализуя влияние скептиков и медлителей; ей нужны агитаторы, ораторы, финансисты.

«Но все это частные функции, которые могут быть соединены в гармоническое целое только под условием присутствия в организации людей совершенно особого типа, которых можно назвать людьми революционного долга, организационной дисциплины и исполнительности. Благодаря им-то ведется хорошо, правильно и аккуратно скучная, повседневная революционная работа, от которой, в сущности, зависит успех исключительных, блестящих деяний, подобно тому, как от темных физиологических процессов зависят факты высшего проявления человеческого духа, или от ничтожных, чисто материальных вопросов продовольствия и экипировки армии — участь великих сражений. Эти-то суровые, сварливые цензоры блюдут за хранением революционной тайны, составляющей две трети успеха в конспирационных делах; тонча без всякой пощады самые нежные сердечные струны своих товарищей, они-то не дают организации расплыться в окружающем революционном мире, сохраняя ее цельным, резко обособленным, крепким и живым организмом, способным развить до максимальной величины и свою силу нападения, и силу сопротивления ударам врагов. Отнимите этих людей, и самые лучшие организации распадутся, превратятся в груду развалин, в бесформенную массу, как здание, в котором вода внезапно растворила весь цемент, или как тело, из которого вдруг вынут весь костный остов.

«Не удивительны, поэтому, примеры, что люди такого типа приобретают в организациях огромное значение и влияние, не будучи даже одарены ни особенными талантами, ни выдающимся умом. Если же природа наделила их тем и другим, то из них-то выходят основатели кружков и организаций, нравственные диктаторы, имена которых передаются от одного революционного поколения к другому, много лет спустя после того, как и они сами и основанные ими организации сошли с исторической сцены.

«Софья Перовская принадлежала к числу наиболее цельных и ярких представителей этого типа революционных деятелей. Трудно было найти человека, более дисциплинированного, но вместе с тем

более строгого. Во всем, касающемся дела, она была требовательна до жестокости, и о ней говорили не даром, что она способна довести человека до самоубийства своими упреками. Но, строгая к другим, она была еще строже к себе самой. Чувство долга было самой выдающейся чертой ее характера. Она культивировала в себе эту суровую добродетель, точно желая вытеснить ею все прочие стороны своей натуры, казавшиеся ей вылитыми из слишком непрочного металла. И действительно, при своей железной воле она сумела выработать из себя истинного стоика, способного выносить, не сокрушаясь, самые ужасные удары судьбы. Никогда никто не слыхал от нее ни одной жалобы, ни одного стона. Она все умела таить в себе, подавляя нравственную боль, презирая физические страдания...

Только иногда она отдыхала,—позволяя себе отвлечься от грозной действительности и забыться в простом и наивном переживании.

Тогда она устраивала свидания со своими друзьями-женщинами в театре—она предпочитала и для отдыха общество женщин—или у кого-нибудь из менее опасных знакомых. Как рассказывает С. Иванова-Борейша, в таких случаях она приносила Перовской письма ее матери, жившей в то время в Крыму.

Перовская боготворила свою мать. Когда матери удавалось бывать в Петербурге, она стремилась к ней всей своей душой и ценила эти встречи, как самую лучшую свою личную радость.

Перовская, живя на нелегальном положении, не могла, конечно, переписываться с матерью непосредственно, и услуга Ивановой-Борейша была для нее самой приятной.

Таков был образ Перовской...

ГЛАВА 21.

Взгляды С. Л. Перовской на капитальные вопросы народовольчества.

Текущая работа по самым разнообразным партийным делам не останавливала и чисто теоретической работы по основным вопросам партийной программы. Было несколько капитальных вопросов, которые считались в партии наиболее существенными и которые являлись с точки зрения старого народничества даже ересью, возбуждая в революционных сферах большие разногласия.

С. Л. Перовская в этом отношении была правоверной ученицей Желябова, внося все же в его последовательную любовь к политике свои смягчающие краски.

С. А. Иванов («Былое», IV, 1906) познакомился с Перовской в январе 1881 года в самый разгар подготовительных работ к окончательному бою с самодержавием. Но в свои редкие с нею свидания он успел провести с ней несколько содержательных бесед, которые выясняют и политическую физиономию Перовской, как она сложилась к этому периоду, уже незадолго пред смертью на эшафоте (беседы происходили во второй половине февраля). «Я попросил Софью Львовну разъяснить мне, если она найдет это возможным,—пишет С. А. Иванов,—теоретическое и практическое значение внесенного в программу параграфа о захвате власти. Софья Львовна даже руками всплеснула, выражая полукомическое изумление тому, что вопрос этот поднимается обыкновенно лицами, не принадлежащими еще к организации, между тем как внутри ее он почти никогда даже и не трактуется.

«И затем она изложила свое мнение, предупредив, впрочем, что излагает только свой личный взгляд, так как вопрос этот очень мало разработан в программе партии.

«По ее словам, этот пункт программы не имел до того времени почти никакого практического значения, так что ни включение его в программу, ни исключение ничего не изменило бы в текущей деятельности партии.

«Но такое положение вещей является результатом специальных условий и запросов данной минуты, и вопрос о захвате власти выдвигается сам собою, хотя бы только теоретически, перед партией, связывающей свое существование не с одной только настоящей минутой.

«В самом деле, трудно предположить, чтобы какая-нибудь политическая партия, в момент переворота или вспыхнувшей революции, отказалась взять на время власть в свои руки, если бы это оказалось возможным. Не воспользоваться таким случаем—значило бы добровольно отдать все козыри в руки своих политических противников. Таким образом, рассуждая теоретически, захват власти революционной партией желателен. Если же практически для настоящего времени это мало вероятно, то нельзя все же отрицать вполне возможность такого случая в будущем, даже в ближайшем, при той или иной благоприятной комбинации обстоятельств, хотя бы только в частичной форме.

«Захват власти в каком-нибудь отдельном центре не является каким-либо невероятным случаем при наличности даже небольшой военной организации, а значение такого революционного инцидента было бы громадно. Все это не является каким-нибудь определенным планом, имеющим под собою реальную почву для настоящей минуты, а представляет лишь примерную иллюстрацию возможного поло-

жения. В виду этого введение в программу пункта о захвате власти, ничего не изменяя в настоящей тактике партии, оставляет за нею право воспользоваться всяким благоприятным случаем, если бы таковой представился когда-либо, и дает некоторую руководящую нить для ее отдельных членов при различных возможных случайностях. Тем не менее принцип захвата власти никогда не выдвигался в качестве основного пункта программы, как это склонны утверждать некоторые.

«—Наши противники,—говорила Софья Львовна,—возводят на нас, между прочим, обвинение, что мы хотим воскресить старый, уже осужденный историей, якобинский принцип захвата власти во всем его старом значении. Говорить это можно лишь по недоразумению или же с преднамеренной тенденциозностью. Наши цели и тактика не имеют ничего общего с этим якобинским принципом — с идеей о насильственном разрешении сверху главных вопросов общественной жизни, о навязывании народу тех или иных социально - политических форм. Наш девиз — «Народная Воля»—не является пустым звуком, а действительно выражает собою сущность нашей программы и наших стремлений. За собою мы оставляем лишь одно безусловное право—право свободной пропаганды своих идей, а во всем остальном готовы подчиниться верховной воле народа, выраженной ясно и свободно. Но во имя этого последнего, для революционной партии, кроме настоящей непосредственной борьбы с современным политическим строем, встает еще другая задача: создать после падения этого строя такую общественную обстановку, при которой весь народ имел бы фактическую возможность выразить свободно волю и осуществить ее. Только в этом смысле и следует понимать пункт, трактующий о захвате власти, только в интересах создания такой обстановки и введен он в программу партии. Если дело это сейчас еще невозможно нам, оно может оказаться таковым для ближайших наших преемников.

«В другой раз разговор коснулся политического террора и тех причин, благодаря которым он занял такое видное место в деятельности партии. Софья Львовна решительно восставала против довольно распространенной версии (находившей себе некоторое подтверждение в революционной литературе предыдущего времени), по которой возникновение политического террора объясняется побуждениями мести.

Месть есть дело личное,—говорила она,—объяснять ею можно было бы, да и то с некоторою натяжкою, лишь террористические факты, совершаемые по своему собственному побуждению и инициативе отдельными лицами, а не организованной партией. Но таких фактов, кроме случаев самообороны, наша революционная история

почти не знает... Около знамени мести невозможно было бы собрать политическую партию и тем более привлечь к ней те общественные симпатии, которыми она, несомненно, пользуется. Первый грянувший выстрел—выстрел Веры Засулич—был не местью, а возмездием за поруганное человеческое достоинство. Так и был он понят всеми, так же оценен был и на суде представителями общественной совести. Политическая история народов представляет красноречивое доказательство того, что везде, где агенты правительства стоят вне законной ответственности за свои поступки, на смену ей в виде корректива возникает обыкновенно частный самосуд, а в известные моменты тайное революционное правосудие. Но и формулой возмездия невозможно объяснить цели и мотивы русского политического террора. Возводя его в систематический прием борьбы, партия «Народной Воли» пользуется им, как могучим средством запугания, как наиболее действительным и выполнимым способом дезорганизовать правительство и, держа его под дамокловым мечом, принудить к действительным уступкам. Все иные пути нам заказаны и заказаны самим правительством, да и не нам одним.

«Софья Львовна указывала, что она сама и многие из ее товарищей по организации вышли из кружков пропагандистов-народников, принужденных после долгих колебаний и бесплодных попыток мирной деятельности пробивать террором брешь в той глухой стене, о которую разбивались все эти попытки».

«Верховная воля народа»—таков все же доминирующий мотив во всех этих рассуждениях, среди которых своеобразное место занимает и подчеркивание Исаевой голоса «общественной совести», что диссонирует с старовеческим народничеством.

В «Воспоминаниях» А. Прибылевой-Корба («Былое», № 10—11, 1918 г.) передаются интересные подробности, как именно народовольцы понимали волю народа, отнятую в их сознании в Учредительном Собрании.

Вопрос о нем обсуждался в Исполнительном Комитете весной 1880 года в течение нескольких дней.

По плану, выработанному тогда Исполнительным Комитетом, власть, присущая Учредительному Собранию, основывалась на всенародном избрании его участников. Население, посылавшее в него своих представителей, должно было знать заранее, что все постановления Учредительного Собрания будут обязательны для всей страны.

Между прочим, обсуждался случай, как поступить партии, если народ окажется недостаточно подготовленным, чтобы оценить блага республиканского образа правления, и Учредительное Собрание вновь восстановит свергнутое партией самодержавие.

Тогда состоялось единогласное решение членов Исполнительного Комитета, «в видах избежания анархии в стране, ни в каком случае не нарушать и не умалять верховной власти Учредительного Собрания, а, следовательно, признать даже царское правительство, в случае если оно будет восстановлено Учредительным Собранием, но сохранить за партией право пропаганды республиканской идеи и это право отстаивать всеми доступными партии средствами».

Само собою разумеется, что, высказывая такое решение, члены Комитета имели в виду, что выборы в Учредительное Собрание по всей стране произойдут свободно, без всякого давления с чьей бы то ни было стороны, и что выборы не будут фальсифицированы, ни искажены каким бы то ни было способом...

ГЛАВА [illegible].

Подготовка к цареубийству.

Как указано уже, 26 августа 1879 года в [illegible] собрании террористов в Петербурге, в Лесном, был вынесен смертный приговор императору Александру II. Это решение было принято после того, как был поставлен и решен вопрос: следует ли продолжать намеченные предприятия против генерал-губернаторов или же сосредоточить все силы на одном лице государя?

Исполнительный Комитет и сосредоточил всю свою деятельность именно на этом плане. Остальная работа Комитета и партии, в сущности, была весьма бледной. Связи, влияние и количество конкретно присоединившихся сил из среды учащейся молодежи, рабочих и военных были весьма небольшими. В своем чрезвычайно богатом фактическими материалами исследовании («Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX века. Партия «Народной Воли», ее происхождение, судьбы и ее гибель. Москва, 1912 г.) В. Я. Богучарский доказывает весьма убедительно, какими ничтожными силами, средствами и кругами влияний располагала партия «Народной Воли».

В сущности, партией ее назвать нельзя. Это был небольшой, тесно сплоченный кружок горячо преданных делу свободы заговорщиков, которые замкнулись в силу заговорщицкой тактики в своем тесном кругу и не могли выйти оттуда, иначе они не были бы террористами.

Как мы видели выше, и чайковцев, и лавристов, и землевольцев, и решительно всех бакунистов, относя к этой группе всех нахо-

дившихся под влиянием Бакунина,—нельзя назвать в точном смысле этого слова партией. Конечно, подобное явление проистекало из того трагического факта, что борьбу с самодержавием исторически вынуждено было взять на себя ничтожное меньшинство. Из стомиллионного народа выделился небольшой слой, круг, культурно-политический отстой. Он сыграл роль политических и социалистических дрожжей. Закваска была сильней. Но среди ужасающей пустыни невежества, темноты и некультурности народных масс, при только-только нарождавшейся буржуазии, совершенно неразвитом рабочем классе, и только что новорожденной демократии в лице интеллигентного разночинца, при исторически сильной бюрократии и еще не разрушенном феодальном дворянстве, всей полнотой своей традиционной силы царившем при династии,—среди таких условий благородному ничтожному меньшинству нельзя было рассчитывать на победу, хотя бы в смысле количественного успеха своей пропаганды.

Велики и бессмертны все же заслуги пред русской свободой этого крошечного слоя русского народа. Без их предварительной работы загнило бы самодержавное болото жизни, и Россия не скоро увидела бы просветы, открывающие ей перспективы в красивые дали человеческого существования. Неоценимы их жертвы, их бескорыстие, самоотверженность и великодушие. Беспримерен их героизм, который тем выше и чище, святее и благороднее, чем меньше сил было у героев. И если в конечном счете самодержавие Романовых-Готторпов пало, и династия принуждена была рассеяться, как дым, чтобы очистить воздух великой страны, то в этом исключительная заслуга всех этих столь невеликих количественно освободительных сил, столь великих поднятыми на свои рамена задачами и своим непревзойденным трудом.

Интересно произвести некоторый статистический подсчет сил Исполнительного Комитета, которым он располагал, приступая к приведению смертного приговора императору Александру II в исполнение.

В первоначальный состав «партии», общества или Комитета входило 11 участников Липецкого съезда, как заранее определившихся террористов. В их числе: Михайлов, Желябов, Колоткевич, Фроленко, Ширяев, Квятковский, Морозов, Тихомиров, Баранников, Гольденберг и М. Н. Оловенникова. Затем Любатович, Перовская, В. Фигнер, С. Иванова, Якимова и воронежцы—Исаев, Богданович и Сергеева-Тихомирова. Из лиц, не участвовавших на съездах, в Комитет вошли: Лев Гартман, Лебедева, С. Златопольский, Г. Чернявская, Пресняков, Зунделевич, Ланганс, Ивановская и Саблин. Вспомогательных к ним сил было весьма ничтожное количество (например,

в первой народовольческой типографии работали Я. Бух, Цукерман, Лубкин и Грязнова; в александровском покушении участвовали Кибальчич и рабочие Тихонов и Окладский, в московском, 19 ноября, принимал участие Арончик, в одесском весной 1880 года Мартулов и т. д.).

Всего в 1879 году членов Исполнительного Комитета было 28 человек. В 1880 году примкнули к ним: Грачевский, А. Корба (Прибылева), Теллалов, Халтурин, Суханов, Тригони, И. Оловенникова, А. Франжоли и Завадская. Итого к началу весеннего и решительного 1881 года у «партии» было в распоряжении 37 человек.

Однако, из этого актива придется немедленно же вместе с нами выбыть жертвы непрерывных правительственных репрессий.

В 1879 году арестованы были Гольденберг, Ширяев, Квятковский и Зунделевич, а Гартман убежал за границу. В 1880 году арестованы были: С. Иванова, Пресняков, Баранников, Колотилин, Михайлов.

С начала 1881 года положение Исполнительного Комитета становится поистине трагическим. Определенно неуемная мысль привести во что бы то ни стало приговор над Александром II в исполнение и самая горячая, упорная работа в этом направлении, работа, всей трудности и необъятности которой невозможно себе и представить, столкнулись с начала 1881 года с непреодолимым препятствием—с полицейскими репрессиями, выхватывавшими прекрасных бойцов из борющихся рядов.

25 января 1881 года был арестован Баранников. На другой день на квартире его был схвачен Колотилин. 29 января С. Златопольский и вспомогательный агент Клеточников, служивший в департаменте полиции, а раньше в Третьем отделении и сообщавший партии все необходимые конспиративные сведения. Он был поистине ангелом-хранителем партии, предупреждая ее об арестах и обысках и сообщая все сведения о движении дел в департаменте полиции. Можно сказать, что дело Первого марта, между прочим, обязано и Клеточникову, благодаря которому многие силы партии удавалось избегать арестов.

30-го января был арестован крупный сотрудник рабочий Макар Тетерка, затем Морозов и, наконец, 27-го февраля «Народной Воле» был нанесен страшный удар—был арестован на квартире Тригони и вместе с ним А. И. Желябов, блестящий вождь и руководитель народовольцев, превосходный организатор и исполнитель самых сложных и вместе с тем самых смелых планов. Нечаев, переписываясь с народовольцами из Петропавловской крепости, посылая им разного рода упреки, между прочим, всегда восхищался Желябовым. Настаивая на необходимости революционной диктатуры, Нечаев

указывал на Желябова, как на истинного и настоящего революционного диктатора. И Желябов действовал как диктатор, с той серьезной последовательностью и выдержкой, какие именно и нужны были в этом деле.

Приготовления к цареубийству, закончившемуся казнью на Екатерининском канале 1-го марта 1881 года, начались осенью 1880 года. Александр Михайлов, арестованный 28 ноября 1880 года (у него на обыску было найдено 3 пуда динамита), говорил об этих приготовлениях со студентом Тырковым, впоследствии наблюдателем за выездами Александра II. Таким образом, в ноябрю месяцу народовольцы уже окончательно решили дать последний и решительный бой, но обставить его таким образом, чтобы участь Александра II непременно была решена.

Террор затягивает, обволакивает людей, как паутиной, и обрекает их на работу исключительно в одном направлении. Это было скоро сознано и в Исполнительном Комитете. Член его М. Н. Ошенинкова («Былое», VI, 1907 и дополнения в цитированной книге В. Я. Богучарского) рассказывает, что сначала по вопросу о терроре не было разногласий. Но чем дальше, тем сознавалось менее, что из-за террора страдают все остальные отрасли деятельности. Но на практике иначе действовать оказывалось невозможным. На террор шло столько сил и энергии, что иначе его вовсе не было бы.

Из этого замечания М. Н. Ошенинковой ясно, что недостаток живых, действующих сил был весьма значителен и ощущался весьма ощутительно в центре народовольчества.

Больше других на необходимости расширить другие стороны деятельности настаивал Михайлов и отчасти Желябов, который впрочем лучше других видел невозможность осуществить это на деле. Тихомиров, как всегда, стоял за систематическим. В. (очевидно, Фигнер) террор всегда ставила на первый план, Перовская тоже, Якимова тоже, о других и говорить нечего.

Исполнительный Комитет, таким образом, встал в какую-то роковую, фатальную, неизбежную необходимость совершить цареубийство, хотя бы Перовская и мечтала о деревенских поселениях, как о награде за выполняемое предприятие.

И хотя Михайлов был в числе протестантов, тем не менее в ноябре 1880 года он уже всецело отдался террору и в частности плану цареубийства. А. Тырков («Былое», V, 1906 и отдельная брошюра «К событию 1 марта 1881 года») говорит, что А. Михайлов весь был поглощен своим делом и любил его. «Казалось, что он не чувствовал ни тяготы, ни напряжения, а шел свободной поступью, как человек, вполне знающий, куда и зачем он идет. Сомневаюсь, чтобы он знал моменты острых сомнений и колебаний»...

Эти наблюдения Тырков вполне, конечно, мог сделать. Но молодой студент, говоря с опытным боевым революционером, конечно, не мог заглянуть ему глубже в душу. Тырков был в положении кандидата в члены партии, к чему уже присматривались и его решили использовать. С другой же стороны, положение обязывает, и естественно, что говоря с посторонними пока партии людьми, Михайлов должен был поддерживать высокое ее престиж.

А. Тырков заговорил с Михайловым по поводу духовенства, распустившего свои объявления причин неудачи покушений на царя. Михайлов сжал кулак и, опустив его медленно длинными пальцами на стол, сказал: «теперь мы, кажется, с ним покончили».

Очевидно, к тому времени выработан был окончательный план всесторонней засады, в которой комплуэна должен был погибнуть Александр II.

Следовательно, в ноябре месяце определились очертания заговора настолько, что были уже приняты меры к найму помещения, удобного для подкопа и закладки мины. И, действительно, 2-го декабря 1880 г. супруги Кобозевы сняли на Малой Садовой помещение под сырную лавку, и немедленно же начались подземные работы. Нужно заметить, что Перовская с большой неохотой уступила Якимовой роль хозяйки в сырной лавке. Она рвалась на это амплуа, желая быть на самом опасном посту.

Динамита для мины было достаточно. Уже у Михайлова при его аресте нашли этого вещества около двух пудов. Исполнительный Комитет располагал достаточным количеством сил, чтобы его химические лаборатории работали на славу. Кибальчич, Исаев, Ширяев и Грачевский были известны, как хорошие химики. Сами метательные снаряды были изобретены Кибальчичем.

Одновременно разработывался и план действия при помощи метательных снарядов.

Потеря Михайлова в ноябре месяце была чрезвычайно большой в виду неоценимых качеств этого революционного деятеля. Однако эту потерю пережили и образовавшуюся брешь заполнили.

Желябов обсудил до деталей весь план цареубийства, который обрисовывался в такой форме.

На Малой Садовой улице, угол Невского проспекта, заложена мина. Ее взорвет после ухода хозяев особо избранное лицо (фамилия его до сих пор не была названа в печати).

Если взрыв опередит царскую карету или опоздает, то в резерве должны находиться четыре бомбометателя. Но независимо от них— они свое дело должны выполнить—Желябов, находящийся в толпе, должен броситься вперед и нанести Александру II смертельный удар кинжалом.

Таков был план в общих чертах. На роль Желябова вызывался и Тригони, но он требовал, чтобы ему был дан боевой отряд в 30 человек. Это условие было явно невыполнимо за отсутствием людей. Вероятно, Исполнительный Комитет не мог решиться на потерю всех боевых сил: ведь в акте первого марта всего действовал 31 человек.

Сознание бессилия партии охватывало, в особенности, Желябова. Незадолго до своего ареста он, повидимому, переживал весьма большую и острую тревогу за положение партийно-революционных дел.

«Перед 1 марта,—рассказывает М. Н. Оловенникова,—заседания Комитета носили характер лихорадочный: чувствовалась страшная напряженность, некоторая усталость и развинченность. Все внимание поглощалось предстоявшим покушением, да еще военными и их участием в ближайшем предприятии (освобождение Нечаева да и всех вообще заключенных в Петропавловской крепости при помощи солдат, уже распропагандированных Нечаевым, и при помощи нескольких членов народовольческой военно-революционной организации).

«На этих последних общих заседаниях до 1 марта (они тянулись с ноября) наш отчет с Теллаловым о московской группе, единственной серьезной поддержке в случае провала стариков, возбудил даже преувеличенные надежды, но в общем был выслушан вяло. Только Желябов после заседания хотел узнать все подробности и особенно характеристики лиц, могущих быть кандидатами в члены Комитета. Он чувствовал, что большинство выбудет из строя, и, говоря со мной, признавал, как и раньше, пагубную сторону террора, затягивающего помимо их воли людей. Я хорошо помню этот разговор, потому что он продолжался и на второй день. Что будет после покушения—удачного или неудачного? Ни на какие серьезные перемены в политическом строе Желябов не рассчитывал. Максимум, чего он, да и другие ждали, это, что нам будет легче продолжать свою деятельность: укрепить свою организацию и расширить ее сети во всех сферах общества. Но и это при условии, что уцелеет хоть часть людей, способных и привыкших вести дела общей организации. Поэтому-то он и придавал такое значение Москве, думая, что там кроется та ячейка, из которой выработается новый Комитет в случае погибели старого. Что касается остальных, то мало кто заботился о будущем; все способности казались поглощенными одним: удачным выполнением покушения. Впрочем, на одном из собраний помню Суханова, развивавшего свои планы бомбардирования Петербурга кронштадтским флотом. Он, казалось, сильно верил в осуществление своих планов и на чье-то скептическое замечание

отвечал: «дайте только годик-другой,—увидите». Вообще я уехала из Петербурга в тяжелом настроении. Фраза Желябова—«помни, если твоя Москва не выручит, будет плохо»—ясно показывала, насколько положение шатко»...

И вот при таком-то шатком положении, при том условии, что даже в Москве не было запасено достаточно боевых единиц, численностью хотя бы такою же, как в Петербурге, при таком положении 27 февраля в 7-ом часу вечера, т.-е. за 40 часов до первомартовской катастрофы, Желябов оказывается арестованным вместе с другим крупным боевиком Тригони. Тригони ежедневно посещал сырную лавку на Малой Садовой и легко мог быть выслежен. Лавке грозила большая опасность.

Удар по партии и в особенности по замыслу, который был накануне приведения в исполнение, был оглушительным. Быть может, при иной обстановке все растерялись бы и опустили бы руки, чем не преминула бы воспользоваться и полиция, которая шла уже с момента ареста А. Михайлова по верным следам, а с арестом Клеточникова сделалась вдвое опаснее для революционеров.

Но в Исполнительном Комитете была Перовская.

ГЛАВА 26.

Перовская—заместительница Желябова.

Перовская взяла бразды правления заговорщиками в свои руки. Она с октября месяца жила на одной квартире с Желябовым под фамилией Лидии Войновой. Желябова, прописавшегося под фамилией Слатвинского, она называла своим братом.

Понятно, что все планы народовольцев обсуждались сообща Желябовым и Перовской; понятно, что Желябов не мог не зажигать Перовской своим темпераментом пылкого южанина, действующего бурностремительно и быстро. Перовская должна была привносить в эти планы свою холодность, уравновешенность, свою расчетливость, ловкость и сообразительность.

Перовская к этому моменту окончательно определилась, как деятель. И не только потому, что она к этому времени превратилась и конкретно из девушки в жену, что обычно неминуемо раскрывает женскую душу в полноте ее свойств, черт и индивидуальных особенностей, но и потому, что пост, на котором она находилась, был чрезвычайно опасен и требовал напряжения всех сил и данных. Тогда естественно должна была развернуться вся натура человека, вскрыться все затаенные ее качества и тайное сделаться явным.

Героиня Перовской, ее безумная смелость, ее ловкость, умение находиться в минуты опасности, выходить из неминуемой беды уже и весны. Известны также ее настойчивость, ее напряженнейшая трудоспособность, ее стальное упорство.

Теперь, когда окончательный бой должен был разыграться с минуты на минуту, и враги стояли лицом к лицам друг против друга, Перовская явила и новые черты, которые единодушно отмечаются ее биографами и авторами воспоминаний о ней.

З. Н. Фигнер, которая с трогательной нежностью вспоминает Перовскую, явно проникаясь искренним чувством любви к покойной, отмечает все же ее мужскую суровость. «Нежная, матерински нежная к людям из народа, она была требовательна и строга по отношению к единомышленникам, а к политическим врагам—к правительству могла быть беспощадной, что приводило ночи в трепет И. Е. Суханова: его идеал женщины никак не мирился с этим».

С. Кравчинский, как отмечено выше, указывает на то, что про Перовскую говорили, будто бы она способна довести человека до самоубийства за малейшие промахи.

Кибальчич, изобретший смертельные бомбы для императора Александра II, уже после первого марта, когда, следовательно, он подводил, вероятно, свои внутренние итоги, при встрече с А. Тырковым, после беседы о разрушительном свойстве жизни на Садовой улице, неожиданно сказал, повинуясь в силу внутренней ассоциации идей, следовательно, неминуемо думам о Перовской:

— Замечали ли вы, что наши женщины жесточе нас, мужчин?

Тот же А. Тырков вспоминает, что в Ал. Михайлове чувствовалась такая острая ненависть к правительству, какой ни в ком, кроме Перовской, он, Тырков, заметить не мог. У Михайлова была явная ненависть мужского, сознающего себя силы.

«Та же ненависть,—говорит Тырков,—но с другим оттенком, более обличающим женщину, была в Перовской, но она не выказывала ее так ясно. Это чувство было заметно по ее движениям, по тому вниманию, с каким она следила за выездами государя. В Михайлове это было сильное, ровное чувство мужчины, в Перовской—более тонкое, острое, глубокое и в то же время порывистое чувство женщины. Она точно мстила Александру II за то, что он оторвал ее от ее спокойной мирной работы пропагандистки».

С. Иванов в своих воспоминаниях о Перовской, говоря о том неограниченном влиянии, какое оказывала на всех Перовская, лично про себя упоминает, что он после месяца знакомства с нею уже почувствовал на себе влияние ее силы, подчиняющей и покоряющей. «Мне кажется,—говорит Иванов,—что тогда я исполнил бы все, что мне предложила бы мне Софья Львовна».

В таком окристаллизованном уже виде предстоит пред нами Перовская, как окончательно сформировавшаяся женщина-революционерка. Эти черты являются развитием всех предыдущих ее характерных проявлений и выявлений ее души. Они, несомненно, образовались уже в процессе террористической работы. Они требовались суровостью долга и трудностью его выполнения. Перовская оказалась беспощадной по отношению к другим, в такой же мере, в какой она была беспощадной по отношению к самой себе. Не даром она, подражая Рахметову, спала на голых деревянных досках после мягких перинок своего аристократического дома. Не даром она была аскеткой и ригористкой и не прощала своим единомышленникам таких пустяков, как траты на наряды, на лучшее платье. В ней были черты монашеской доброты, самоотречения и самопожертвования в любви к ближнему, но и монашеская же суровость аскета-отшельника, самосожигателя, отрешенного от мира человека, который готов, как апостол верующей пламенной инквизиции, спасти душу всего мира, обрекши его за безверие на муки.

Генерал Шебеко, автор «Хроники социалистического движения в России», использовал эти черты характера для того, чтобы нарисовать прямо-таки отталкивающий, отвратительный образ Перовской. Читая строки «Хроники», касающиеся Перовской, чувствуешь, что автор «Хроники», жонглируя словами и подставляя одно вместо другого и вкладывая совершенно иной смысл в определенный термин, пытается дискредитировать Перовскую, как человека.

«Биографы Софьи Перовской Тихомиров и Кравчинский-Степняк,— пишет Шебеко,—несмотря на все свое уважение пред этой великой преступницей, единодушно, однако, констатируют ее многочисленные недостатки, как-то: замкнутость, скрытность, озлобленность, упрямство и грубость, ее высокомерие, полное презрение к мужскому полу, наконец, ее бессердечие, злость и жестокость».

Так вывернул жандармский писатель правду наизнанку. Те черты характера Перовской, которые биографами обрисовывались, как положительно необходимые для революционеров, в устах генерала обращаются в сплошные пороки. Для аристократических салонов эти мусированные особенности, конечно, неподходящи, но ведь дело революционной борьбы с опричниной не в салонах творилось, и не белыми перчатками можно было захватить Александра II.

Его можно было захватить только железной рукой в железных перчатках. И, идя на это, надлежало бросить всякую маниловщину, слюнтяйство, разгильдяйство и неаккуратность. Грубо надо было вершить важные революционные действия и поддерживать дисциплину только суровыми мерами.

Желябов мог бесстрашно перевозить динамит по тряской дороге, сидя на нем в простой телеге и подсмеиваясь над тем, что в книжках-де написано, будто динамит от тряски взрывается. Но тот же Желябов при организации покушения под Александровском, заметив что один из стоявших на страже заговорщиков во время работы заснул, бешено обвинял его в этом и говорил, что «на войне за это расстреливают»...

Перовская взяла в свои, казалось бы, хрупкие руки диктатуру. В. Н. Фигнер, имевшая столь богатый революционный опыт и отлично разбиравшаяся, поэтому, в положениях, категорически утверждает, что не будь Перовской, с ее хладнокровием и обдуманностью, «факт переубийства мог и не пасть на этот день», т.-е. на первое марта.

А если бы он не пал на этот день, то вероятнее всего надо предположить, что его пришлось бы отсрочивать и отсрочивать, а между тем в Исполнительном Комитете уже чувствовались «усталость» и «развинченность», т.-е. такие настроения, при которых никакая диктатура не могла уже спасти положения дел...

Перовская начала действовать. Скрепя сердце. Обливаясь тайно слезами, с безысходной тоскою на сердце и в душе. Ее единственно любимый человек попал в сети противника, свирепого и беспощадного, и Перовская знала, что ему пощады не будет.

Но личные страдания Перовская всегда переносила стоически. И теперь, как аскет, она проглотила слезы, собрала все мужество своего сердца и, внутренне страдая от неминуемой гибели любимого человека, пошла продолжать его дело.

Одной из самых существенных частей всего плана было точное знание выездов императора Александра II. Это дело было блестяще организовано уже давно Перовской. Еще в начале ноября 1880 года студент А. Тырков получил через Тихомирова приглашение участвовать в наблюдении за выездами царя.

А. Тырков («Былое», V, 1907) оставил необычайно любопытные воспоминания об этом эпизоде из первомартовской трагедии, и мы здесь воспроизведем их в точности, как яркие и незабываемые страницы истории революционного движения в России.

«Однажды, в начале ноября 1880 г., — пишет А. Тырков, — ко мне зашел Л. Тихомиров и предложил принять участие в наблюдениях за выездами царя. Наблюдениями должны были заняться несколько человек. Тихомиров предполагал пригласить, кроме меня, Елизавету Николаевну Олдерогову и, кажется, Тычинина. Партия, по его словам, одобрила этот выбор, и дело было за нашим согласием. Мы все трое согласились.

«Очень скоро было назначено заседание наблюдательного отряда, т.-е. кружка лиц, которые должны было наблюдать за выездами

царя. На этом заседании присутствовали Тихомиров, Перовская, Гриневицкий, Рысаков, Оловенникова, Тычинин, я и еще студент Петербургского университета С., оставшийся неоткрытым.

«Наш отряд должен был определить, в какое время, по каким улицам и насколько правильно царь совершает свои выезды и поездки по городу. Наблюдения решено было вести каждый день двум лицам, по установленному наперед расписанию. Каждый из двух должен был наблюдать до известного часа, после чего на смену ему выходил бы его товарищ. Пары наблюдателей должны были чередоваться каждый день. Эта система пар с постоянной сменой очереди и периода имела в виду гарантировать наблюдения.

«Тихомиров на дальнейших заседаниях не бывал. На нескольких присутствовал Желябов. Он хотел, вероятно, на основании наших слов составить себе более точное представление о всей обстановке выездов.

«Заседания отряда происходили раз в неделю. Главная роль принадлежала Перовской, которая записывала результаты наблюдений. Первое время наблюдать было трудно, так как не было еще известно, когда государь выезжает; поэтому приходилось долгие следить за дворцом. Но скоро мы определили время и обычное направление поездок.

«Обыкновенно царь выезжал из дворца около половины второго и направлялся в Летний сад. Он ездил в карете, окруженный шестью всадниками из конвоя с. в. на великолепных лошадях, очень быстро. Двое из этих всадников прикрывали собой дверцы кареты. Из Летнего сада он или возвращался прямо во дворец, что бывало редко, или заезжал куда-нибудь, без соблюдения правильности.

«Таков был маршрут по будням. По воскресеньям государь ездил в Михайловский манеж на развод. Путь его лежал обыкновенно по Невскому, а оттуда по Малой Садовой. Время выездов соблюдалось с пунктуальной точностью. Первый из нас наблюдал обыкновенно от дворца до Летнего сада или манежа, второй от Летнего сада или манежа до возвращения государя домой. По его пути расхаживала многочисленная охрана из каких-то штатских, вероятно, сыщиков.

«Перовская не только собирала от нас сведения, но и сама участвовала с нами в наблюдениях. Из манежа царь возвращался домой мимо Михайловского театра по Екатерининскому каналу. Перовская первая заметила, что на повороте от Михайловского театра на Екатерининский канал кучер задерживает лошадей, и карета едет почти шагом. Рассказывая нам об этом на ближайшем заседании, она прибавила: «вот удобное место». Для меня ее замечание стало понятно только в день 1 марта. План нападения не всем

был известен, так как, по требованию конспирации, в него не посвящали тех, кому не зачем было о нем знать.

«Наблюдения продолжались без перерыва приблизительно до двадцатых чисел февраля. Они послужили основанием для определения места закладки мины и нападения метальщиков».

Этими наблюдениями была выполнена важнейшая часть террористического задания. И Перовская, таким образом, провела весь план при помощи своей личной энергии.

Затем были намечены исполнители: Тимофей Михайлов, Гриневицкий, Емельянов и Рысаков, как метальщики. Рысаков, впоследствии предатель, был взят из-снех и должен был быть, в сущности, в резерве. Метальщики должны были выступать в порядке фамилий. На конверте Перовская в руководство бомбометателям начертила линии проезда государя и пунктов, где должны были стоять метальщики.

Наступил решительный день.

ГЛАВА 27.

28 февраля и 1 марта 1881 года.

Арест Желябова устранил из гармоничной и стройной системы заговора весьма существенное звено.

На другой день после ареста вожди экстренно собрались члены Исполнительного Комитета для обсуждения вопроса, что необходимо немедленно делать? Первомартовские дни уже были предрешены Желябовым и в Комитете. Нужно было определить окончательный день и час...

Собрались члены Исполнительного Комитета на квартире В. Н. Фигнер, жившей вместе с «техником» Исаевым. Присутствовали на собрании кроме хозяев квартиры: Перовская, А. П. Корба, Суханов, Грачевский, Фроленко, Лебедева. В. Н. Фигнер допускает, что присутствовали еще Тихомиров и Ланганс, но не надеется в этом отношении на свою память. Всего было не менее десяти человек.

Здесь, на собрании, была выяснена вся тяжесть создавшегося положения.

Данные слежки, установленные разведочной группой, говорили о том, что император Александр II на следующий день, в воскресенье 1 марта, поедет в Михайловский манеж. Следовательно, при сложившейся опасной обстановке нужно завтра же действовать.

А между тем, хотя подкоп на Малой Садовой готов, но мина еще не заложена, а бомбы не снаряжены.

Важные аресты последних дней заставляют опасаться возможности общего провала, потому что если за Тригони следили, то он не мог не навести шпионов на сырную лавку Кобозева, так как он туда являлся на работу каждую ночь. Члены Исполнительного Комитета рассуждали, конечно, правильно, но данные агентуры, опубликованные И. Е. Щеголевым (в «Былом», № 10—11, 1918 г.), свидетельствуют, что следивший за Тригони агент и не подозревал, что Тригони посещает лавку Кобозева. Этот агент, проводя Тригони к дому, где жил Желябов и Перовская, не мог даже установить, к кому именно заходил Тригони!

Но самая лавка Кобозева была уже в подозрении. Около нее бродили подозрительные личности, являлся околоточный надзиратель, справлялся о каких-то санитарных упущениях. Осматривал, наконец, лавку Кобозева генерал Мровинский накан не первого марта, т.-е. в день последнего решительного совещания Исполнительного Комитета.

Гр. Исаев устранил тотчас сомнения относительно малосадового подкопа: мину он заложит немедленно. Тот, кто должен произвести взрыв,—готов.

Затем остается вопрос об открытом нападении на царя с кинжалом в руках. К сожалению, В. Н. Фигнер не рассказывает, как Комитет отнесся к плану Желябова, теперь за его отсутствием требовавшему других исполнителей. Повидимому, в Комитете больше не было сторонников этого смелого и дерзкого метода.

Оставался вопрос о бомбах. Бомбы не готовы. Почему,—неизвестно, но факт остается во всей своей реальной грозности.

Софья Перовская спрашивает тогда Исполнительный Комитет, как поступить в том случае, если император Александр II не поедет по Малой Садовой? Не действовать ли в таком случае одними снарядами?

Комитет постановляет, что необходимо действовать во всяком случае. Но только Суханов не может дать на этот вопрос определенного ответа, потому что снаряды не были в действии.

Но ведь они были испытаны. За Нарголовом Тимофей Михайлов бросил свой снаряд в виде опыта, и опыт удался окончательно, что и признал присутствовавший тут же Кибальчич, опасавшийся, впрочем, в виду неполноты опыта, за успешное действие метательных снарядов.

Следовательно, надо действовать. И Комитет постановляет: «надо действовать; завтра во что бы то ни стало; завтра действовать».

Мина должна быть заложена, бомбы должны быть готовы к наряду с миной или независимо от нее они должны быть пущены в ход.

Такое решение принял Комитет в 3 часа дня 28 февраля 1881 года.

В 5 часов вечера на ту же квартиру В. Н. Фигнер и Исаева явились Кибальчич, Суханов и Грачевский. До 8-ми часов вечера на квартиру приходили еще агенты Комитета с донесениями и по различным текущим надобностям. Затем в квартире остались только трое техников, снаряжавших бомбы, да хозяйка квартиры В. Н. Фигнер и неизменная Перовская. Она не могла уйти. Она должна быть на посту до последней минуты.

Измученная, усталая, с тоской на сердце, она сидит тут же, где делают бомбы, которые она и должна распределить между метальщиками. Едва уговорила В. Н. Фигнер Перовскую прилечь отдохнуть. Перовская легла спать, а четыре человека продолжали работать над бомбами. В два часа ночи ушла спать и Фигнер, а мужчины работали до утра.

В 8 часов утра две бомбы были готовы. Две из них, вполне готовых, тотчас унесла [1]) Перовская на конспиративную квартиру на Тележной улице, где жила Геся Гельфман и П. Саблин. Вслед за Перовской ушел и Суханов. В. Н. Фигнер помогла двум оставшимся работать наполнить гремучим студием две остальные бомбы, и их унес Кибальчич.

Таким образом, бомбы были готовы только за несколько часов до покушения на императора Александра II. Проработали трое техников над ними непрерывно 15 часов. И все было готово к утру.

Как показывал впоследствии Рысаков, 1 марта в 9 часов утра, согласно состоявшемуся накануне (когда испробовались бомбы у Парголова, после чего участники пробы посетили конспиративную квартиру) уговору все четыре метальщика сошлись для получения метательных снарядов и необходимых указаний. Вскоре пришла Перовская и принесла с собою узел с двумя снарядами. Она сообщила об аресте Желябова и объяснила, что, несмотря на работу в течение всей ночи, техники не успели приготовить всего нужного количества снарядов.

— Может быть, еще принесут,—сказала Перовская,—нужно довольствоваться малым.

Впоследствии, на предварительном следствии по делу 1-го марта, Перовская заявила, что для нее лично снаряда не хватило. Очевидно, что и она предполагала вооружиться снарядом.

Затем явился техник Кибальчич и принес остальные два снаряда.

Тогда Перовская дала окончательные указания метальщикам. Она начертила на конверте план местности и каждому из метальщиков указала назначенный пункт.

---

[1]) Она их везла на извозчике при серьезной опасности взрыва от сотрясения...

Перовская снабдила метальщиков следующими указаниями:

На Малой Садовой должен произойти взрыв при проезде государя императора. Лица же, вооруженные метательными снарядами, должны стоять поблизости.

Рысаков должен стать у Екатерининского сквера, Емельянов на углу Невского проспекта и Малой Садовой улицы.

На противоположном конце этой улицы на углу Большой Итальянской, близ Манежной площади, как на опаснейшем месте, должны были разместиться лица, более друг с другом знакомые, более опытные и с лучшим революционным прошлым. Здесь должны были стать Гриневицкий и Тимофей Михайлов.

При взрыве на Малой Садовой, где государя уже, как сказала Перовская, «ждут», все метальщики должны были, на случай неудачи, с противоположных концов Малой Садовой спешить к месту взрыва и здесь действовать снарядами.

Если государь не поедет по Малой Садовой улице, то свидание с Перовской было условлено на Михайловской улице, где она должна была подать знак о том, что следует итти на Екатерининский канал и здесь ждать возвращения государя в Зимний дворец после обычного посещения им Михайловского дворца. Перовская должна была обойти всех метальщиков и, поровнявшись с каждым, ни слова не говоря, вынуть носовой платок.

Невидимому, тотчас после всех этих объяснений, метальщики немедленно отправились по местам. Отправилась туда и Софья Перовская. Впрочем, прежде чем отправиться на канал, она, Рысаков и Гриневицкий собрались в кондитерской Андреева, помещавшейся на Невском против Гостиного двора, в подвальном этаже, и ждали момента, когда пора будет выходить. Один только Гриневицкий мог спокойно съесть поданную ему порцию. Из кондитерской они пошли врозь и опять встретились уже на канале. Там, проходя мимо Перовской, уже по направлению к роковому месту, он тихонько улыбнулся ей чуть заметной улыбкой. Он не проявил ни тени страха или волнения и шел на смерть с совершенно спокойной душой [1].

* * *

[1]) Аналогичный случай, рисующий хладнокровную самообреченность террористов, рассказывает В. Н. Фигнер об утре 1 марта:

«В 10-м часу ко мне пришел тот, который был избран для того, чтобы, при проезде царя, замкнуть в магазине электрический ток. Я с удивлением увидела, что из принесенного свертка он вынимает колбасу и бутылку красного вина и ставит на стол, приготовляясь закусывать. В том возбуждении, в каком я находилась после нашего решения и бессонной ночи, проведенной в приготовлениях, мне казалось, что ни есть, ни пить невозможно. «Что это?..»—почти с ужасом спросила я, видя материалистические намерения че-

Император Александр II 1-го марта 1881 года покинул Зимний дворец около часу пополудни, т.-е. во время, хорошо известное наблюдательному отряду. Император не хотел изменять обычному своему образу жизни и, несмотря на убеждения своей морганатической жены княгини Юрьевской, решил отправиться в манеж. Убеждал его в этот день не выезжать и Лорис-Меликов. Но царь только распорядился, чтобы его сопровождало вместо обычных двух шесть терских казаков, и все-таки поехал.

В манеже был назначен смотр. Усаживаясь в экипаж, император отдал приказ ехать той же дорогой, которой он затем и пытался вернуться домой, то-есть по набережной Екатерининского канала и по Инженерной улице.

Следовательно, император изменил свой обычный путь и не поехал по Невскому проспекту и Малой Садовой улице.

Этот момент уловила немедленно Перовская и немедленно же переменила диспозицию. Сигнал метальщикам ею был дан. Метальщики, ждавшие царя поблизости лавки Кобозева со снарядами, теперь переместились на набережную Екатерининского канала, хорошо уже изученную и наблюдательным отрядом, и самою Перовской.

Метальщики заняли новые места и начали ждать. Повидимому, наружная охрана царя была поставлена тогда совершенно примитивно, потому что четыре метальщика, открыто несшие снаряды, не были замечены агентами тайной полиции, охранявшими в этот день проезд по каналу.

Сама Перовская перешла на другую сторону канала и ждала событий, опершись о решетку набережной.

Александр II остался доволен смотром в Михайловском манеже, на котором присутствовал, и был в прекрасном настроении духа. По выходе из манежа около трех четвертей второго часа, он проехал в Михайловский дворец к великой княгине Екатерине Михайловне, у которой он и позавтракал.

Через полчаса он покинул дворец и приказал кучеру ехать во дворец прежней дорогой.

Карета поехала по Инженерной улице и потом повернула направо через набережную Екатерининского канала. Эскорт расположился таким образом, что два казака скакали впереди; остальные с боков кареты, у дверец экипажа.

ловека, обреченного почти на верную смерть под развалинами от взрыва. «Я должен быть в полном обладании сил»,—спокойно ответил товарищ и, невозмутимый, принялся за еду. Пред этим отсутствием мысли о возможной гибели, пред этим единственным помышлением, что для выполнения взятой на себя обязанности надо быть в полном обладании сил—я могла лишь безмолвно преклониться».

На набережной Екатерининского канала царские лошади пошли крупной рысью, так что лошади казаков должны были взять галоп. В 150 шагах от поворота угла канала император обогнал отряд в 47 человек 8-го флотского экипажа, который возвращался из манежа; в том же самом месте император пересек взвод второй роты военного Павловского училища, состоявший из 25 юнкеров; взвод выходил через канал на Большую Итальянскую улицу.

За исключением дома, принадлежащего второму отделению императорской канцелярии и прилегающих к нему служб, Екатерининский канал в этом месте, на расстоянии около 570 шагов, представлял вплоть до Театрального моста, со стороны следования императорского кортежа, длинную стену вдоль сада Михайловского дворца.

С противоположной стороны дорога окаймлялась железной решеткой вдоль канала.

Движение в этой малонаселенной местности было всегда незначительным, и в момент проезда императора видно было лишь несколько агентов полиции, наблюдавших за местностью, трех сторожей Михайловского дворца, подметавших тротуар у сада, и конечного сторожа, шедшего по рельсам. 14-ти-летний мальчик-мясник беззаботно проходил через набережную канала. Он отдал государю честь, так же как и два преображенских гвардейца, шедших по направлению к царскому экипажу. Им на встречу прошел фельдшер Павловского гвардейского полка Горохов. За последним шел молодой человек маленького роста, одетый в демисезонное пальто из толстого драпа; на голове у него была шапка из выдры, в руках своих он нес какой-то предмет средней тяжести, завернутый в салфетку.

Это был Рысаков. Он шел первым номером, потому что, как оказалось потом, номера метальщиков перепутались, так как Тимофей Михайлов в последний момент отказался от намерения бросить бомбу и ушел домой, не доходя до назначенного ему места. И Рысакову, которому предназначалось только «понюхать пороху», оставаясь в резерве, пришлось взять на себя первую роль, так печально, в конечном счете, им проведенную. Первый метальщик оказался и первым предателем первомартовцев...

Карета поравнялась с Рысаковым в 2 часа 30 минут, проехав почти 330 шагов по набережной Екатерининского канала. В этот-то момент и был брошен первый снаряд, не причинивший при взрыве никакого вреда императору и лишь тяжело ранивший мальчишку-мясника.

А через пять минут вторую бомбу бросил Гриневицкий. Этой бомбой император был убит наповал и смертельно ранен Гриневицкий. Императора перевезли в Зимний дворец, а Гриневицкого в ближайший придворный госпиталь, где он и умер спустя восемь

часов, придя пред смертью несколько в себя. Не спуская глаз с него, сидели тут же чины жандармские и судебные, ожидая момента, когда можно было бы учинить допрос неизвестному совершенно для них метальщику. Но он упорно молчал и пред смертью на вопрос об его фамилии вымолвил только два слова:

— Не знаю!

Третий метальщик, Емельянов, как сам потом показывал на суде, в этот момент растерялся так, что, совершенно инстинктивно повинуясь общему движению толпы и держа под мышкой завернутый в газетную бумагу метательный снаряд, бросился одним из первых помогать императору,—так близко—в 20-ти шагах—он от него находился.

Таков финал первого марта: метальщик, не использовав бомбы против своего смертельного врага за неподобностью, и, видя, как этот враг, поверженный во прах, корчится в предсмертных муках, бросается помогать ему... Недаром террористы в один голос говорили на суде во всех процессах об отвращении, какое они питали к крови, проливать которую их заставляла только одна роковая необходимость политической борьбы, во имя более высших человеческих и общественных идеалов.

В тот же день 1 марта Перовская назначила А. Тыркову свидание в четвертом часу, т.-е. почти сейчас же после взрыва. Свидание было назначено в маленькой кофейной на Владимирской улице близ Невского, известной впоследствии под наименованием «Капернаум».

«Не помню почему,—рассказывает Тырков,—но в этот день я прислушивался к улице; вероятно, был сделан кем-нибудь намек, что им в этот день нужно ждать развязки. (Тырков был только вспомогательным сотрудником, членом наблюдательного отряда и в тайны и намерения Исполнительного Комитета посвящен не был; о предположенном на 1 марта покушении, поэтому, он ничего не знал).

«К назначенному часу я шел на свидание издалека, от Таврического сада. В тех краях еще ничего не было известно о том, что творится на Екатерининском канале. Но на Итальянской, недалеко от Литейного, я встретил офицера, мчавшегося, чуть не стоя, на извозчике. Он громко и возбужденно кричал, обращаясь к проходившей публике. Я не мог разобрать, что он кричал, но видно было, что человек чем-то сильно потрясен. Я, конечно, понял, в чем дело...

«Придя в кофейную, я прошел в маленькую заднюю комнату, в которой и раньше встречался с Перовской. Комната эта бывала обыкновенно пуста. Я застал в ней студента С., члена наблюдательного отряда. Он тоже ждал Перовскую. Вскоре дверь отворилась, и она вошла своими тихими, неслышными шагами. Но ее

лицу нельзя было заметить волнения, хотя она пришла прямо с места катастрофы. Как всегда, она была серьезно-сосредоточена, с оттенком грусти.

«Мы сели за один столик и хотя были одни в этой полутемной комнате, но соблюдали осторожность.

«Первыми ее словами было:

«— Кажется, удачно:—если не убит, то тяжело ранен.

«На мой вопрос:

«— Как, кто это сделал?—она ответила:

«— Бросили бомбы: сперва Николай, потом Котик (Гриневицкий). Николай арестован; Котик, кажется, убит.

«Разговор шел короткими фразами, постоянно обрываясь. Минута была очень тяжелая. В такие моменты испытываешь только зародыши чувств и глушишь их в самом начале». Меня душили подступавшие к горлу слезы, но я сдерживался, так как во всякую минуту мог кто-нибудь войти и обратить внимание на нашу группу. Студент С., очень скрытный и сдержанный человек, не проронил за все время ни слова».

После свидания с Тырковым и студентом С. Перовская поспешила на экстренное собрание Исполнительного Комитета партии «Народной Воли».

В четыре часа пополудни Исполнительный Комитет собрался на конспиративной квартире В. Н. Фигнер и Исаева на Вознесенском проспекте («Былое», VI, 1906, А. П. Прибылевой-Корба: «Некоторые данные о письме Исполнительного Комитета Александру III» и В. Я. Богучарский: «Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX века. Партия «Народной Воли», ее происхождение, судьба и гибель». Москва, 1912 г.).

На этом заседании кроме хозяев, Фигнер и Исаева присутствовали Тихомиров, Корба, Грамеевский, Перовская, Богданович-Кобозев, Фроленко, Ланганс, Златопольский, Лебедева и единственный «легальный» человек среди собравшихся—Суханов. Обсуждался вопрос о необходимости опубликовать сообщение о событии первого марта. Тихомиров, обслуживавший литературную часть партийной деятельности, вышел в соседнюю комнату и там написал прокламацию. Это был тот, помеченный датой «1 марта», небольшой листок, который явился первой прокламацией Исполнительного Комитета о совершившемся событии. Он был одобрен собравшимися, немедленно отправлен в типографию на Подольскую улицу, отпечатан в ту же ночь и уже 2 марта распространен в Петербурге.

Пока Тихомиров писал свою прокламацию, остальные обсуждали проект воззвания к народу. Обсуждение продолжалось и после того, как Тихомиров окончил свою работу, и были намечены глав-

ные пункты воззвания к народу. Составить его взялись, насколько помнит А. П. Прибылева-Корба, Перовская, Исаев и Богданович.

2 и 3 марта Комитет собирался на той же квартире, несмотря на всю ее небезопасность. Но других квартир пока не было, и приходилось рисковать и весьма сильно. Теперь кроме текущих практических вопросов обсуждался проект выпуска дальнейших прокламаций. Прокламация крестьянству, известная под сокращенным названием «Ко всему народу русскому», была принята Комитетом в этом заседании и помечена «2 марта».

Затем возник вопрос об обращении к обществу, в котором должны были бы быть выяснены сложные мотивы, приведшие к событию первого марта, и вслед затем явилась мысль заменить подобное воззвание обращением к новому правительству. Оно должно было дать правительству ясное представление об ошибочности политики, практиковавшейся в царствование Александра II, и вместе с тем открыть ему путь для замены прежнего образа действий иным, мирным и светлым результатом которого было бы народовластие и свобода России. В заседании естественно раздавались и скептические голоса относительно целесообразности подобного обращения, но в конце-концов все согласились на необходимости его, дабы предоставить обществу возможность сделаться судьей обеих борющихся сторон.

К этому времени была найдена уже новая конспиративная квартира в Коломне, и там поселились Златопольский и Корба, и дальнейшие собрания происходили то на этой новой квартире, то на старой у В. Н. Фигнер и Исаева. Поручение Исполнительного Комитета относительно обращения к правительству взялись исполнить Тихомиров и Грачевский. Чтение проектов обращения, составленных одним и другим членом Исполнительного Комитета, происходило на конспиративной квартире в Коломне, числа 7—8 марта. Присутствовали на этом чтении Перовская, Суханов, Т. Лебедева, Исаев, Грачевский, Фроленко, Тихомиров и хозяева квартиры Златопольский и Корба. Отсутствовала вследствие обилия дел В. Н. Фигнер.

Комитет принял текст обращения, составленного Тихомировым, причем были и указаны необходимые перемены, в особенности в части, касавшейся требований, выставленных в конце обращения. Особенное горячее участие в этих прениях принимали Перовская и Суханов.

Второе чтение этого обращения, известного под именем «Письма Исполнительного Комитета императору Александру III», происходило 10 марта, но в отсутствии Перовской, которая была в этот день арестована...

Теперь обратимся к иным переживаниям Перовской...

ГЛАВА 28.

От царсубийства до ареста.

У нас осталось несколько драгоценных свидетельств относительно тех переживаний, какие удалось уловить у Перовской после 1 марта. Нужно помнить, что Перовская была связана с Желябовым исключительною любовью, на которую хорошо ее знавшие даже не считали ее способной. Потеря такого человека и в такой момент — была для нее слишком тяжелой, невыносимо тяжелой... После ареста Желябова она была больна и еле ходила, а между тем мы видим, что она ни на минуту не прекращает своей боевой деятельности и развивает упорнейшую энергию, достигая исключительных результатов.

Но, кроме личной потери, утрата Желябова была поистине страшна и потому, что ушел от нее человек, с которым она постоянно делилась мыслями и обсуждала положение вещей.

Вот наступило, наконец-то, давно-желанное первое марта, не в смысле даты, конечно, а в смысле выполнения партийного достижения.

И что же?!

Есть какие-нибудь результаты, о которых говорили? Есть какие-либо признаки движения вот, новых веяний? Есть ли надежда на то, что партии теперь, как думал Желябов, будет легче организоваться более планомерно и более планомерно развивать свою деятельность по всем направлениям?

Жизнь не дает никакого ответа. А каждый день приносит все более и более худшие вести. Идут аресты, и полиция осатанела. Тесный круг около Перовской замыкается. Все тяжелее и тяжелее жить и скитаться под нелегальной фамилией при общей растерянности и вакханалии трусости. Страх обуял все сердца, даже тех лиц из общества, кто помогал партийным людям. Верноподданничество праздновало свой праздник, вершило свой пир. К престолу направлялись со всех сторон столицы и России подхалимные языки и славословили царские величества, хотя накануне злословили о них. Даже Лорис-Меликовская конституция сразу же замерла в воздухе, и о ней перестали говорить, кроме прессы, усиленной рабство своего языка...

А близкого человека нет. И одна мучительная мысль овладевает Перовской снова. С первого же марта Перовская начинает думать о спасении Желябова. Если она потратила год для харь-

ковских товарищей, то что же не готова она отдать, чтобы вызволить того, кто был для нее «единственным и всем».

И с первого же марта Перовская начинает думать о том, чтобы спасти во что бы то ни стало Желябова.

В этот день, повидимому вечером, Перовская приходила к Суханову, члену Исполнительного Комитета и представителю военной народовольческой организации, у которого в этот момент находились Завалишин и барон Штромберг, члены этой же организации, и со слезами на глазах говорила, что партия должна употребить все средства для освобождения Желябова. Как мы увидим ниже, военные народовольцы весьма серьезно обдумывали план освобождения, но не одного только Желябова.

«3 марта мы шли с Перовской по Невскому проспекту,— рассказывает А. Тырков.—Мальчишки-газетчики шныряли и выкрикивали какое-то новое правительственное сообщение о событиях дня:

«Новая телеграмма о злодейском покушении»... и т. д.

«Около них собралась толпа и раскупала длинные листки. Мы тоже купили себе телеграмму. В ней сообщалось, что недавно арестованный Андрей Желябов заявил, что он — организатор дела 1 марта. До сих пор можно еще было надеяться, что Желябов не будет привлечен к суду по этому делу. Хотя правительство и знало, что он играет крупную роль в делах партии, но для обвинения по делу 1 марта у него не могло еще быть улик против Желябова. Из телеграммы было ясно, что участь Желябова решена.

«Даже в этот момент, полный страшной для нее неожиданности, Перовская не изменила себе. Она только задумчиво опустила голову, замедлила шаг и замолчала. Она шла, не выпуская из нерешительно-опущенной руки телеграммы, с которой она как будто не хотела расстаться. Я тоже молчал, боялся заговорить, зная, что она любит Желябова.

«Она первая нарушила молчание. На мое замечание: «зачем он это сделал» — она ответила: «верно, так нужно было».

В этих словах чувствуется неиссякаемая вера Перовской в Желябова, своего возлюбленного и мужа. Она не допускала, что Желябов может сделать неверный шаг, что его заявление не вызвано какими-либо серьезными и важными мотивами. Она просто верит. Она, которая ничего не принимала на веру без предварительной критической проверки, она, [illegible] ума которой [illegible] в [illegible] и ее кружке! Теперь в Перовской говорила больше женщина, чем революционерка, а любовь была властнее, чем политика!

«Так нужно было!» Такой фразы Перовская никогда и ни при каких обстоятельствах раньше не сказала бы, потому что

это противоречило бы элементарным условиям ее работы. Развивающаяся по революционной схеме мысль, всегда последовательная и точная, всегда требующая оправданий и аргументов, не могла бы примириться с такой обывательской оценкой крупного факта, который имел к тому же определяющее влияние на судьбу Желябова.

В тот момент, когда он писал свое знаменитое заявление прокурору Петербургской судебной палаты, он не знал, что Рысаков выдаст. Перовская до последней минуты верила, что Рысаков — надежный человек и не осмелится на одно не только предательство, но просто болтливым словом. Значит, Желябов шел, наверное, добровольно и по своей охоте к смерти. В биографии Желябова мы высказывали предположение, что это заявление Желябова прокурору палаты было актом самоубийства Желябова, — до такой степени оно не гармонировало с общей линией революционного поведения.

Перовская перестала уже понимать этого человека, как члена партии, члена Исполнительного Комитета, как соучастницу и товарища. Перовская судила только, как женщина.

Всю свою жизнь критически и свысока относившаяся к сильному полу, она кончила признанием своего поражения.

Но это поражение не поразило ее твердого, всегда бодрствующего духа. Только отныне Перовская действует уже только как женщина.

С. Иванов, который, по его словам, готов был пойти на все, чего бы ни захотела С. Л. Перовская, видался с ней около 3—4 марта. Она зашла к нему, чтобы предупредить его об аресте Л. Ф. Оловенниковой, которая состояла вместе с А. Тырковым в наблюдательном отряде. Перовская знала, что Иванов должен был идти к Оловенниковой, и таким образом ее приход к нему был в высшей степени неосторожным шагом.

С. Иванов сказал об этом Перовской, но она сделала равнодушный жест рукой, а когда С. Иванов стал ей за это пенять, то она как будто бы даже и рассердилась.

Она будет прятаться по углам и сидеть в подполье, — теперь?! Все равно, рано или поздно, — это должно случиться. От своей судьбы не уйдешь, да и сама она этого не желает!..

И теперь С. Иванову С. Перовская предстала в новом свете. Она была взволнована и первый, она, которая была, не в пример прочим, всегда спокойной и мягкой...

Через несколько дней, числа 3—9 марта, С. Иванов снова увиделся с Перовской. За это время она сильно изменилась, осунулась, побледнела, похудела. Порой в разговоре она вдруг задумывалась, как бы уносясь на минуту мыслью куда-то далеко.

Но потом брала себя в руки, встряхивалась, оживлялась и проявляла лихорадочную торопливость и энергию.

С. Иванов, кстати, передал Перовской об одном серьезном революционном предложении. Перовская ожила. Немедленно стала расспрашивать о предлагающем, об его биографии, о причинах, побуждающих его перейти к революционному акту...

Было условлено о свидании этого господина с Перовской. И этот разговор разбудил в ней старую опытную работницу. Она стала говорить С. Иванову о том, что ему (только что вернувшемуся из ссылки) нужно перейти к серьезной и систематической революционной работе. Оставаться долго волонтером партии неудобно и непродуктивно. Нужно самому погружаться в гущу дела. Одно это уже сильно поднимает и энергию человека, и производительность его работы. Нужно, чтобы революционная работа не была чем-то лишь добавочным к частной личной жизни человека, а тем центральным пунктом, около которого сосредоточиваются все интересы и помышления.

Говорила, — вспоминает С. Иванов,—Перовская замечательно хорошо, просто и сердечно, и в словах ее чувствовались убеждение и уверенность.

Это свидание С. Иванова с Перовской было последним. Через два дня она была арестована...

Перовская имела, таким образом, еще силы и волю заниматься партийными делами. Но это, повидимому, была только вспышка, последняя туча рассеянной бури... Она уже падала духом. И если чем жила, то мыслями о Желябове. И планами, которые родились у нее в день первого марта или, вернее, 27 февраля, когда был арестован Желябов....

Потому-то она отмахивалась рукой на предупреждения о необходимости быть осторожной. Все равно... судьба!.. Революционер уже умер. Потому что в тот момент, когда революционер, мечтающий руководить судьбой, отдается ей во власть, в этот момент он перестает быть революционером. Для революционера «все равно» не существует. Больше: для революционера «все равно»—недопустимо.

Но, находясь в той же плоскости, остается равнодушной Перовская и к той естественной мысли, которая приходит в голову всем ее знакомым. Так понятно, что Перовская должна уехать. Никто не знал, конечно, хода предварительных жандармского дознания и следствия. Но эти советы были в высокой степени благоразумны. Перовская могла спастись. Убежать ей было при ее связях и знакомствах чрезвычайно легко. А политическая полиция была о ней осведомлена далеко не полно.

Близкая знакомая С. Иванова, г-жа Б., тщетно убеждала Перовскую выехать из Петербурга. Но Софья Львовна только нетерпеливо отмахивалась руками, потому что махнула на все рукой.

Другой автор воспоминаний о Перовской—дама (приведено в «Подпольной России» у С. Кравчинского)—рассказывает, что Софья Львовна пришла к ней вскоре после первого марта. Так как эта дама была специалисткой по переправе за границу нелегальных лиц и вообще политических беглецов, то она обрадовалась приходу Перовской, полагая, что та решилась, наконец, уехать пред лицом страшной опасности, итти которой навстречу было более чем безрассудно.

И дама начала разговор с Перовской именно о переправе за границу, выразив радость, что Софья Львовна, наконец, решилась на этот шаг.

Софья Львовна только вытаращила глаза, услышав такие речи, настолько была она далека от проектов спасения за границей, когда в тюрьме сидел Желябов...

«Я начала,—рассказывает дама,—просить, умолять ее оставить Петербург, где ее так сильно искали. Я не подозревала даже в то время о том, какую роль она играла в деле первого марта, но ее участие в московском покушении было уже рассказано Гольденбергом, как о том печатали все газеты, и этого было за глаза довольно, чтобы оставить Петербург в такое время.

«На все мои доводы и просьбы она отвечала категорическим отказом.

«— Нельзя оставить город в такую важную минуту. Теперь здесь столько работы. Нужно видеть такое множество народа...

«Она была в большом энтузиазме от грозной победы партии, верила в будущее и видела только все в розовом свете».

Наконец, Перовская рассказала даме, зачем она к ней пришла.

Ей хотелось узнать что-нибудь о процессе цареубийц. Дело шло о том, чтобы сходить к одной высокопоставленной особе, «генералу», человеку, служившему в высшей полиции, который, без сомнения, мог дать сведения о процессе, хотя следствие велось в величайшей тайне. Этот человек состоял в правильных сношениях с революционерами.

Дело, конечно, шло о Желябове, о котором Перовская и хотела иметь точные сведения.

Собеседница Перовской отвечала ей, что пойдет охотно к своему «генералу».

«Было решено,—рассказывает дама,—что завтра, в десять часов я пойду к генералу. Перовская хотела иметь ответ как можно скорее. Но, несмотря на все старания, никак не могла назначить мне свидание раньше шести часов вечера.

«Когда я выразила удивление свое, она рассказала мне распределение своего времени: оказалось, что на завтра у нее семь свиданий и все в противоположных концах города.

«На другой день я отправилась к генералу, который принял меня гораздо лучше, чем я ожидала, и сообщил самые точные и подробные сведения о деле.

«Но как они были печальны!

«Участь Желябова, как и всех прочих подсудимых, была бесповоротно решена. Процесс должен был совершаться только pro forma, для публики.

«С такими сведениями пришла я к шести часам на свидание. Перовская явилась только в девять...

«Без всяких предисловий я передала ей, что знала. Я не видела ее лица, потому что смотрела в землю.

«Когда я подняла глаза, то увидела, что она дрожит всем телом. Потом схватила меня за руки, стала нагибаться ниже и ниже и упала ничком, уткнувшись лицом в мои колени. Так оставалась она несколько минут. Она не плакала, а вся дрожала. Потом она поднялась и села, стараясь оправиться, но снова судорожным движением схватила меня за руки и стала сжимать их до боли...

«Генерал удивлялся, зачем Желябов объявил себя организатором покушения. Когда я передала это Перовской, она отвечала мне следующими точными словами:

«— Иначе нельзя было. Процесс против одного Рысакова вышел бы слишком бледным.

«Генерал рассказал мне многие подробности относительно гордого и благородного поведения Желябова.

«Когда я рассказывала это Перовской, то заметила, что глаза ее загорелись и краска вернулась на ее щеки. Очевидно, это доставляло ей большое удовольствие.

«Генерал сказал мне также, что все обвиняемые знают об ожидающей их участи и выслушали известие о близкой смерти с поразительным спокойствием и хладнокровием.

«Услыхав это, она вздохнула. Она мучилась ужасно. Ей хотелось плакать, но она сдерживалась. Однако, была минута, когда глаза ее подернулись слезой.

«Мы оставались вдвоем до полуночи. Она хотела уйти раньше, но была так утомлена, что едва держалась на ногах, и на этот раз говорила мало, кратко и обрывисто...

«Два дня спустя она была арестована»...

В свои планы освобождения Желябова Перовская посвятила и А. Тыркова.

*

«Не знаю, в этот ли день (3 марта) или раньше у нее явилась мысль,—пишет А. Тырков,—спасти Желябова. Намерение, разумеется, несбыточное, но в Перовской говорила страсть, и, как человек, не привыкший опускать руки, она хотела испробовать все средства. Она искала лазейки в окружный суд, где должно было происходить заседание суда. Мы искали свободной квартиры около III отделения на Пантелеймоновской. Тут она имела в виду устроить наблюдательный пункт и, вероятно, при выезде Желябова из ворот здания III отделения, надеялась организованным нападением освободить его. Не помню, что она еще придумывала. Ничто ничего не устраивалось. Отговаривать ее было совершенно бесполезно,—она все равно стала бы делать по своему. В этих поисках и суете она хоть немного забывалась. Поэтому я беспрекословно исполнял все ее поручения, ходил с ней всюду, куда она меня вела.

«Тогда говорили: «Соня потеряла голову». Она действительно потеряла всякое благоразумие».

Но не теряла ни на одну минуту надежды на спасение Желябова. Поиски удобной квартиры были одним из проявлений изобретательности Перовской относительно освобождения. Гораздо более серьезный план она разрабатывала с военно революционной группой. Барону Штромбергу, крайнейшему представителю этой группы, сложившему свою голову на эшафоте, было поставлено в вину,—и это послужило основанием для его тяжкого наказания,—то обстоятельство, что он совместно с Перовской обсуждал план освобождения Желябова при перевозке его из крепости в дом предварительного заключения.

В. Панкратов в статье «Из деятельности среди рабочих в 1880—1884 г.г.» («Былое», III, 1906) отмечает, что среди петербургских рабочих еще до суда над первомартовцами разговаривали об освобождении Перовской и Тимофея Михайлова, пользовавшихся популярностью среди пролетариата.

Военная же организация деятельно обсуждала план за планом освобождения. Среди морских офицеров выработан был даже проект общего освобождения первомартовцев. Очевидно, под влиянием настоянний Софьи Перовской, которая вела с организацией переговоры об этом, начиная с 1 марта, и выработан был этот план, который в конце-концов, приспособляясь ежедневно к новым условиям, в окончательном виде должен был бы быть осуществлен в самый последний для первомартовцев момент, когда их повезут на казнь.

Участник военно-революционной организации Э. Серебряков так рассказывает об этом плане («Былое», IV, 1907):

«Предполагалось собрать человек триста петербургских рабочих, разделить их на три группы: две—человек по пятидесяти, а

одну—в двести. Во главе этих групп должны были находиться все петербургские и кронштадтские офицеры. Группы предполагалось распределить на трех, выходящих на Литейный проспект, параллельных улицах: на крайних—малые группы, на средней—большую.

«И вот, когда процессия проходила бы среднюю группу, все три группы, по сигналу, должны были броситься вперед, увлекая в своем порыве толпу, и одновременно прорвать шпалеры войск: боковые группы произвели бы замешательство, а средняя—окружила бы колесницы, вскочив на которые офицеры обрезали бы веревки на осужденных и увлекли бы их в толпу, с которой вместе отхлынули бы обратно в боковую улицу, где должны были ожидать две кареты с платьем и всем нужным для переодевания.

«Не знаю, кем был выработан этот план, но когда нас о нем извещали, то вместе с тем сообщили, что инициатива освобождения принадлежит рабочим, распропагандированным Рысаковым, что нужное число рабочих уже есть. Мы тоже были согласны. Но почему этот план не состоялся и насколько серьезно им занимались, я не знаю».

Так Перовская мечется по Петербургу в поисках волшебной лампочки Аладина, которая открыла бы ей двери тюрьмы для освобождения Желябова. Голова работает в одном направлении, но мысль, по крайней мере, относительно поведения Желябова пред судебными властями, становится отчетливей и ясней. Только теперь, к концу этих скитаний ей приходит в голову мысль, что без Желябова с одним Рысаковым процесс был бы слишком бледным. Это верно, как верно и то, что признание Желябовым своего непосредственного участия в деле первого марта, как главного его организатора, явилось чрезвычайно большим козырем в руках жандармско-судебных властей.

С этим признанием они получили самый главный козырь в свои руки,—ту ось, около которой вращалось все дело. И, имея такое признание Желябова, власти могли уже, что называется, пристать к Рысакову с ножом к горлу, чтобы вырвать и у него признания. Слабый, безвольный и бездушный Рысаков, когда ему было предъявлено показание Желябова, вероятно, был очень растерян. Он вначале, ведь, ничего не выдавал, запирался твердо, хотя и не очень последовательно. А тут он был, вероятно, сбит с толку сразу... И злые духи-жандармы шептали лукаво, что скрывать теперь поздно и глупо, раз главный участник взял всю вину на себя.

Этого Перовская понять, конечно, не могла, за отсутствием каких бы то ни было сведений о тайнах жандармско-судебного

застенка. Но ей была близка мысль о необходимости поддерживать красиво и благородно престиж партии,—не даром она была так близка к Желябову, который об этом престиже заботился самым серьезным образом.

Но, как бы то ни было, Перовской теперь приходится скитаться по городу.

Свою квартиру (в 1-ой роте, № 18) она ликвидировала удачно. После ареста Желябова друзья приняли немедленно все меры, чтобы очистить ее от всего важного в нелегальном отношении. Остались в квартире только жестяные банки для наполнения динамитом, но это было уже не важно при общем положении вещей.

Необычайно смело Перовская приходит после ареста Желябова на свою квартиру несколько раз. Желябов был арестован 27 февраля, в 7 часов вечера, и полиция тотчас же сделала общее распоряжение по городу дворникам дома, чтобы они следили за тем, кто не будет ночевать дома. Желябов, понятно, своего адреса не открыл, и полиции приходилось рыскать по всему городу, отыскивая его квартиру. Полиция знала его настоящую фамилию,—его в лицо узнал товарищ прокурора,—но, конечно, не знала псевдонима «Слатвинский», под которым он жил.

Перовская явилась на свою квартиру в 9 часов вечера, после ареста Желябова, и дома не ночевала. Исполняя полицейское предписание, дворник утром рано стучался в квартиру, чтобы проверить, ночевали ли хозяева дома. На стук никто не вышел, и дворник немедленно заявил об отсутствии хозяев полиции. Там ответили приказом ждать, не явится ли кто-нибудь.

Перовская пришла вторично в 2 часа дня (дворники, конечно, не замечали, что Перовская приходила не одна и что идет «очищение» квартиры от всего нелегального). Опять дворник бежит в полицию, но там ему приказывают узнать, не пришел ли и Слатвинский? Дворник возвращается в дом, является к Перовской и спрашивает про ее брата. (Желябов жил под именем брата Войновой-Перовской). Перовская отвечает: «братца (именно братца!) нет дома, он на службе». Вечером Перовская снова ушла и явилась опять, несмотря ни на какие опасности, около 10 часов веч. Но оставалась ли она ночевать—дворник не мог проследить. Перовская при выходах из дома пользовалась маленькой хитростью: она проходила не через ворота, а через мелочную лавочку в доме.

Все это указывает, что тогдашнее полицейское наблюдение ничего не стоило, а между тем еще 20 марта 1880 г. был разослан грозный циркуляр с приметами о розыске Перовской, роль

которой в московском подкопе была хорошо известна благодаря предательству Гольденберга.

Но дальше продолжать такую смелую авантюру и являться на квартиру было слишком безрассудно. И Перовской приходится теперь скитаться по друзьям и знакомым.

Тяжкая это вещь—скитанье по чужим квартирам, и В. Н. Фигнер очень убедительно подчеркивает, что в эти именно моменты особенно проявилась деликатность Перовской и бескорыстная заботливость ее о товарищах и друзьях.

«После ареста Желябова 27 февраля,—рассказывает В. Н. Фигнер,—квартира его и Перовской была тотчас же очищена от нелегального имущества и покинута. С этого дня и до 10 марта, когда Перовскую арестовали близ Аничкина дворца, она ночевала то у одних, то у других друзей.

«При тогдашних обстоятельствах такое неименье своего угла было особенно тягостно и совершенно не вызывалось необходимостью, так как мы имели несколько своих общественных квартир, где каждый товарищ мог считать себя равноправным хозяином и быть, как у себя дома.

«Вот разгадка: в то время, время диктатуры Лорис-Меликова, не уберегшего императора от руки террористов, в Петербурге среди полиции, как и среди жителей, поднялась паника. Полиция, не досмотревшая, должна была оправдать себя и подняла все на ноги для отыскания крамолы.

«Самые зловещие слухи ходили в перепуганной публике: говорили о повальных ночных обысках не только целых домов, но и целых кварталов [1]). А мы, народовольцы, одного за другим, теряли своих членов, которых арестовывали неожиданно, на улице или на квартирах, без признаков какого-либо слежения, как будто по чьему-то невидимому указанию [2]).

«— Верочка, можно остаться у тебя ночевать?—спросила меня Перовская за день или два до ее ареста.

«Я смотрела на нее с удивлением и упреком: «как это ты спрашиваешь? Разве можно об этом спрашивать?»

«— Я спрашиваю,—сказала Перовская,—потому что, если в дом придут с обыском и найдут меня—тебя повесят.

«Обняв ее и указывая на револьвер, который лежал у изголовья моей постели, я сказала:

---

[1]) По официальным данным, после открытия подкопа на Малой Садовой улице полиция вместе с прокурорским надзором произвела на этой улице повальный обыск во всех квартирах в одиннадцати домах!

[2]) «Невидимые указания» давали уже предатели Иван Окладский, Рысаков и Меркулов.

«— С тобой или без тебя,—если придут, я буду стрелять».

«Такова была душа Перовской, частица души ее, потому что только частица ее была приоткрыта мне: в то спешное время мы слишком поверхностно относились к психологии друг друга: мы действовали, а не наблюдали».

ГЛАВА 29.

Арест Перовской. Ее показания.

Наконец, 10 марта 1881 года, в 5 часов вечера, Перовская была арестована [1]).

Розыск и арест ее был поручен околоточному надзирателю Широкову, который, взяв с собой хозяйку мелочной лавки дома, где жила Перовская, Лунзу Сундберг, знавшую Перовскую, как покупательницу, ходил и ездил по улицам Петербурга.

10 марта Широков с хозяйкой встретили Перовскую на Невском проспекте как раз против Екатерининского сквера (у памятника Екатерины II). Широков соскочил с извозчика, на котором ехал, подбежал к Перовской и схватил ее за руки, опасаясь, что у нее есть оружие, которым она не преминет действовать. Перовская не оказала никакого сопротивления и была доставлена в участок. На суде этот околоточный надзиратель показывал, что Войнова-Перовская предлагала ему взятку в 30 рублей, с тем, чтобы он отпустил ее... Конечно, эта черточка, быть может, и выдуманная, только усиливала героизм и «честность» верного слуги...

При обыске в участке у Перовской была найдена печатная программа Исполнительного Комитета, два экземпляра печатной программы рабочих членов партии «Народной Воли», 12 экземпляров приложения ко 2-му № «Рабочей Газеты», рукопись под заглавием «Подготовительная работа партии», листки бумаги с цифрами (повидимому шифром) [2]) и разными заметками и записная книжка с разными чертежами и заметками, представляющими условные знаки и слова.

---

[1]) «На другой день после ареста Перовской произведен был обыск в имении ее матери, в 3-х верстах от Севастополя, причем арестован и увезен в Петербург Василий Перовский. До сих пор он содержится в доме предварительного заключения, хотя вся вина его заключается в том, что он брат Перовской» («Народная Воля», № 6, 23 октября 1881 года).

[2]) Это были шифрованные адреса любовниц распропагандированных Нечаевым в Петропавловской крепости солдат. В связи с этим был 12 марта арестован унтер-офицер комендантского управления Александр Дубровин и др. Арест этот не помешал Нечаеву и Ширяеву сноситься после этого с Исполнительным Комитетом еще более года.

Перовская была немедленно предъявлена обоим дворникам дома № 18 по 1-ой роте Измайловского полка и владельцу табачной лавочки в том же доме. Все они признали в ней ту женщину, которая жила с Андреем Желябовым. По доставлении Перовской в С. Петербургское губернское жандармское управление арестованная созналась, что она—Софья Львовна Перовская.

Первый допрос Перовской состоялся тотчас же в здании у Цепного моста в знаменитом Третьем отделении, тогда уже департаменте полиции.

Допрашивал Перовскую жандармский подполковник Никольский в присутствии прокурора палаты В. К. Плеве (впоследствии директора департамента полиции, а потом министра внутренних дел).

На этом допросе Перовская признала, что она в последнее время, действительно, жила с Желябовым в доме № 18 в 1-ой роте, что она принадлежит к партии «Народной Воли» и что она была прикосновенна к покушению на жизнь императора Александра II под Москвой 19 ноября 1879 года и что, наконец, она принимала участие в покушении 1-го марта.

Этот краткий протокол оканчивается просьбой Перовской—отложить подробные показания до следующего дня.

Перовскую препроводили только в 4 часа утра 11 марта в тюрьму, здесь же у Цепного моста, и заключили в камеру № 1-й. Доставил ее штаб-капитан Соколов, будущий смотритель Алексеевского равелина и Шлиссельбургской крепости,—знаменитый «Иродъ». В «Книге» для записи арестованных отмечено, что у Перовской отобраны были следующие ее вещи: пальто, золотое кольцо, пенсне, запонки к рукавчикам из 20 и 5 коп. серебряных монет и вороникковая маленькая вуалька.

В тот же день, 11 марта, Перовская была отправлена на вторичный допрос. Теперь Перовская дала уже обширное показание и, кроме того, ответила на все вопросы, обычно в печатном виде имеющиеся в протокольных листах.

Краткость первого допроса при отсутствии даже ответов на протокольные вопросы свидетельствует, повидимому, о том, что в этот момент с Перовской жандармы вели устные разговоры, не заботясь о протоколе. Важно было огорошить Перовскую ознакомлением ее с важнейшими против нее уликами, собранными из показаний Гольденберга, Рысакова и Желябова, в особенности Рысакова. Важно было в беседе выяснить бесполезность запирательства—обычный жандармский прием, и убедить «показывать правду».

Как и у многих видных народовольцев, у Перовской была тактика—о себе показывать по возможности все, что не задевает так или иначе товарищей по делу. Народовольцы с гордостью гово

рили о своей принадлежности к партии и о своей в ней деятельности. Раз тем или иным путем был установлен факт совершения преступления, народовольцы своего личного участия в нем не скрывали. Это было всегда с их стороны проявлением героизма и красивым жестом. Другой вопрос, насколько такая тактика была правильна по существу и не облегчала ли она работу жандармских и судебных властей...

На втором допросе утром 11 марта Перовская рассказала следующее о своем участии в покушении 1 марта:

Окончательное решение действовать было принято 28 февраля вечером, причем в этом решении участвовала и Перовская. 1 марта она отнесла снаряды на Тележную, затем была на улице и распоряжалась метальщиками. Ранее принимала участие в выслеживании выездов государя. Признала, что на Михайловской улице она в тот день встретила Рысакова, но о других метальщиках говорить отказалась, равным образом отказалась отвечать и на целый ряд аналогичных вопросов. Относительно подкопа на Малой Садовой улице Перовская признала, что про него, как член партии и агент Исполнительного Комитета, она знала, но в лавке Кобозева не бывала.

Далее Перовская записала в протоколе свои объяснения относительно своих руководящих побуждений при совершении преступления:

«Относительно мотивов, под влиянием которых партия и я, как член партии, начали террористическую деятельность, пояснить могу следующее. Стремясь к поднятию экономического благосостояния народа и уровня его нравственного и умственного развития, мы видели первый шаг к этому в пробуждении в среде народа общественной жизни и сознания своих гражданских прав. Ради этого мы стали селиться в народе для пропаганды, для пробуждения его умственного сознания.

«На это правительство ответило страшными репрессалиями и рядом мер, делавшими почти невозможной деятельность в народе. Таким образом правительство само заставило партию обратить преимущественное внимание на наши политические формы, как на главное препятствие народного развития.

«Партия, придерживаясь социалистического учения, долго колебалась перейти к политической борьбе, и первые шаги по этому пути встречали сильное порицание со стороны большинства партии, как отступление от социализма. Но ряд виселиц и других мер, показывавший необходимость сильного отпора правительству, заставил партию перейти решительно на путь борьбы с правительством, при которой террористические акты являлись одним из важных средств.

«Упорство же в посягательствах на жизнь покойного государя вызывалось и поддерживалось убеждением, что он коренным образом никогда не изменит своей политики, а будут только колебания: одной ли виселицей больше или меньше, народ же и общество будут оставаться в прежнем вполне бесправном положении.

«Точно определить время зарождения мысли о цареубийстве нет возможности, во время Соловьевского покушения единой всероссийской организации, строго говоря, не существовало, и мысль о покушении самостоятельно существовала в нескольких отдельных группах, но не у всех революционных деятелей.

«Начиная с осени 1879 года, отдельные организации сплотились в одну общую, и мысль о покушении на покойного государя была принята всей партией. На Липецком съезде я не была, впоследствии знала о том, что он был, но сведений о нем никаких сообщить не могу.

«Под влиянием принятого нами решения осенью 1879 года я и поехала в Москву, где под именем Марины Семеновны, жены Сухорукова, принимала участие в покупке дома за Рогожской заставой, затем жила там все время ведения подкопа под полотно железной дороги, вплоть до 19 ноября, вышла из дома после взрыва, около 10 часов вечера. В момент взрыва я находилась в доме на случай, если бы пришла полиция, то принять ее и отвлечь ее (внимание) подозрение. В этот момент я находилась в самом доме, а другое лицо — в сарае для смыкания батареи, назвать же это лицо я не желаю».

11 марта, в 6 часов вечера, Перовскую отвезли в Петропавловскую крепость. В следственном производстве имеется протокол допроса Рысакова от 11 марта, в котором он опознает предъявленную ему женщину, передавшую ему снаряды. О фамилии ее он сказал: «кажется, ее звали Софьей Павловой». Этот протокол подписан и Перовской, которая на протоколе написала: «в предъявленном мне сейчас человеке я признаю того Николая Рысакова, о котором говорила в моем сегодняшнем показании». В показании же Перовская признала, что она дала один метательный снаряд Рысакову (о других метальщиках она отказалась говорить).

В тот же вечер, в 8¾ часов, Перовскую вернули обратно в тюрьму у Цепного моста и вновь водворили в той же камере № 1, в которой она и просидела до суда. В дом предварительного заключения ее отвезли 24 марта, в 3 часа 25 мин. дня. Таким образом, свое известное письмо к матери, датированное «22 марта», Перовская, очевидно, писала здесь же в своей камере.

Показания Перовской жандармы, по обыкновению, ловко использовали, чтобы побудить Рысакова к новым предательским выдачам.

11 марта утром при опознании Перовской он говорит еще сдержанно об ее роли. Рысаков сначала показывал, что снаряд он получил на улице от «блондинки», потом, что он получил его на конспиративной квартире, причем сам взял его с дивана, на котором метательный снаряд лежал, и что, наконец, предъявленная ему блондинка — Перовская — дала ему условный знак относительно следования на Екатерининский канал.

Вообще Рысаков в этот момент старался защититься тем, что он плохо помнит все события 1 марта, начиная с утра...

Перовская показала, что дала снаряд Рысакову и что сообщила ему условный знак на улице,—и после этого судебные и жандармские власти делают отчаянный наскок на Рысакова. Это видно из того, что, по словам официального документа, донесения генерала Комарова графу Лорис-Меликову от 13 марта («Былое», № 10—11, 1918 г.), допрос Рысакову производился «в ночь с 12 на 13 марта».

Рысаков начал уже выдавать совершенно без всякого стеснения, запутавшись в своих показаниях и окончательно попав в капкан жандармско-прокурорских уловок.

В последний раз Перовской пришлось оставить свою камеру на несколько минут числа 15—16 марта. Предан был Рысаковым в числе прочих член наблюдательного отряда, следивший за выездами государя, студент Аркадий Тырков, которому после очной ставки с Рысаковым была дана ставка и с Перовской.

Цель этой очной ставки была непонятна, так как Перовская ни против кого никаких показаний не давала, а показания Рысакова Тырков отрицал. Оставалось одно вполне естественное предположение Тыркова, что следователи и жандармы вели «игру на физиономии». У них вырабатывается особенная наблюдательность и уменье играть на неожиданностях. Допрос с Тыркова снимал товарищ прокурора Петербургской судебной палаты Доброжинский и жандармский офицер Бланк в синих очках. Они сидели друг против друга за одним столом с Тырковым, мешали перекрестные вопросы по делу с веселой болтовней о разных разностях, стараясь придать беседе характер полной непринужденности и беззаботности.

Вдруг один из них обращается к Тыркову:

— Г. Тырков, потрудитесь обернуться!

Тырков обернулся: перед ним стояла Перовская. Видно было, что она очень много выстрадала за последние дни и утомилась. Тырков быстро произнес: «Не знаком». Перовскую увели. Вошла она неслышно, по ковру. Такой эффект неожиданности жандармы практиковали всегда.

Перовскую перевезли в дом предварительного заключения, за два дня до процесса. В Крым телеграфировали матери о случив-

шемся. Мать немедленно поспешила к своей любимой дочери, с которой ей приходилось переписываться конспиративным путем.

ГЛАВА 30.

Суд над цареубийцами.

26 марта 1881 года в особом присутствии правительствующего сената с участием сословных представителей началось слушанием дело об убийстве императора Александра II. Заседания происходили в помещении Петербургской судебной палаты на Литейном проспекте. Были они «публичны». Зал заседаний был переполнен избранной, впускавшейся по билетам публикой, которая иногда реагировала на речи... Улицы были полны «народа», — нужно думать, что большинство этого народа было из переодетых соглядатаев.

На скамье подсудимых сидело шесть человек—четверо мужчин и две женщины. Они представляли собой почти все сословия: Желябов—крестьянин, Тимофей Михайлов—рабочий, Кибальчич—сын священника, Рысаков и Гельфман — мещане и Софья Перовская—дворянка. По возрасту самым старшим был Желябов — 30 лет, самым младшим Рысаков — 19 лет. Перовской в момент процесса было 27 лет.

На вопрос первоприсутствующего, признает ли она себя виновной по предъявленным к ней обвинениям, Перовская отвечала:

— Я признаю себя членом партии «Народная Воля» и агентом «Исполнительного Комитета». Относительно взглядов, которых придерживается партия «Народной Воли» и которых придерживаюсь и я, в дополнение к словам моего товарища (Кибальчича, который доказывал, что переход к террору был вызван репрессиями за мирную пропаганду в народе), я замечу только одно: партия «Народной Воли» отнюдь не считает возможным навязывать какие бы то ни было учреждения или общественные формы народу и обществу и полагает, что народ и общество рано или поздно примут эти взгляды и осуществят их в жизни. Что касается до фактической стороны, то я действительно признаю, что по поручению «Исполнительного Комитета», как его агент, принимала участие и в покушении под Москвою 19 ноября 1879 года, и в покушении 1 марта нынешнего года.

Затем Перовская сказала несколько слов о Гесе Гельфман и о Тимофее Михайлове, стараясь выгородить их из дела...

В течение всего судебного следствия Перовская хранила молчание. Она только однажды вмешалась в показания экспертов, когда рассматривался план путей проезда императора Александра II из манежа в Зимний дворец. Свидетелями относительно Перовской яви-

лись дворники дома, где она проживала, да тот околоточный надзиратель Широков, который ее арестовал на Невском проспекте 10 марта. Характерно, что на суд не была вызвана хозяйка мелочной лавки, с которой этот околоточный надзиратель отыскивал по городу Перовскую. Повидимому, боялись мести...

Наступил момент последнего боя. Исполняющий обязанности прокурора при особом присутствии правительствующего сената, товарищ прокурора С.-Петербургской судебной палаты Н. В. Муравьев, в детстве игравший с Перовской, произнес обширную обвинительную речь, в которой было уделено много места и Перовской.

Приводим некоторые наиболее характерные места из громовых обвинений товарища детских игр Перовской:

«Я не знаю вещи или предмета, внушающего больше негодования, как воспоминания об обстановке этого преступления. Везде на проезде государя императора, куда бы ни вышел государь император, таясь во тьме, следуя за ним, стояли эти люди, выжидающие, высматривающие, следящие за его привычками, за направлением, которое он примет при проезде, для того, чтобы потом из этих опытов сделать кровавое употребление; а когда приходится себе представить, что это слежение и наблюдение было организовано женщиной, подсудимой Перовской, то становится еще ужаснее, еще более душа содрогается! Да, между тем, это так.

«Мы слышали от Рысакова и от самой Перовской, которая сознается, что она, вместе с другими лицами, давно следила за государем императором в течение всей зимы, и самая выработка плана была результатом опытов, приведенных из наблюдений. Сделалось известным, в каком часу проезжает государь император, по какому направлению, где он останавливается, и на этом был построен план.

«Пред тем, чтобы выходить на злодеяние, нужно было сообщить участникам в точности время, место и способ действия, нужно было нарисовать план, нужно было расставить бойцов, и это последнее дело приняла на себя Перовская».

Описав затем весь образ действий Перовской в день 1 марта, прокурор признает, что «руководителями злодеяния 1 марта были Желябов и Перовская».

«О Перовской,—продолжал прокурор,—следует говорить вслед за Желябовым потому, что обстоятельства тесно связывают их между собой. В прошлом Перовской есть многое такое, чего не имеют за собою другие подсудимые и о чем необходимо сказать несколько слов в настоящее время».

Охарактеризовав семью и юность Перовской до ее исчезновения из легального мира в 1878 году, прокурор переходит к событиям, начиная от московского взрыва:

«Мы получаем возможность констатировать деятельность ее в революционной среде только во время московского взрыва, в котором она участвует в качестве фиктивной жены Сухорукова-Гартмана, в качестве хозяйки конспиративного дома, из которого была проведена мина. Мы видим ее здесь непосредственной участницей преступления и из показаний Гольденберга знаем, что этим участием, той ролью в преступлении, которая ей досталась, Перовская очень гордилась. Было чем гордиться: ей была предоставлена почетная в революционном смысле роль: она должна была наблюдать за приближением императорского поезда и дать сигнал, по которому должна была быть сомкнута убийственная цепь гальванической батареи другим лицом.

«В 1880 г. мы находим ее в сожительстве с Желябовым, на квартире в доме № 17/18, по 1-ой роте Измайловского полка, и на основании этого сожительства, на основании участия ее в последнем заговоре, мы имеем основание предположить, что и она находилась под влиянием Желябова, заставлявшим ее итти по стопам Желябова и делавшим из нее слепое орудие его.

«Несомненно, Перовская получила большое социально-революционное развитие. В настоящее время она умеет говорить слова, на которых лежит печать этой науки, она складно излагает теорию социально-революционного учения — этому нечего удивляться: она прошла хорошую школу.

«Я не могу перейти к прочим подсудимым, не указав на то, что в участии в преступлении Перовской есть черта, которую выбросить нет возможности.

«Мы можем представить себе политический заговор; можем представить, что этот заговор употребляет средства, самые жестокие, самые возмутительные; мы можем представить себе, что женщина участвует в этом заговоре.

«Но чтобы женщина становилась во главе заговора, чтобы она принимала на себя распоряжение всеми подробностями убийства, чтобы она с циническим хладнокровием расставляла метальщиков, чертила план и показывала, где им становиться, чтобы женщина, сделавшись душой заговора, бежала смотреть на его последствия, становилась в нескольких шагах от места злодеяния и любовалась делом рук своих,—такую роль женщины обыкновенное нравственное чувство отказывается понимать».

Защищал С. Л. Перовскую присяжный поверенный Е. И. Кедрин, который в пределах возможного пытался дать свое объяснение совершенному Перовской, приглашая суд к смягчению ее участи.

«Я должен сознаться, — говорил прис. пов. Е. И. Кедрин, — что нахожусь под впечатлением речи прокурора, и передо мною

рисуется та картина, которую он с таким талантом нарисовал; эта тяжелая картина мешает, по моему мнению, спокойному, беспристрастному отношению к делу; сам прокурор, который обещал в начале своей речи хладнокровно обсудить все обстоятельства дела,— перешел к несколько страстной форме.

«Я постараюсь отвлечь ваше внимание от этой тяжелой картины к другой картине: обратить ваши мысли к личности подсудимой. Я просил бы вас забыть об этом преступлении, насколько это окажется мыслимо, и проследить за мною жизнь подсудимой.

«Когда вы услышали в первый раз, что в этом преступлении участвует женщина, то у вас, вероятно, родилась мысль, что эта женщина является каким-то извергом, неслыханною злодейкою. Когда же вы встретились с нею на суде, то это впечатление, я думаю, оказалось диаметрально противоположным. По крайней мере, подсудимая на меня произвела совершенно другое впечатление, чем то, которое у меня до встречи с нею составилось.

«Я увидел скромную девушку, с такими манерами, которые не напоминали ничего зверского, ничего ужасного.

«Где же причина этому явлению? Может быть, она желает нарисоваться: представить себя в лучшем свете, чем она есть на самом деле. Я этого не думаю. Я полагаю, что то признание, которое она пред вами сделала, не выгораживая себя нисколько, идя вперед навстречу обвинению, которое над нею тяготеет, прямо говорит за то, что в ней нет и тени лицемерия.

«Какая же причина, где корень того, что в этом деле являются Перовская и Рысаков, лица ранее безукоризненного поведения?

«Чтобы обсудить этот вопрос, нам необходимо познакомиться с жизнью подсудимой, и эту задачу я считаю для себя обязанным выполнить пред вами.

«Из речи господина прокурора известно, что Перовская привлекалась к делу в 1871 году; революционное ее прошлое, по мнению обвинения, велико; но я не разделяю этого убеждения и думаю, что ее революционное прошлое начинается очень недавно. Правда, в 1871 году она привлекалась к дознанию о каком-то тайном сообществе, имевшем связь с революционной деятельностью, но впоследствии оказалось, что это сообщество преследовало благотворительные цели, почему и следствие над Перовской было, по высочайшей воле, прекращено. В 1874 году Перовская привлекалась по делу о 193 лицах. Следствие тянулось четыре года, но улик собрано против нее не было. Правительствующий сенат оправдал ее: это дает полное основание утверждать, что подсудимая была невиновна. Если состоялось судебное решение, оправдывающее подсудимую, то прежде всего следует остановиться на пред-

положения о невиновности, а на обязанности прокурора лежит доказать противное. Таким образом, я полагаю, что Перовская действительно была невиновна в том преступлении, которое ей приписывалось и совершенно правильно была оправдана правительствующим сенатом.

«До суда о 193 лицах подсудимая жила в Симферополе с своей матерью. Под ее ведением и управлением находилась школа общества «Красного Креста». После оправдания ее особым присутствием правительствующего сената уехала Перовская к матери в Симферополь и снова начала заниматься делом, которому она осталась бы преданной и посвятила ему всю жизнь, если бы не случилось одного обстоятельства. Она была арестована и административным порядком выслана, но дорогою ей удалось бежать, и вот Перовская очутилась в положении «нелегальной».

«Вернуться к родным ей было нельзя, так как паспорт выдавал ее всюду, и ей неизбежно пришлось вступить в среду лиц, которые находились в таком же положении, т.-е. в положении нелегальном: это — состояние, в котором каждый шаг, каждый час, каждую минуту должно наблюдать за собою, беречься и трепетать за свою судьбу. Такое состояние неотразимо действует на нравственное чувство человека и невольно возбуждает в нем инстинкты, которых следовало бы избегать.

«Несомненно, что в кругу таких лиц, поставленных вне закона, социально-революционные идеи необходимо получают громадную силу. Люди революционных кружков, сходящиеся только между собою, не слыша беспристрастной критики их идей, естественно все более и более проникаются ими и доходят до самых разрушительных теорий. Таким образом, и идеи Перовской постепенно принимали более и более крайний оттенок, все более и более побуждали ее итти по дороге революции...

«Если только вы согласитесь со мной, что действительно первым толчком, который побудил Перовскую итти по этому революционному пути, была административная ссылка и что благодаря этой ссылке и той нетерпимости идей, замкнутых в среде небольшого кружка, которая делала строгой их критику, она дошла до нелегального положения, то в этих обстоятельствах вы должны усмотреть данные, которые до известной степени объясняют судьбу Перовской.

«Вследствие этого я ходатайствую пред особым присутствием правительствующего сената о возможно более снисходительном отношении к участи подсудимой».

Таковы были обвинительная и защитительная речи.

Конечно, стороны стояли в неравном положении. Прокурор был в полноте сознания своей абсолютной свободы. Защита была стеснена до крайности. Суд происходил вскоре после самого события первого

марта. Не остыли еще страсти, и в бешеной злобе продолжались преследования политических «преступников». Как свидетельствует Тырков, прокуратура и жандармерия относились положительно к ненавистью к Перовской (как и к Желябову). И эта ненависть зазвучала очень явственно в тех словах И. В. Муравьева, в которых он, сойдя с почвы чисто юридической, перешел на моральную и стал клеймить Перовскую, как безнравственного злодея.

И защите не пришлось даже в этой области поднять перчатку. Пришлось проглотить явное оскорбление и явную нечестность. И пришлось ограничиться теми умеренно-либеральными словами, которые могли быть допущены председателем суда, как минимум вежливой свободы.

Вне поля действий защиты осталось все революционное движение в России, все его глубочайшие политические и социальные причины, все мощные сдвиги истории великой страны с тяжкими освобождения крестьян.

А между тем только на этом поле и могло происходить сражение доводами и аргументами. Но говорить об этих явлениях значит говорить о роли правительства, об его политике, об его отношении к обществу, к общественному мнению, к оппозиционному и революционному движению, параллельно с отношением к бунту народному и к своим собственным интересам, феодально-дворянским и династическим.

Только при условии полной свободы слова в этих рамках мог бы состояться «правый и милостивый суд». А он был только сценой.

С делом торопились, точно нужно было осуществить военно-полевую юстицию. Правительство жаждало быстрейшей расправы. Первоначальным намерением властей было немедленное завершение следствия по делу первого марта, немедленное предание военному суду Рысакова и немедленная же смертная казнь. Но выдача Рысакова, открытие конспиративной квартиры на Тележной, арест Геси Гельфман, а затем и арест Перовской естественно замедлили течение процесса.

Уже третьего марта правительство чувствует некоторую досаду, что невозможно провести всего дела в торопливом порядке. Граф Лорис-Меликов в докладе от 3 марта императору Александру III («Былое», № 10—11, 1918 г.) сообщал, что в виду ареста Гельфман и Тимофея Михайлова придется отсрочить открытие суда на два, на три дня. Это тем более необходимо, что на 6 марта было назначено перенесение тела Александра II в Петропавловскую крепость; поэтому в такой день смертная казнь была бы несуместна, да и войсковые части будут заняты в церемониале похорон. В виду этого граф

предлагает казнь отложить до 9 марта, стараясь, чтобы ее не пришлось выполнять в воскресный день.

Этот документ нельзя не признать замечательным. Суда еще никакого нет, а о смертной казни говорится, как о вынесенной уже судом. Думая о смертной казни, в то же время думают и об удобствах и даже о религиозных соображениях! Нельзя казнить потому, что перенесение тела Александра II! Нельзя казнить потому, что заняты войска, а беспорядков боялись, и поэтому охрана города в особенности нужна! Нельзя казнить в воскресенье!..

Эта помесь беззакония, прикрывающегося лицемерной религией, быть может, служит лучшей характеристикой графа Лорис-Меликова, с его двусторонней, двуличной политикой!..

Следствие все же окончили только 9-го марта, и 10-го был обвиняемым вручен обвинительный акт, но 10-го же марта был арестован Перовская, которую нельзя было не «пришить» к делу, и следствие возобновилось. То же повторилось и при аресте 17 марта «техника» Кибальчича. В том и другом случае приходилось писать дополнительные обвинительные акты.

И хотя следствие еще продолжалось и продолжались открытия, но решено было кончить дело во что бы то ни стало, и дело было назначено к слушанию на 26 марта.

Так торопилась та власть, представитель которой, непрестанно говоря в своей обвинительной речи о законности и высокой добродетели и христианстве одной стороны, бросил обвинение и в безнравственности—другой стороне.

Вот это-то обстоятельство и вывело Перовскую на суде из равновесия. Она, державшаяся в стороне, до сих пор не принимавшая почти никакого участия в судебном следствии, теперь не выдержала и в последнем слове сказала то, о чем наиболее болело и страдало ее сердце.

Перовская произнесла несколько слов весьма примечательных:

«Много, очень много обвинений сыпалось на нас со стороны г. прокурора. Относительно фактической стороны обвинений я не буду ничего говорить,—я все их подтвердила на дознании, но относительно обвинения меня и других в безнравственности, жестокости и пренебрежении к общественному мнению, относительно всех этих обвинений я позволяю себе возражать и сошлюсь на то, что тот, кто знает нашу жизнь и условия, при которых нам приходится действовать, не бросит в нас ни обвинения в безнравственности, ни обвинения в жестокости».

Это весьма характерно именно для Перовской. Здесь она встает во весь свой моральный рост. Она, ригористка, ведшая аскетический, положительно образ жизни, не могла стерпеть, услышав такой при-

*

говор прокурора, игравшего с ней когда-то в детские игры. Ее протест сжат и прост. Тот, кто знает жизнь революционеров, тот не бросит упрека им в безнравственности и жестокости. Это именно то, что могло наиболее остро ранить сердце Перовской. Она ведь не жила с того момента, когда, после процесса 193-х и бегства от жандармов, отдала свою жизнь на суровое тягчайшее служение народу, как она понимала его благо.

Это была, действительно, не жизнь, а какое-то отшельничество от всех мелочных благ мира и его удобств. Отдавшись революционному делу, Перовская естественно мало отдавала и на партийные средства. Но редко брала она на себя траты. У партии больших сумм не было, а какие были, те уходили на партийные предприятия, всегда требовавшие усиленного притока финансов. В. Н. Фигнер рассказывает, что однажды Перовская обратилась к ней с просьбой достать 15 рублей. Эти деньги она истратила на себя — на лекарства, и не считала возможным этот расход относить на партийный счет. Перовская ждала присылки какой-то вещи от матери и предполагала продать ее, чтобы покрыть долг в 15 рублей...

Перовская жила более, чем скромно. В квартире в Петербурге и в Москве, где она жила вместе с Желябовым, она была и хозяйкой и кухаркой. Такая же роль выпала ей и под Москвой, когда она хозяйничала, как жена Сухорукова, и ежедневно ходила на базар за продуктами.

Эта избалованная с детства аристократическая девушка не жалела своих изнеженных рук на черную работу. Трудной для нее она была. Но Перовская недаром закаляла себя и спаньем на деревянных голых досках, и самой грубой пищей, и тренировала себя в полной подвижнической чистоте.

Вот почему она смотрела на то, что, казалось бы, в деле играет второстепенную роль — личную жизнь участников большого революционного движения.

ГЛАВА 21.

Приговор сената.

Прокурор сената требовал смертной казни для всех подсудимых, даже для девятнадцатилетнего Рысакова, не говоря уже о Перовской и Гесе Гельфман. Особое присутствие сената признало всех виновными и в принадлежности к сообществу, имевшему целью ниспровержение существующего строя, и в совершении террористических актов.

Чтобы оттенить моральную сторону, с которой прокурор сената высказал столь презрительное мнение, нужно отметить также, в

Желябова и Перовской относительно Тимофея Михайлова. Они старались всячески, всеми силами выгородить этого мало развитого рабочего, у которого была, однако, великая и неизбывная ненависть к неправде жизни. Он не мог выдержать испытания [illegible], ушел со [illegible] с поля сражения... Но он держался на предварительном следствии и суде прекрасной тактики отрицания. И особое присутствие сената, несмотря на оговор Рысакова, признало, что Тимофей Михайлов не был на Екатерининском канале, равно как и не участвовал в подкопе на Малой Садовой улице. Это не помогло делу. И без этих обвинений приходилось [illegible] Тимофею Михайлову. Не удалось ему избежать смертной казни. Но все же [illegible] эта товарищеская заботливость и самоотверженная защита человека, который сам не мог защищаться во всей полноте возможностей...

Прокурор потребовал смертной казни. И смертный приговор был вынесен в 6 часов утра 29 марта; в окончательной же форме он был объявлен 30 марта, в 4 часа дня. Между тем этот приговор в окончательной форме представляет собой 26 страниц печатного текста, т.-е. такую обширную работу, которая отнюдь не могла быть выполнена в сенате в такой краткий срок. Требовалось ведь разобрать и взвесить все данные по делу и улики относительно каждого подсудимого. Очевидно, остается предположить, что такой приговор был написан заранее, что, конечно, вполне соответствует всем условиям, в каких протекал процесс.

От подачи кассационных жалоб все обвиняемые отказались. Прошения о помиловании подали Рысаков и Михайлов, и царь оставил их без удовлетворения по основаниям заключения сената, отбросившего правовые соображения и [illegible], как заинтересованная политическая сторона, что злодеяние этого преступления, естественно, так ужаснувшее [illegible] русскую землю таким неслыханным горем, как не бывало в летописях русского народа (если не забыть про Петра III и Павла I), что и самая малая тень участия в таком злодеянии должна в убеждении русского суда стоять выше всех злодеяний на земле...

Царь, конечно, согласился с этими лицемерными доводами, [illegible] его самодержавию.

1-го апреля сенат постановил обратить приговор к исполнению (кроме приговора над Гесей Гельфман, оказавшейся беременной). Он был передан в 8 часов вечера 1-го апреля прокурору судебной палаты, который в свою очередь в 11 часов вечера препроводил копию указов петербургскому градоначальнику Баранову.

Все судившиеся участники дела знали, что смертной казни им не миновать. И все же им пришлось ждать с утра 29 марта по утро 3 апреля... быть может, лелея еще надежды...

ГЛАВА 32.

Мать.

Мать Софьи Львовны, боготворимая ею, приехала к процессу и получила возможность видеться с дочерью в доме предварительного заключения.

Редкое по силе своей впечатление производят потрясающие строки, которые посвящает В. Н. Фигнер свиданиям матери и дочери.

«Во время суда надо мной,—рассказывает В. Н. Фигнер,—надзирательницы дома предварительного заключения рассказывали мне, что во время процесса Перовской на свиданиях с матерью, приехавшей из Крыма, Софья Львовна мало говорила. Как больное измученное дитя, тихая и безмолвная, она все время полулежала, положив голову на колени матери. Два жандарма, день и ночь сидевшие в камере Перовской, находились тут же».

И все! Какой великолепный сюжет для картины художника!

Две женщины в своем горе превыше человеческих сил не выражают его бессильными человеческими словами. Они безмолвно обе страдают. Ласка с одной стороны, тихая, нежная материнская ласка. И ласка с другой—прикоснуться к коленям любимой матери и замереть... Так, бывало, замирала Сонечка-крошка на коленях матери в пору детства, когда обе тоже безмолвно страдали, каждая по своему чувству, от гнета тирана-отца... Каждая по своему—и понимали все же друг друга, и это безмолвие было точно какой-то [illegible] любви двух страдающих душ.

С. Кравчинский в «Подпольной России» рассказывает, что мать Софии Перовской, обожавшая дочь, приехала из Крыма немедленно, как только узнала о ее аресте. Она видит ее в последний раз в день приговора. Все остальные пять дней, под тем или другим предлогом, ее каждый раз отсылают из дома предварительного заключения. Наконец, ей сказали, что она может видеть дочь утром 3 апреля.

«Она пришла, но в ту минуту, когда она подходила к тюрьме, ворота распахнулись, и она действительно увидела дочь,—но уже на позорной колеснице»...

Перовская, повидимому, не ждала матери. Думала, что не успеет или что не пустят дорогую к ней в заключение. И она, находясь еще в тюрьме при департаменте полиции, написала ей письмо, датированное 22 марта.

Вот что писала дочь матери:

«Дорогая моя, неоцененная мамуля. Меня все давит и мучает мысль, что с тобой. Дорогая моя, умоляю тебя, успокойся, не мучь

себя из-за меня, побереги себя, ради всех окружающих тебя и ради меня также.

«Я о своей участи нисколько не горюю, совершенно спокойно встречаю ее, так как давно знала и ожидала, что рано или поздно, а так будет. И право же, милая моя мамуля, она вовсе не такая мрачная. Я жила так, как подсказывали мне мои убеждения; поступать же против них я была не в состоянии; поэтому со спокойной совестью ожидаю все, предстоящее мне.

«И единственно, что тяжелым гнетом лежит на мне, это твое горе, моя неоценимая, это одно меня терзает, и я не знаю, что бы я дала, чтобы облегчить его.

«Голубонька моя, мамочка, вспомни, что около тебя есть еще громадная семья, и малые и большие, для которых для всех ты нужна, как великая своей нравственной силой. Я всегда от души сожалела, что не могу дойти до той нравственной высоты, на которой ты стоишь, но во всякие минуты колебания твой образ меня всегда поддерживал. В своей глубокой привязанности к тебе я не стану уверять, так как ты знаешь, что с самого детства ты была всегда моей самой постоянной и высокой любовью. Беспокойство о тебе было для меня всегда самым большим горем. Я надеюсь, родная моя, что ты успокоишься, простишь хоть частью все то горе, что тебе причиняю, и не станешь меня сильно бранить. Твой упрек единственно для меня тягостный.

«Мысленно крепко и крепко целую твои ручки и на коленях умоляю не сердиться на меня. Мой горячий привет всем родным. Вот и просьба к тебе есть, дорогая мамуля, купи мне воротничек и рукавчики, потому сами знаете не позволяют иметь, и воротничек нужен, а то для суда хоть несколько поправить свой костюм: тут он очень расстроился. До свидания же, моя дорогая, опять повторяю свою и особу: не терзай и не мучай себя из-за меня; моя участь вовсе не такая плачевная, и тебе из-за меня горевать не стоит.

22 марта 1881 г. Твоя Соня».

ГЛАВА 33.

Смертная казнь.

После приговора, объявленного в окончательной форме, прекращены были свидания Перовской с матерью. Эта мера была принята по отношению ко всем осужденным, и она породила самые разнообразные и бесконечные толки в столице. Отголоском этих толков явилась прокламация, выпущенная типографией «Черного Передела»

от имени беспартийных, утверждавшая, что совершается в т[illegible] величайшее злодеяние—пытки над осужденными первомартовцами [1]). На сколько было основательно это обвинение, мы не имеем данных, чтобы объективно судить. Во всяком случае после прочтения [illegible] была создана легко [illegible] (Н. П. Ашешов. «Н. Рысаков». Из серии «Историко-революционной библиотеки»).

Понятно, что при таких условиях весьма немного могло дойти из-за тюремных стен до нас о том, что делалось с Перовской.

С. Иванова, арестованная еще в начале 1880 года и сидевшая в доме предварительного заключения и тогда, когда там пребывала и Перовская, пишет в своих воспоминаниях:

«Последний ее привет я получила уже после приговора по делу 1 марта, когда все осужденные сидели в доме предварительного заключения. Из крепости их перевезли накануне (за два дня) суда. Но они были окружены такой усиленной стражей, что завязать сношения с кем-либо из них не было возможности. После приговора в камере Перовской был поставлен жандарм (по словам В. Н. Фигнер, два жандарма дежурили у Перовской и до суда), который следил за входившими туда надзирательницами.

«У меня была надежда завести сношения, чтобы исполнить какое-нибудь ее поручение и вообще оказать ей последнюю услугу, но за ней постоянно следили, и вход к ней имели только избранные начальством надзирательницы.

«Между приговором и казнью прошло, кажется, два дня (пять дней), и это было страшно тяжелое время. Но у меня все-таки не пропадала надежда, что приговор смягчат, хотя бы только относительно женщин.

«Самое мучительное состояние для меня началось, когда я узнала, что вечером накануне казни к ней приходили священника для беседы. Не помню даже, как мне передавали,—отказалась ли она говорить со священником, или приняла его,—для меня это было признаком того, что надежды нет никакой.

«Всю ночь я не спала, а рано утром узнала, что уже привезли дроги, которые должны увезти осужденных, и я слышала за стеной коридора глухой стук этих колесниц. Потом мне сказали и передали, что Перовскую уже повели одевать в контору дома предварительного

[1]) В № 1-м «Листка Народной Воли» от 22 июля 1881 года в передовой статье, между прочим, говорится: «Начало царствования ознаменовалось [illegible] казнью наших дорогих товарищей, в том числе Перовской,—первый у нас случай исполнения смертного приговора над женщиной,—этого мы не забудем». В примечании к этим словам сказано: «общая молва говорит о пытках после суда. Не решаемся подтверждать слух, не имея для этого положительных доказательств».

заключения. Потом я должна была прислушиваться, когда коленцами снова загремит во дворе... Конечно, легче было бы не знать этих подробностей, но искушение спросить и узнать что-нибудь о них было так велико и состояние мое так мучительно...

«Бессильная злоба от сознания, что я не только не могу ничем предотвратить тот ужасный день, который сейчас должно совершиться, но даже не могу выразить своего протеста и негодования. Состояние было мучительное. С тех пор прошло уже 24 года, но я так ясно помню и чувствую то, что переживала тогда, что и теперь воспоминание об этом ужасном дне заставляет меня содрогаться.

«За все дни, пока Перовская сидела в предварилке, мне удалось получить от нее только привет на словах, переданный одной доброй феей. Но мне удалось узнать все что о том, как Соня Львовна проводила свой последний день. Говорили, что она была спокойна, но бледна и слаба физически. Это и не удивительно, так как в последнее время не реже раза часто хворала».

А. Тырков, также сидевший в доме предварительного заключения в марте и апреле, ничего не знал ни о суде, ни о казни.

«Об их казни я узнал не скоро, так как родные скрывали от меня этот факт. Но в тюрьме пронесся смутный слух о ней. Уголовные, разносившие нам пищу и кипяток, как-то шепнули мне: «сегодня двух повесили». Утро долго спустя один солдат—жандарм, дежуривший при осужденных на долю 1 марта, передал мне кое-что о последних минутах их жизни.

Все они содержались в доме предварительного заключения, мужчины — в каждой этажа, в одиночках. Ночь перед казнью один Кибальчич провел спокойно—спал, как всегда. Все другие не спали. Желябов часто возбужденно ходил по камере. Когда Перовскую вывели во двор, где ее ждала позорная колесница, она побледнела и пошатнулась. Но ее поддержал Михайлов словами: «что ты, что ты, Соня,—опомнись». Этот окрик привел ее в себя: она справилась с минутной слабостью и твердо взошла на колесницу».

В. П. Обнор рассказывает о жутком последнем моменте ее пребывания в доме предварительного заключения:

«Она была женщина: ей могло быть больно, физически больно. Когда в черном арестантском халате, у дверей дома предварительного заключения, ее привязали к позорницу, посадив спиной к лошади и повесив на грудь доску с надписью: «цареубийца», то руки ее скрутили так туго, что она сказала: «отпустите немного: мне больно».

— После будет еще больнее,—буркнул грубый жандармский офицер, наблюдавший за всей поездом.

«Это был тюремщик Алексеевского равелина, где, немного спустя, медленной смертью умерщвляли наших народовольцев, он же—последний комендант нашего Шлиссельбурга—Яковлев.

«На эшафоте Перовская была тверда всей своей стальной твердостью. Она обняла на прощанье Желябова, обняла бы Кибальчича, обняла бы Михайлова, если бы было можно. Но не обняла бы Рысакова, который, желая спастись, выдал Тележную улицу и погубил Саблина, застрелившегося, выдал Гесю Гельфман, умершую в доме предварительного заключения, погубил Т. Михайлова, которого привел на эшафот [1].

«Так умерла Перовская, верная себе в жизни и смерти».

* * *

Официальный отчет об исполнении судебного приговора над пятью первомартовцами, естественно, передает только немногое из той драмы, которая, начавшись на Екатерининском канале, закончилась на Семеновском плацу.

Но приходится воспользоваться и этим отчетом,—так как для истории дорога каждая строчка, касающаяся этого события.

Накануне смертной казни, 2-го апреля, в дом предварительного заключения, в 8 часов вечера, прибыло пять священников для напутствования приговоренных.

Софья Перовская, как и Желябов, категорически отказалась принять священника.

Через два часа после священников в дом предварительного заключения прибыл палач Фролов и провел здесь ночь, делая приготовительные работы к завтрашнему дню.

Ночь накануне казни Перовская провела спокойно и легла в постель в начале одиннадцатого часа.

В шесть часов утра всех приговоренных разбудили и дали им чаю. После Перовскую вызвали в контору предварительного заключения и здесь облачили ее в тиковое с мелкими полосками платье, полушубок и черную арестантскую шинель.

---

[1] По вполне компетентному свидетельству В. К. («Былое», XV, 1920 г.), на эшафоте поцелуями простились не только Желябов и Михайлов с Перовской, но и все осужденные друг с другом, и одинаково Перовская отвернулась от Рысакова, когда он потянулся к ней. Такое же враждебное отношение к Рысакову выказывала Перовская и во время судебных заседаний. Подсудимые вводились в зал поочередно, причем позже входившие обменивались рукопожатиями с ранее прибывшими; не было этого приветствия только между Рысаковым и Перовской, которая демонстративно отворачивалась от него».

Как только окончили переодеванье, всех приговоренных выводили во двор, где ждали их уже две «позорных колесницы». Приговоренных сажали на скамью колесницы и их руки, ноги и туловище прикрепляли ремнями к сиденью.

В половине восьмого колесницы выехали из ворот дома. Перовская сидела на второй колеснице, вместе с Кибальчичем и Михайловым, занимая место среди них. Ей не дали даже последнего утешения,—не посадили вместе с Желябовым. Все были бледны, но Перовская, как и Кибальчич, казалась бодрее других, и на лице Перовской можно было заметить легкий румянец. На голове Перовской была черная повязка вроде капора. На груди у нее, как и у всех, висела доска с надписью: «цареубийца».

Кортеж следовал по центральным и оживленным улицам Петербурга, заполненным городовыми, жандармами и войсками. Было мобилизовано несколько полков в этот день.

Колесницы тяжело громыхали по мостовым и приговоренные, сидевшие спиной на две над мостовой, тяжело покачивались на каждом ухабе. Колесницы были окружены войсками. Улицы по пути следования были переполнены народом.

Несметные толпы народа запили и Семеновский плац, покрытый еще снегом, с тающими местами лужами.

Обрядом распоряжался градоначальник; судебные власти были представлены в лице прокурора С.-Петербургской судебной палаты В. К. Плеве, и. д. Петербургского прокурора окружного суда Плющик-Плющевского и товарищей прокурора Ростовского и Муравьева при обер-секретаре Попове.

Палач Фролов прибыл на место казни раньше кортежа в особой карете в сопровождении полицейских. Несколько ранее прибытия приговоренных приехали и пять священников в трех каретах. Священники были облачены в траурные ризы, с крестами в руках. На козлах карет помещались церковнослужители. Очевидно, приближаясь к Семеновскому плацу, кареты священников обогнали колесницы, так как весь путь до площади эти кареты следовали за колесницами.

По прибытии колесниц, палач взлезал на каждую и отвязывал приговоренных. Его помощники отводили их на эшафот под руки...

Перовская стояла посередине между парами приговоренных—Желябова и Рысакова с одной стороны и Михайлова и Кибальчича с другой. Приговоренные казались спокойными, в особенности Перовская, Желябов и Кибальчич.

На спокойном желтовато-бледном лице Перовской блуждал легкий румянец, когда она подъехала к эшафоту: глаза ее блуждали, лихорадочно скользя по толпе и тогда, когда она, не взявши ни одной

[illegible] лицом, пристально глядела на платформу, стоя у позорного столба.

Был прочитан приговор, и поднялись на эшафот священники. Осужденные почти одновременно подошли к священникам и поцеловали крест, после чего были отведены каждый к своей веревке. Священники осенили крестом приговоренных и сошли с эшафота...

Перед тем, как белые саваны были надеты на осужденных, Желябов и Михайлов приблизились к Перовской и поцелуем простились с ней [1]).

Стоя в саване, Перовская, как и Желябов, покачивала неоднократно головой.

Казнь палач начал с Кибальчича. Перовская была казнена третьей. Сильно упав в воздухе, когда палач отдернул скамью, она вскоре повисла без движения.

В 9 час. 30 минут утра казнь окончилась. Барабаны перестали бить. Начался шумный говор толпы.

К эшафоту подъехали сзади две ломовые телеги, покрытые брезентами. Трупы казненных висели не более двадцати минут. Затем на эшафот были внесены гробы, куда были положены трупы казненных. Врач их осмотрел, чтобы убедиться в смерти.

Под сильным конвоем гробы были отвезены на Преображенское кладбище.

А в это время привилегированные зрители, имевшие по билетам доступ поближе к эшафоту, толкались здесь, чтобы добыть кусок веревки, на которой были повешены цареубийцы...

* * *

Таково официальное описание страшной казни. К этому следует прибавить одно неофициальное свидетельство офицера К., присутствовавшего со своей ротой на Семеновском плацу («Былое», XV, 1920). По его свидетельству, Тимофей Михайлов два раза срывался с петли, и только в третий раз удалось выполнить надлежащим образом «обряд». Толпа, конечно, в эти три момента глухо волновалась. Когда палач снимал Михайлова во второй раз, толпа стала кричать, заметив, что веревка гнилая... Перовская стояла рядом с Михайловым... Она ничего не видела. Саван закрыл ей очи. Но она чувствовала, что что-то происходит, и слышала, что людское море волнуется...

Под этим впечатлением она и перешла в другой мир...

1) См. примеч. выше стр. 1[illegible]8.

ГЛАВА [illegible].

Порог.

Стихотворение в прозе И. С. Тургенева.

Я вижу громадное здание. В передней стене узкая дверь раскрыта настежь, за дверью угрюмая мгла, перед высоким порогом стоит девушка... русская девушка.

Морозом дышит та непроглядная мгла, и вместе с леденящей струей вылетает из глубины здания медлительный, глухой голос:

«О, ты, что желаешь переступить этот порог, знаешь ли ты, что тебя ожидает?»

— Знаю,—отвечает девушка.

«Холод, голод, ненависть, насмешки, презрение, обида, болезнь, самая смерть».

— Знаю.

«Отчуждение, полное одиночество».

— Знаю... я готова. Я перенесу все страдания, все удары.

«Не только от врагов, но и от родных, друзей?»

— Да... и от них.

«Хорошо. Ты готова на жертву?»

— Да.

«На безымянную жертву? Ты погибнешь,—и никто... никто не будет даже знать, чью память почтить...»

— Мне не нужно ни благодарности, ни сожаления. Мне не нужно имени.

«Готова ли ты на преступление?»

Девушка потупила голову.

— И на преступление готова.

Голос не тотчас возобновил свои вопросы.

«Знаешь ли ты,—заговорил он, наконец,—что ты можешь разувериться в том, чему веришь теперь, можешь понять, что обманулась и дурно потрудилась [illegible]?»

— Знаю и это. [illegible]

«Войди!»

Девушка перешагнула порог,—и [illegible] завеса упала за нею.

«Дура!»—прозвучало [illegible] сзади.

«Сказал!»—прокаркнул [illegible] в ответ.

* * *

Таким чудесным стихотворением в прозе почтил память Софьи Перовской И. С. Тургенев. Оно было отпечатано в [illegible]

типографии «Народной Воли» в Петербурге и датировано «25 сентября 1883 года».

Этим стихотворением в прозе мы и заканчиваем наше повествование о Перовской. Проникновенный художник, так чутко понявший и объявший русскую женскую душу, в немногих словах выпукло очертил образ героини, одной из многих героинь, душу свою положивших за други своя России.

В терновом венце стоит пред нами этот образ, осиянный светочами свободы. Скорбными глазами глядит на Россию. Страданием дышит лицо. И трепещет любовью раздавленное палачом сердце...

И каков бы ни был суд истории над нею, партией и делом, которым она служила, Перовская в нашем прошлом останется навсегда, как яркий образ русской красоты героизма, повенчавшегося с отреченностью от жизни и вознесшегося на высоты служения народу, его благу, его счастью, пред лицом всемогущего самодержавия, в низинах которого распиналась русская свобода...

Оглавление.

		стр.
Глава	1. Предки Софьи Перовской	5
	2. Движение шестидесятых годов	7
	3. Детские годы Перовской	9
	4. Учебные годы	11
	5. Бегство из родительского дома	13
	6. В начале семидесятых годов	14
	7. Кружок чайковцев	18
	8. Дело И. И. Гончарова	27
	9. Рабочие и народ	29
	10. Замечательный ученик-рабочий	32
	11. Бакунинская программа	36
	12. К процессу 193-х	39
	13. В Цюрих	43
	14. Процесс 193-х	46
	15. После «Большого процесса». Новая революционная организация «Земля и Воля». Планы Перовской	50
	16. Попытка освобождения Войнаральского	55
	17. Поездка в Крым. Бегство в пути. В Петербурге.	60
	18. В Харькове. План массового освобождения политических заключенных из централа	63
	19. Кризис революционных организаций	65
	20. В стане террористов. Желябов и Перовская	70
	21. 19 ноября 1879 года. Покушение на Александра II под Москвой	75
	22. Приготовления к цареубийству в городе Одессе весной 1880 года	78
	23. Пред решительным боем	81
	24. Взгляды Перовской на капитальные вопросы народовольчества	86
	25. Подготовка к цареубийству	90
	26. Перовская—заместительница Желябова	96
	27. 28 февраля и 1 марта 1881 года	101
	28. От цареубийства до ареста	110
	29. Арест Перовской. Ее показания	120
	30. Суд над цареубийцами	125
	31. Приговор сената	132
	32. Мать	134
	33. Смертная казнь	135
	34. «Порог». стихотворение в прозе И. С. Тургенева	141